

ВПЕРЕДЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО
ОЧЕРЕДНЫМЪ ВОПРОСАМЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

1. *Редакція*. Впередъ! (передовая статья).
2. *С. В.* Студенческое движеніе.
3. *Столяръ*. Ко второму съѣзду фабрично-заводскихъ врачей.
4. *Воиновъ*. О Толстомъ.
5. *Арсеньевъ (печатникъ)*. Къ вопросу объ экономическомъ положеніи.
6. — *въ*. Латвийская социальдемократія и легализаторство.
7. *Петръ Ал.* Что говорятъ социалисты-революціонеры и социальдемократы о законѣ 9-го ноября?
8. *С. В.* Петиціонная кампанія.
9. *В.* Маленькая замѣтка.
10. *А. Луначарскій*. Международное положеніе. Радикаль-социалисты у власти.
11. *Письмо К. Каутскаго* Совѣту Второй Партіи Школы.
12. *Безработный*. Свѣтлой памяти Марата.
13. *Старый другъ*. Стихотвореніе — На память Марата.
14. *П. Безработный*. У могилы Зингера.
15. *Г. Выборжскій*. Петербургъ, Выборгская Сторона.
16. *Матросъ*. Письмо Матроса.
17. *Резолюція* совѣщанія представителей петербургскихъ социальдемократическихъ районовъ.

Дискуссионный отдѣлъ

18. *Читатель (но не почитатель)*. „Каковъ попъ, таковъ и приходъ“.
19. *Не-отзовистъ*. Партіиный „звѣздоносецъ“ о своей партіи.
20. *А. О.* Перспективы.
21. *Заявленіе* женевского идейнаго кружка большевиковъ.

ИЗДАНИЕ ГРУППЫ „ВПЕРЕДЪ“
„EN AVANT“

№ 3

Май 1911 г.

Впередъ

Сборникъ статей по очереднымъ
вопросамъ

Цѣна 50 сант.

Издание Группы „ВПЕРЕДЪ“

№ 3 май 1911 г.

Впередъ!

Начало нынѣшняго года ознаменовалось въ Россіи нѣсколькими политическими событіями весьма большой важности. Значеніе ихъ — не въ какихъ-либо прямыхъ, непосредственныхъ результатахъ, которые могутъ они принести въ дѣлѣ развитія россійской революціи, классовой борьбы рабочихъ массъ. Если взять эти событія *сами по себѣ*, то ни одно изъ нихъ — ни студенческое движеніе, ни разгромъ высшей школы, ни выступленіе 66-ти московскихъ промышленниковъ, ни столкновеніе Столыпина съ Государственнымъ Совѣтомъ — не можетъ служить достаточно сильнымъ источникомъ новаго подъема революціонной волны, ибо столбовая дорога россійскаго революціоннаго движенія не совпадаетъ съ тѣми толчками, изъ которыхъ возникли данныя событія; она проходитъ недалеко отъ нихъ, но не *черезъ* нихъ.

Но если мы не обольщаемъ себя насчетъ прямыхъ практическихъ результатовъ того, что происходитъ сейчасъ въ Россіи, то какъ признакъ, какъ внѣшнее проявленіе глубокаго внутренняго процесса, творящагося въ общественныхъ нѣдрахъ нашей страны, все происшедшее имѣетъ, повторяемъ, значеніе первостепенное.

Что знаменуетъ собой, на примѣръ, нынѣшняя забастовка учащейся молодежи и тотъ поголовный погромъ, какой произвело правительство въ отвѣтъ на забастовку въ университетахъ, въ техническихъ институтахъ, на женскихъ курсахъ, — погромъ, равнаго которому не видала, быть можетъ, рус-

ская высшая школа даже въ часы самой мрачной реакціи прошлаго вѣка?

Въ тотъ самый моментъ, когда, по увѣреніямъ правительства, Россія вышла, будто бы, на путь мира и благоденствія, на путь экономическаго преуспѣянія, — въ этотъ самый моментъ правительство г. Столыпина цѣлымъ рядомъ самыхъ подлыхъ издѣвательствъ, самыхъ наглыхъ ударовъ заставляеть успокоившихся было студентовъ и студентокъ понять, что при царизмѣ нѣтъ и не можетъ быть сколько-нибудь свободной школы, заставляеть ихъ бросить занятія и начать забастовку. Что можетъ быть вреднѣе и бессмысленнѣе такой политики съ точки зрѣнія самыхъ простыхъ, самыхъ наглядныхъ интересовъ капиталистическаго хозяйства и буржуазнаго общества?! И тѣмъ не менѣе, правительство Петра Столыпина-Николая Романова-Думбадзе-Пуришкевича примѣнило именно эту политику, идущую открыто вразрѣзъ съ насущными требованіями капитализма и буржуазіи, и тѣмъ самымъ, какъ нельзя лучше, вскрыло передъ всѣми свою полицейско-крѣпостническую сущность. При выборѣ между г. Милюковымъ, расписывающимъ Столыпину необходимость свободной науки, и г. Пуришкевичемъ, непоколебимо убѣжденнымъ, что наука — это одинъ „развратъ“, правительство не могло не стать на сторону г. Пуришкевича, ибо свой своему поневолѣ братъ. А вставши на его сторону, оно должно было сдѣлать то, что оно сдѣлало — переарестовать и разослать по тайгѣ и тундрѣ сотни юношей и дѣвушекъ и вышибить пинкомъ фельдфебельскаго сапога изъ

храма науки воссѣдавшихъ въ немъ заслуженныхъ либеральныхъ профессоровъ.

Пусть кадетская печать плачется по поводу „неразумія“ и недостатка „государственной мудрости“, проявленной здѣсь г. Столыпинымъ. Мы, социал-демократы, знаемъ, что не одна лишь тупость малообразованнаго помѣщика, не одна лишь наглость зарвавагоса временщика руководили въ данномъ случаѣ г. Столыпинымъ. Нѣтъ, онъ повиновался разуму реакціи, внутренней логикѣ, внутреннему закону ея развитія. Внутренній законъ развитія побѣдоносной, крѣпостнической реакціи заключается въ томъ, что она неизбежно должна идти все дальше и дальше, пока не исчерпаетъ самое себя или пока новый подъемъ революціи не остановитъ ея смраданаго потока.

Что новѣйшая политика правительства по отношенію къ высшей школѣ означаетъ собой вновь углубившееся противорѣчіе между современными формами хозяйственной жизни и тѣми политическими веригами, которыя были возложены русскими монархами во славу свою и своего бога на многомилліонный народъ, это видно еще изъ одного не очень крупнаго, но весьма знаменательнаго факта, случившагося въ связи съ университетскимъ разгромомъ. Мы имѣемъ въ виду столь нашумѣвшее выступленіе „66-ти“ московскихъ коммерсантовъ и промышленниковъ. Въ своемъ воззваніи эти представители русскаго капитала, осуждаютъ, конечно, „неумѣренность“ революціонной части студенчества и въ частности obstructію (которая, надо сказать, съ большимъ умѣніемъ и пользой примѣнялась въ нынѣшней забастовкѣ), но въ то же время они категорически осуждаютъ дѣйствія правительства по отношенію къ высшей школѣ. Мы не думаемъ, разумѣется, будто эти именитые „66“ выражаютъ собою такой приливъ политической энергіи въ средѣ крупной русской буржуазіи, на которомъ можно было бы строить сколько-нибудь значительные расчеты въ смыслъ надеждъ на серьезное столкновение между нею и царизмомъ. Русская буржуазія знаетъ силу россійскаго пролетаріата и слыш-

комъ боится его, для того, чтобы затѣвать серьезную ссору съ самодержавіемъ. И никакое воззваніе „66-ти“ не можетъ уже стать для русской буржуазіи тѣмъ спасительнымъ „606“, которое могло бы исцѣлить ее отъ развѣдающаго ее политическаго сифилиса и жадной „хозяйской“ трусости. Но для характеристики того, насколько далеко зашла правительственная реакція, на сколько пугаетъ она даже его капиталистическихъ друзей, этотъ протестъ, или, вѣрнѣе сказать, это „надгробное рыданіе“ 66-ти московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, является очень цѣннымъ документомъ...

А рыдать россійской крупной буржуазіи теперь дѣйствительно есть отъ чего. Вѣдь вся суть ея сдѣлки съ царизмомъ заключалась въ томъ, чтобы при сохраненіи реальной власти въ рукахъ камарилы и дворянства, царизмъ былъ украшенъ „ореоломъ лживаго конституціонализма“, какъ выразился о русской „конституціи“ прошлогодній международный социалистическій съѣздъ. Конституціонная фирма, вывѣска нужна русской буржуазіи для прикрытія грубѣйшихъ способовъ наживы и эксплуатаціи, для новаго расширения этой эксплуатаціи. Конституціонная вывѣска, помимо своего внѣшняго „благобразія“, выгодна была буржуазіи и правительству тѣмъ, что она облегчала не только сдѣлки ихъ другъ съ другомъ, но также и сдѣлки ихъ съ европейскимъ капиталомъ, для устройства промышленныхъ и государственныхъ займовъ. Но логика реакціи привела правительство къ тому, что оно даже эту вывѣску стало считать для себя стѣснительной и, не выбрасывая пока ея окончательно, рѣшило просто-на-просто снимать ее по временамъ съ „фасада“ россійской государственности и убирать въ задній чуланъ.

Это именно и было продѣлано правительствомъ въ его знаменитомъ конфликтѣ съ Гос. Совѣтомъ. Не имѣя надежды провести Совѣтъ тотъ законъ о земствѣ въ Западномъ краѣ, какой былъ угоденъ г-ну Столыпину, правительство распустило на три дня Думу и Совѣтъ и примѣнило статью 87-ую основныхъ, съ позволенія сказать,

законовъ, согласно которой во время прекращенія дѣятельности Гос. Думы, самодержавіе можетъ само печь законы, какіе ему нравится. Захотѣлось г. Столыпину и „государство“ осталось на три дня безъ „конституціи“, а черезъ три дня россійская монархія вновь стала „конституціонной“ и „парламентской“. Г-нъ Столыпинъ проучилъ тѣхъ мирнообновленцевъ разныхъ политическихъ лагерей (не исключая и мирнообновленцевъ социалъдемократическихъ), которые старались увѣрить себя будто россійскій царизмъ превращается въ буржуазную, парламентскую монархію; этимъ самымъ онъ только облегчаетъ намъ, революціоннымъ социалъдемократамъ, сложную работу политическаго просвѣщенія народныхъ массъ.

Неизбѣжность дальнѣйшаго развитія реакціи, дальнѣйшаго усиленія гнета и и насилія, признаютъ даже такіе поклонники мудраго ума г. Столыпина, даже такіе принципиальные прихвостни власти, какъ правый кадетъ Маклаковъ. Въ своемъ докладѣ избирателямъ, прочтенномъ еще осенью прошлаго года и недавно опубликованномъ въ „Русской Мысли“ (1911, февраль) г. Маклаковъ говоритъ откровенно:

„Правительство знаетъ, чего оно хочетъ. Оно ускореннымъ темпомъ идетъ къ реставраціи, къ восстановленію чиновничьяго всевластія и произвола, къ подавленію живыхъ общественныхъ силъ, къ ихъ удаленію съ политической сцены. Послѣдній шагъ будетъ сдѣланъ не этимъ правительствомъ, а тѣми, кому оно очищаетъ дорогу“.

Г-нъ Маклаковъ, какъ видите, тоже постигъ внутренній законъ развитія реакціи и предвидитъ уже моментъ, когда даже столыпинскій режимъ окажется недостаточнo „правымъ“ для царизма и когда страна испытаетъ еще болѣе тяжелые удары.

* * *

Кто-же можетъ остановить это неизбѣжное шествіе самодержавія къ его все болѣе полному восстановленію?

Октябристы? Развѣ они не были господами положенія въ III-ей Думѣ до послѣдняго дня и развѣ не использовали этого положенія только для того, чтобы перековывать заново старыя цѣ-

пи? Они, которые покрыли своей фирмой („Гучковъ и Ко“) всѣ худшія злодѣянія царизма — висѣлицы, разгромъ Финляндской конституціи, ограбленіе деревни кулаками! Они могутъ и впредь лишь безсильно щитаться за правительствомъ, лизать его кровавыя лапы. И въ знаменитой исторіи съ трехдневнымъ снятіемъ вывѣски они показали такую же трусость и прихвостничество, какъ и всегда. У нихъ не хватило мужества встать на защиту даже тѣхъ формальныхъ правъ, какими обладаетъ „по закону“ Дума и за цѣлость которыхъ отвѣтственны они, — думское большинство. Они ограничились лишь принятіемъ бумажнаго „запроса“, а затѣмъ поспѣшили проявить свою расторопность передъ начальствомъ, смѣнивъ г. Гучкова на болѣе „подходящаго“ для „нонѣшняго времени“ г-на Родзянко.

Точно такъ же, если не болѣе даже, безсильны и ничтожны другіе представители русской капиталистической буржуазіи — представители ея „лѣваго“, болѣе прогрессивнаго крыла, — кадеты. Это ихъ безсиліе ярко обрисовалъ недавно г. Е. Трубецкой со страницъ правокadetской печати:

„Русскій либерализмъ—говоритъ онъ — неоднократно клеймился наименованіемъ „безпочвеннаго“. Если „подъ безпочвенностью“ разумѣть безсиліе, то въ этомъ упрекѣ есть нѣкоторая доля правды. Эсъ-эры, трудовики и всѣ вообще народники сильны сочувствіемъ крестьянства, эсъ-деки сильны поддержкою значительной части пролетариата. За консерваторами есть также значительная реальная сила — землевладѣльцы и чиновничество. Но что же, — спрашивается г. Трубецкой, — составляетъ силу русскаго либерализма?“

И на вопросъ этотъ онъ рѣшительно отвѣчаетъ: „у либераловъ, у кадетовъ нѣтъ силы, а есть лишь безсиліе. Если русское „освободительное движеніе“, говоритъ г. Трубецкой, располагаетъ реальными силами, то „эти реальныя силы суть крестьянство и пролетариатъ, иначе говоря, крайняя демократія.“

„Всякія другія теченія, кромѣ крайнихъ, въ немъ (т. е. въ революціонномъ движеніи) были лишены реальной силы.“ Благодаря этому, по признанію г. Тру-

Третья Дума безпощадно разрушала эти розовые надежды. Больше трех лѣтъ продолжались законодательныя завыванія, больше трех лѣтъ страдалась зуборобительная реформа, а алчущий взоръ буржуа все еще не могъ уловить никакихъ „свѣтлыхъ точекъ“ на горизонтѣ россійской дѣятельности. И, что всего прискорбнѣе, приласканный зубуръ жралъ все направо и налево и въ отвѣтъ на деликатныя, поистинѣ трогательныя увѣщанія, все шире и шире развѣвалъ свое ненасытное хайло. Пока зубурово чрево переваривало мужика, рабочаго, социалиста, г. либералы сохраняли должное спокойствіе и ставили вопросъ по научному. „Къ какому виду государственной дѣятельности слѣдуетъ отнести сіи пищеварительныя вопросы?“ — спрашивали они себя — и отвѣчали: „сіе слѣдуетъ понимать, какъ конституціонную реакцію“. Однако послѣдующія событія показали, что зубуръ и самого Павла Милюкова съглотитъ и даже третью Думу приготовляетъ къ десерту. Конституціонную реакцію пришло тогда перевести русско-татарскимъ словомъ: „сбѣжимъ башка“, и даже депутатъ Маклаковъ извѣстилъ своихъ избирателей, что онъ не прочь убраться изъ Таврическаго дворца воясовъ.

Но все это не выходило еще пока изъ области домашней критики. Буржуазія демонстрировала на похоронахъ Муромцева и Толстого, но на какое нибудь самостоятельное оппозиціонное выступленіе она не могла рѣшиться. Буржуазія, какъ классъ, никогда не выступаетъ первой въ политической борьбѣ: схватку лицомъ къ лицу съ неприятелемъ она всегда предпочитаетъ либо какому нибудь промежуточному слою, либо своему социальному врагу — пролетариату. Съ другой стороны, на болѣе или менѣе рѣшительныя дѣйствія она отвѣчаетъ только тогда, когда затронуты ея самыя непосредственныя, самыя очевидныя интересы. Она, напр., отлично понимаетъ, что разореніе деревни грозитъ ей карману, что безконтрольное хозяйничаніе зубуровъ въ концѣ концовъ отразится и на ней; но эти явленія тянутся годами, охватываютъ всю страну въ цѣломъ, и у индивидуалиста-буржуа всегда имѣется затаенная надежда, что можетъ быть ему то и удастся выйти цѣлымъ и невредимымъ изъ общенациональной разрухи. Другое дѣло, когда тысячи обывателей видятъ, что правительство разрушаетъ ихъ семейный очагъ, губитъ карьеру ихъ сыновей, дѣлаетъ невозможнымъ для ихъ дѣтей овладѣть тѣми знаніями, безъ которыхъ уютнаго угла въ жизни добиться немислимо. Здѣсь ударъ направленъ уже не противъ неопредѣленно широкаго буржуазнаго класса, а противъ каждаго отдѣльнаго буржуа, въ него входящаго. Здѣсь уже нѣтъ надобности становиться на общеклассовую буржуазную точку зрѣнія и толковать объ интересахъ всего народа: когда о быватель видитъ, что его сына тащатъ въ участокъ за то, что онъ не хочетъ учиться подъ охраной городского, крикъ „карауль!“ самъ собой срывается съ губъ. Обыватель видитъ, что правительство обворовало его семью, обидѣло лично его, потомственного гражданина Ивана Ивановича или Петра Сидоровича. И копиющаяся годъ за годомъ обида вспыхиваетъ съ новой силой, а сидящій въ участкѣ студентъ становится для него какъ бы символической фигурой, подъ которой кроются не только недоразумѣнія студентовъ съ властями, но и интеллигент-

ское хищничество, отсутствіе политическихъ свободъ, пресса въ намордникѣ, всевластная полиція, голодающій мужикъ и тысячи другихъ язвъ россійской дѣятельности. Бастующая молодежь является для обывателя какъ бы мостомъ, черезъ который онъ проходитъ въ лагерь болѣе или менѣе активной — по буржуазному, конечно, активной, — политической оппозиціи.

Студенческая забастовка служитъ, такимъ образомъ, послѣдней каплей, переполняющей чашу буржуазнаго терпѣнія. И въ то же время онѣ неизбѣжно вытекаютъ изъ режима обнаглѣвшихъ зубуровъ, ибо черносотенная реакція не въ силахъ примириться съ сколько нибудь свободной и автономной высшей школой. Иронія судьбы и заключается въ томъ, что Столыпины и его клика хотѣли опираться на буржуазию и однако, послѣдовательно проводя свою политику, не могли въ концѣ концовъ не ущипнуть буржуазию въ одномъ изъ ея самыхъ чувствительныхъ мѣстъ.

Свободная и автономная высшая школа нужна буржуазіи, потому что она нуждается въ образованныхъ техникахъ, инженерахъ, химикахъ, юристахъ, медикахъ. Чѣмъ сложнѣе становятся хозяйственныя отношенія, чѣмъ больше усложняется конкуренція на международномъ рынкѣ, тѣмъ болѣе требованія, предъявляемые капиталомъ къ его исполнителямъ. Россія 40-хъ и 50-хъ годовъ съ ея крѣпостнымъ правомъ и слабо-развитой промышленностью могла съ грѣхомъ пополамъ мириться съ убожествомъ своихъ университетовъ и высшихъ техническихъ школъ. Но какъ только пало крѣпостное право и жизнь страны стала перекалываться на европейскій ладъ — вопросъ о хорошей высшей школѣ сталъ ребромъ: буржуазія была готова прощать профессорамъ-специалистамъ политической радикализмъ, а университетской молодежи — ея „юношескія увлеченія“ лишь бы машина воспитанія дѣйствовала правильно и регулярно и снабжала Россію подходящимъ человѣческимъ матеріаломъ. Студенскія волненія 60-хъ и 70-хъ годовъ были непосредственнымъ выводомъ изъ этихъ требованій жизни; и студенты, обособовавшіе „университетскую автономію“ свободой научнаго изслѣдованія, достоинствомъ науки и проч. идеалистическими доводами, на самомъ дѣлѣ выполняли лишь элементарныя завѣты экономическаго развитія. По мѣрѣ того, какъ измѣнялся хозяйственный строй Россіи и повышались ея культурныя запросы, обострѣлся и университетскій вопросъ: изъ вопроса частнаго онъ становился вопросомъ общенациональнымъ, изъ конфликта студентовъ съ начальствомъ онъ превращался въ конфликтъ буржуазнаго общества съ самодержавіемъ. Вотъ почему студенскія волненія въ 98—99 г.г. приобрѣли такое большое общественное значеніе и всколыхнули такіе слои, которые, казалось, не стояли въ непосредственной связи съ университетскою наукой. Предпринимательская буржуазія нуждалась въ хорошихъ исполнителяхъ; буржуазія средняя и мелкая была готова предоставить своихъ сыновей. Самодержавіе же, во имя полицейскихъ соображеній, шло наперекоръ тѣмъ и другимъ и предпочитало скорѣе дать студентамъ „фельдфебеля въ Вольтеры“, чѣмъ проткрыть дверь наукъ. Прошло болѣе 10 лѣтъ. Университетъ прошелъ черезъ политическую революцію и, послѣ двухъ лѣтъ дѣйствительной автономіи, началъ испытывать одинъ толчокъ за другимъ. Но по крайней

и върѣ въѣшность автономіи еще сохранялась: оставались профессора болѣе или менѣе лѣваго устремления, оставались студенческія общества, въ которыхъ можно было говорить о социализмѣ, Марксѣ, классовой и политической борьбѣ. Правда, революціонныхъ группировокъ выходило за послѣднее время изъ университета мало, и тѣ 25 проц. социаль-демократовъ, о которыхъ упоминала одна изъ послѣднихъ студенческихъ переписей, держались отъ пролетариата и партій на очень почтительномъ разстояніи. Но все же это были люди, сочувствовавшіе революціи, говорившіе о социализмѣ, изучавшіе общественные вопросы независимо отъ полицейской указки. Съ ними и съ тѣми крохотными университетскими свободами, которыя у нихъ оставались, реакція во что бы то ни стало должна была покончить. Ибо лозунгомъ этой реакціи попрежнему были знаменитыя слова Леонтьева, мракобѣса 80-хъ годовъ: „надо подморозить Россію“. И когда было подморожено рабочее движеніе, и общественная жизнь доведена до точки замерзанія, наступила очередь высшей школы. Ее началъ подмораживать министръ Шварцъ, ее стремится превратить въ ледяную сосульку его преемникъ — Кассо. Пока эта работа не закончена, пока студенты не поставлены окончательно подъ начало приставомъ, пока профессора не прониклись еще вполнѣ духомъ монаха Илюдора, зубрѣ не можетъ почитать отъ трудовъ своихъ. Онъ долженъ покончить съ высшей школой, онъ долженъ водворить въ университетѣхъ тишину кладбища и дисциплину казармы, хотя бы пришлось для этого удалить большинство профессоровъ и отправить по этапу девять десятыхъ студентовъ. Вотъ чѣмъ объясняются тѣ неслыханныя, чисто-плесневскія репрессіи, которыя пописались на студентахъ-забавовичковъ. Это не только молодецкій набѣгъ заскучавшихъ жандармовъ — это уфѣнчаніе зданія реакціи, это подмораживаніе мозговъ буржуазнаго общества.

Но если подобная операція была несправедлива для русской буржуазіи 90-хъ годовъ, для современной буржуазіи она, говоря языкомъ нашихъ дѣловъ, переносна. Русская промышленность, если и не сильно выросла за послѣдніе годы въ количественномъ отношеніи, сбѣлала громадные успѣхи въ области техники. Фабрики и заводы перестраиваются по послѣднему слову науки, и требуютъ гораздо болѣе подготовленный служебный персоналъ, чѣмъ это было раньше. Даже отъ рабочихъ требуется нѣкоторая научная выучка, какъ это не разъ заявляли представители промышленности. Въ настоящее время русской индустріи до зарѣзу нуженъ слой широко-образованныхъ людей, начиная отъ инженеровъ, ведущихъ техническую работу, и кончая ловкими, начитанными юристами, отстаивающими интересы капитала въ судахъ, правительственныхъ учрежденіяхъ и на парламентской трибунѣ. Въ противоположность зубрамъ, предпринимательскій классъ, въ большинствѣ своемъ, *хочетъ* имѣть свободную школу: уфѣренный въ власти денегъ, онъ не боится идеалистическихъ увлеченій молодежи и неблагонамѣреннаго образа мыслей двухъ-трехъ профессоровъ. Онъ знаетъ, что девять десятыхъ молодежи, по окончании университета придутъ подъ сѣнь уфѣннаго либерализма и „примѣнятся къ подлости“ съ еще большимъ искусствомъ, чѣмъ это дѣлали ихъ отцы. А что касается „ковалей“, которые во всякомъ случаѣ не составятъ больше одной

десятой, — то на это есть охрана и заново-отстроенныя тюрьмы. Портить жизнь 90 мирнымъ гражданамъ ради искорененія 10 смутьяновъ, да и то еще не очень опасныхъ, — нелѣпо съ коммерческой точки зрѣнія. Приостанавливать же изъ за этого все теченіе академическихъ занятій, разрушать самую науку — это смертный грѣхъ передъ хозяйственнымъ укладомъ буржуазнаго общества, это покушеніе на его насущнѣйшіе интересы.

Между зубромъ и буржуазнымъ строемъ возникаетъ такимъ образомъ неизбежный конфликтъ, обостряющийся еще и тѣмъ, что тутъ замѣшаны не только общеклассовые, но и семейные интересы буржуа. Этотъ конфликтъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше подвинулось экономическое развитіе страны. Естественно, поэтому, что на этотъ разъ въ немъ принимаютъ участіе не только послухники, но и пречины, не только молодежь, но и ея ко всему пертерпѣвшіея и со всѣмъ, казалось, примирившіеся наставники. Въ 90-хъ годахъ профессора во время студенческихъ волненій выходили въ отставку единицами; теперь они выходятъ въ отставку десятками. Раньше они были только профессорами отъ университета; теперь они чувствуютъ себя также и профессорами отъ буржуазіи. И въ этой бумажной войнѣ уводнительными прошеніями, въ этомъ оппозиціонномъ шампаннѣ беззубыхъ ртовъ, въ этомъ неожиданномъ протестѣ безъ лести преданныхъ друзей порядка быть можетъ ярче всего проявляется истинный характеръ теперешней забастовки. Для буржуазнаго общества это не только борьба за университетскія права: это борьба за собственное существованіе.

Въ университетскомъ вопросѣ столыпинскій режимъ договорился до своихъ послѣднихъ, антибуржуазныхъ, чисто-аракчеевскихъ выводовъ. Вотъ почему студенческое движеніе, независимо отъ своихъ результатовъ, составляетъ одинъ изъ важныхъ эпизодовъ начинающагося общественнаго подъема. За девятымъ валомъ реакціи начинается первый всплескъ организованнаго отпора со стороны буржуазіи; и починъ въ этомъ отпорѣ попрежнему принадлежитъ не отцамъ, а дѣтямъ. Студенческая забастовка 98—99 года была введеніемъ къ революціонному броженію буржуазныхъ слоевъ; точно такъ же и настоящая забастовка является видимымъ первымъ звонкомъ, будящимъ безпросвѣтлый сонъ буржуа-обывателя и зовущимъ его къ борьбѣ за политическія права, — борьбѣ половинчатой, извилистой, трусливой, — но все же борьбѣ.

Но студенческое движеніе, хотя и является эхомъ буржуазіи, всегда заходитъ дальше, чѣмъ этого хотѣло бы буржуазное общество. Начиная съ академическихъ требованій, оно обыкновенно довольно быстро переходитъ на обще-политическую почву. Съ этой стороны оно интересно для пролетариата не только какъ показатель конфликта между режимомъ 3-го іюня и буржуазіей, но и какъ такое проявленіе протеста, которое можно использовать въ революціонныхъ цѣляхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, студенчество не представляетъ изъ себя однородной массы. Наряду съ представителями „верхнихъ десяти тысячъ“ въ него просачиваются элементы изъ малосостоятельныхъ слоевъ, пасынки буржуазіи. Съ каждымъ годомъ количество крестьянъ и мѣщанъ въ университетѣ становится больше и студенческая молодежь при-

обращает все более демократический характер. Эти „прачкины сыновья“, как называл их когда то министр Делянов, прошли суровую школу жизни и приносят съ собой глухое недовольство людей, воочию видящихся и на своей собственной спинѣ испытавших Прелести современного социальнаго строя и современного „конституционаго“ самодержавия. Обь огорчительныхъ послѣдствѣхъ полицейскаго всевластия они узнаютъ не только изъ лекцій либеральныхъ профессоровъ государственнаго права: начальственныхъ зуботычины, экзекуціи исправника и жандарма, искореняющихъ мужиковъ-супостатовъ, многие изъ нихъ наблюдали въ своей собственной деревнѣ. А тѣ тысячи ребятъ, умирающихъ отъ недостатка медицинской помощи и десятки тысячъ взрослыхъ, гибнущихъ отъ голодухи, о которыхъ говоритъ статистика, живьемъ проходили передъ ихъ глазами, когда они, еще дѣтьми, жили въ подвалахъ городовъ и въ деревенскихъ избушкахъ. Понятно, что этотъ слой студенчества гораздо болѣе восприимчивъ къ политической жизни, и, лишь только начинается движеніе, вносить въ него политику, а политику эту выносить, въ свою очередь на улицу. Этотъ слой обгоняетъ своихъ „благоразумныхъ“ товарищей и идетъ несравненно дальше въ своемъ протестѣ, чѣмъ этого хотѣли бы даже самые оппозиционно настроенные профессора. Изъ него вербуются не только кадетские трубаки, но и послѣдовательные демократы — революционеры, и члены пролетарской партіи.

Эту часть студенчества сознательный пролетаріатъ не долженъ оставлять безъ помощи и поддержки. Пусть непосредственнымъ толчкомъ движенію послужили академическія недоразумѣнія; пусть академическій вопросъ есть домашній распря между буржуазнымъ обществомъ и черносопной реакціей. Для насъ, социалистовъ, важно во что эта распря выливается. Если она выходитъ изъ стѣнъ университета — а она несомнѣнно выйдѣтъ изъ нихъ, если не въ этомъ полугодіи, такъ въ будущемъ, — если часть молодежи дѣйствуетъ въ качествѣ политическихъ протестантовъ, рабочіе должны къ ихъ открытому протесту присоединить свой открытый протестъ и превратить студенческія выступления въ общенародную демонстраціи. Рабочіе, поскольку могутъ, должны снять съ студенческой забастовки ея профессиональную окраску и, выдвинувъ политическіе лозунги, увлечь демократическую часть молодежи на дорогу смѣлой и послѣдовательной борьбы. Пусть не говорятъ намъ, что нужно „копить силы“, „беречь энергію“ и собирать сочувствующихъ въ маленькія кружки. Какія бы аресты ни повлекла за собой крупная демонстраціи, — въ общественной жизни она оставляетъ въ тысячу разъ болѣе яркій слѣдъ, чѣмъ подпольная работа сотни пропагандистовъ. Революціи и с.-д. партіи питаются массовымъ движеніемъ, улицей, — и эту улицу надо завоевывать при первыхъ же признакахъ подъема. Буржуазія хочетъ сдѣлать изъ студенческой молодежи орудіе мирной, легальной оппозиціи; мы же, революционные социаль-демократы, должны обострить намѣтившейся конфликтъ и расширить студенческое движеніе, превращая его въ обще-политическую, революціонную демонстрацію.

С. В.

Ко второму съѣзду фабрично-заводскихъ врачей

Наконецъ мы вступили въ такую полосу общественно-политической жизни, когда дѣльный рядъ спорныхъ вопросовъ въ пролетарской политикѣ и тактикѣ устраняются самымъ ходомъ общественнаго развитія, а другіе — принимаютъ большую опредѣленность и ясность. Создаются очевидная граня въ политическихъ линіяхъ, замѣтная не только тѣмъ, кто даетъ направление политикѣ, но и рядовымъ исполнителямъ и проводникамъ ея въ практикѣ. Подобное положеніе бываеетъ въ тѣ моменты, когда жизнь изъ спокойнаго ровнаго течения переходитъ въ болѣе оживленное, а по временамъ бурливое. Противорѣчія общественной жизни обозначаются со всей выпуклостью, а желанія и требованія выливаются въ опредѣленные и рѣзкіе формы.

Такое оживленіе переживаемъ мы въ моментъ собраннаго второго съѣзда фабрично-заводскихъ врачей и представителей промышленности. Теперь уже не возникло спора принимать-ли участіе въ съѣздѣ или нѣтъ. Споръ подобнаго рода былъ вполнѣ понятенъ и объяснимъ во время перваго съѣзда, когда всякій протестъ и агитація тонули въ морѣ общественного безучастія и равнодушія и поэтому вполнѣ естественно у многихъ могло зародиться сомнѣніе въ цѣлесообразности участія. Результаты отъ участія были не ясны, скрыты внутренними процессомъ развитія роста сознательности рабочихъ, а отрицательныя стороны очевидны и чувствительны. Совершенно другое положеніе теперь; каждое слово, сказанное на съѣздѣ, выступающее передъ рабочими со всей рѣзкостью и глубиной противорѣчія капиталистическаго общества, каждое слово, показывающее рабочимъ путь устраненія и освобожденія отъ оковъ Столыпинскаго режима, найдетъ живой откликъ въ всколыхнушемся окружающемъ морѣ недовольства. Даже фактъ ареста рабочихъ делегатовъ, какъ это произошло теперь на собранномъ съѣздѣ, служить въ такіе моменты могутъ лучшимъ агитационнымъ средствомъ; онъ сильно заставляетъ волноваться встревоженныхъ недовольствомъ массы и неизбежно, неминуемо развиваеетъ всякаго рода петиціонныя ильлюзии и слезницы, толкая рабочихъ на открытую борьбу. Передъ сознаниемъ рабочаго невольно встаетъ диллема: малодушно отступить передъ наступающимъ врагомъ, дать ему окончательно смять себя или тѣснѣе сплотиться другъ съ другомъ и вступить въ неотвратимую борьбу. Но такое раздумье возможно только для одиночекъ рабочихъ, еще не сознанныхъ интересовъ своего класса въ цѣломъ. А для рабочаго класса въ цѣломъ, призваннаго самимъ ходомъ исторіи освободить міръ отъ оковъ капиталистическаго строя, путь одинъ: неуклонная борьба за полное освобожденіе, за социалистическое общество. Но важнѣе всего то, что участіе въ съѣздахъ придаетъ рабочимъ активно вмѣшиваться въ политическую жизнь страны. Оно даетъ возможность непосредственно сталкиваться съ представителями буржуазіи и на практическомъ опытѣ убѣдиться во всей непримиримости интересовъ, наглядно показываеетъ всю глубину пропасти, лежащей между рабочими и той частью буржуазіи, которая играетъ въ „соціалреформизмѣ“. Оно придаетъ рабочаго

ходить без посторонней помощи, рѣшать свои классовыя задачи самостоятельно. Оно убѣдительно всякихъ сильныхъ словъ и фразъ показываетъ рабочимъ, что только борьба за полное освобождение отъ цѣпей капитализма дастъ ему возможность свободно вздохнуть и этимъ убѣждаетъ пролетаріатъ въ необходимости руководствоваться въ борьбѣ не частичными улучшеніями, а общими задачами социалъдемократіи. Рабочіи на конкретномъ примѣрѣ убѣдятся, что насущной потребностью для него при настоящихъ условіяхъ является борьба за свержение самодержавія, а не „борьба за легальность“, какъ утверждаетъ „голосовецъ“ Антоновъ, — ибо легальность сама есть слѣдствие свободнаго строя.

Если мы въ настоящий моментъ считаемъ необходимымъ въ цѣлесообразномъ использование „чужихъ“ сѣздовъ, то это конечно вовсе не значитъ, что такое использование мы будемъ считать цѣлесообразнымъ при всякихъ условіяхъ. Для социалъдемократіи ничто нѣтъ постоянного и абсолютнаго, всѣ способы борьбы проходящи, и если въ данный моментъ это средство является революціоннымъ, то завтра оно можетъ оказаться реакціоннымъ. Въ моментъ высшаго подъема организационныхъ силъ пролетаріата, когда представится возможность выступить массамъ на сцену прямой политической борьбы, тогда этотъ способъ окажется непригоднымъ.

Но если участіе въ „чужихъ“ сѣздахъ въ данный моментъ является вопросомъ бесспорнымъ, то нельзя этого сказать о нашихъ задачахъ и дѣйствіяхъ на сѣздахъ. Достаточно было голосовцу Антонову*) приступить къ этому вопросу, какъ онъ сейчасъ же почувствовалъ робость и авансомъ сталъ горько-прегорько жаловаться на большевистскихъ „гусей“ которые могутъ заподозрить его въ „игрѣ на руку социалреформаторамъ“. Хотя и скрѣпя сердце, онъ всетаки приступилъ къ опредѣленію этихъ задачъ. Въ противовѣсть большевистскимъ „гусямъ“, которые выдвигаютъ *агитационно-демонстрационную* точку зрѣнія Антоновъ выдвинулъ *организационно-агитационную*. Дальше, пойдя къ болѣе конкретному опредѣленію, мы узнаемъ, что вся его агитация сводится къ *дально-вой работѣ* на сѣздахъ и „къ воздѣйствію на потенциально оппозиціонныя группы“. Ну вотъ, тов. Антоновъ, вы обижались на большевиковъ, что они подозрительно къ вамъ относятся, а развѣ ихъ подозрительность не была основательна?

Да вѣдь такое понимание задачъ С.-Д. на сѣздахъ и есть самое настоящее „социалреформаторство“. Это какая угодно точка зрѣнія, но ни въ коемъ случаѣ не революціонна. С.-Д. Мы агитацию опредѣляемъ прежде всего нашими общими задачами, въ первую голову нашимъ конечнымъ идеаломъ. Но значить ли это, что мы отказываемся отъ воздѣйствія на оппозиціонныя группы? Ни въ коемъ случаѣ, тов. питающій слабость къ социалреформизму“. Только наше воздѣйствіе совершенно другого сорта, оно называется воздѣйствіемъ революціоннымъ и отъ оппортунистическаго отличается тѣмъ, что мы вскрываемъ всѣ противорѣчія и ужасы рабочей жизни современнаго порядка. Своей критической ношю революціоннаго анализа мы не останавливаемъ и передъ милой вашему сердцу „потенциально-оппозиціонной группой“. Вы идете съ ними точекъ „соприкосновения“, а мы

предъявляемъ имъ обвиненіе въ поддержкѣ современнаго режима. Если „потенциально-оппозиціонныя группы“ недовольны существующимъ порядкомъ, если ихъ интересы заставляютъ до нѣкоторой степени оказывать намъ поддержку, то это ихъ дѣло, мѣшать имъ въ этомъ мы не намерены. Искать же точекъ „соприкосновения“ съ нами у враговъ революціи, которые завтра превратятся въ самыхъ жестокихъ угнетателей и будутъ разстрѣливать такъ же, какъ правительство Столыпина и Романова — нѣтъ, ужъ это значило бы прямо предавать дѣло пролетаріата. На такую убожью сознательныхъ рабочихъ поймать трудно, ибо достаточно они насмотрѣлись „потенциально оппозиціонныхъ“ европейскихъ Бриановъ, разстрѣливающихъ рабочихъ на глазахъ всего міра.

Задачи сѣзда, какъ мы уже сказали, сводятся только къ агитации, къ противопоставленію нашей точки зрѣнія всѣмъ другимъ“. Наша агитация на такихъ сѣздахъ должна быть развернута возможно шире, мы не должны ограничиваться одной политической стороной, но развернуть и социалистическую. И не должны также упускать изъ виду рабоче законодательство въ западной Европѣ, — несмотря на парламентскій строй оно и тамъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи и тамъ охрана дѣтскаго и женскаго труда поставлена до возмутительности плохо. Мы не можемъ не обратить вниманія читателей, напримѣръ, на республиканскую Францію, парламентъ которой, правда, принялъ нѣкоторые умѣренные законы въ духѣ нашей программы минимумъ, но такъ мало озаботился о дѣйствительномъ проведеніи ихъ въ жизнь, что они остаются мертвой буквой и служатъ лишь посмѣшищемъ для наглости капитала. Если въ другихъ передовыхъ странахъ дѣло обстоитъ немножко лучше, то и тамъ все же жизнь и здоровье рабочаго столя въ сильной степени принесены въ жертву буржуазному молоху, что ни одинъ русскій С.-Д. не долженъ, по кадетски искажая дѣло, заявлять на сѣздахъ, будто одно чудовищное самодержавіе стоитъ поперекъ дороги рабочему классу, даже въ его борьбѣ за нормальныя условія труда, что будто при переходѣ власти въ руки какихъ нибудь кадетовъ всѣ страшные скорбные вопросы гигиены труда разрешатся сами собой. Нанося ударъ самодержавію, мы никогда не должны забывать ударить рикшотомъ и по либераламъ.

Мы не хотимъ закончить статьи, не коснувшись позиціи, занатой Ц. О. (въ № 21—22), къ итогам ремесленнаго сѣзда“. Авторъ статьи вопіетъ правильно намѣчаетъ общую линію поведения, но съ особенной и подозрительной старательностью подчеркиваетъ, что мы являемся на подобныя настоящему „чужіе“ сѣзды, лишь до тѣхъ поръ, пока политическій гнетъ не дастъ намъ свободы нашихъ собственныхъ собраний.

Откуда это заблужденіе? Откуда такое стараніе выдвинуть это заблужденіе, какъ какое то оправданіе?

Развѣ автору статьи не извѣстно, что социальсты систематически принимали участіе въ международныхъ сѣздахъ по страхованію рабочихъ, хотя они и созывались буржуазными экономистами?

Развѣ онъ не знаетъ, что социалистическія партіи делегируютъ выдающихся своихъ членовъ на конгрессы міра? На послѣднемъ, напримѣръ, де-

*) № 24 Голоса Социалдемократа.

делатами были Молькенбургъ, Жорестъ, Вандервельдъ и другіе. Или это для насъ свои сѣзды? Нѣтъ, социалисты и при свободѣ слова и собраній будутъ поднимать свой голосъ на сѣздахъ, научно или практически разрѣшающихъ или блико задѣвающихъ рабочіе интересы.

Старательность, съ которой Ц. О. проводитъ линію, отграничивающую агитационное использование сѣздовъ типа фабрично-заводскихъ врачей, ремесленного, антиагломерационнаго, антипротестуационнаго въ наше время и во времена болѣе счастливыя и свободныя, невольно наводитъ на мысль, что Ц. О. придаетъ подавляющее значеніе въ агитационныхъ рѣчахъ на сѣздахъ политическому, демократическому элементу. Воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы на разные лады съ разной аргументаціей крикнуть наше непреклонное: прежде всего долои самодержавіе! Видя только эту цѣль, авторъ статьи въ Ц. О. правильно полагаетъ, что для нашихъ политическихъ заявленій мы будемъ пользоваться исключительно нашими сѣздами. Мы же, отнюдь не отодвигая въ сторону задачъ демократической агитации, считаемъ не менѣе важной задачей агитацию социалистическую, выдвиганіе, какъ нашей дѣловой программы-минимумъ, такъ и нашего конечнаго идеала.

Одни говорятъ: добьемся на сѣздѣ хоть чего-нибудь, приспособимся къ дѣловой программѣ умѣренныхъ либераловъ, освѣтимъ практическіе вопросы фабричной гигиены.

Другіе возражаютъ: къ чему все это крохоборство, используемъ сѣзды, какъ митинговую демократическую трибуну. Таковы, по крайней мѣрѣ, тактики, на которыя сбиваются „Голосъ Соціалдемократа“ и Ц. О. Но надъ этими точками зрѣнія должна восторжествовать тактика цѣлостнаго социализма, которая прочно соединяетъ и высокую практическую, дѣловую разсмотрѣніе всѣхъ деталей рабочей жизни, и неурѣзанный идеализмъ: ясное пониманіе міра труда освобожденнаго и, революціонный демократизмъ, являющийся этапомъ въ развитіи рабочаго класса.

Послѣ завоеванія политической свободы, мы перестанемъ быть революціонной демократіей, намъ незачѣмъ будетъ пользоваться для этого „чужими“ сѣздами, но мы останемся революціонными социалистами, и нашъ голосъ, разоблачающій, сурово осуждающій, зовущій къ окончательной побѣдѣ, и тогда будетъ раздаваться всюду, гдѣ будутъ обсуждаться нужды рабочей массы.

Столяръ.

О Толстомъ

Умеръ Толстой и по лицу земли русской широко волной прокатились разнообразныя демонстраціи. Кого чествовали? Художника, бесспорно великаго по своему дарованію, всѣми давно признаннаго? — Этого хотѣлось бы правительству, съ этимъ и оно охотно примирилось бы. Вѣдь, даже Николай Романовъ написалъ что-то невразумительное о литературныхъ заслугахъ Толстого.

Но нѣтъ, эти тысящи, десятки тысящи телеграммъ отъ различнѣйшихъ представителей русскаго общества упорно выдвигали на первый планъ Толстого *мыслителя, проповѣдника, общественнаго дѣятеля.*

Развѣ Толстой безспоренъ, какъ проповѣдникъ?

Развѣ сколько нибудь замѣтное число послѣдователей принимало его общественную программу, шло на дѣла за его отрицаніемъ, осуществляло его идеалъ? — Конечно нѣтъ. Въ чемъ же дѣло? Почему даже рабочіе не прошли мимо гроба Толстого, отдавъ лишь дань уваженія его таланту? Почему социаль-демократическая фракція привѣтствовала *Толстово-борца* отъ имени русскаго и всемірнаго пролетаріата? Почему рабочая нелегальная пресса посвятила Толстому передовыя статьи? Почему вожди и массы западнаго рабочаго движенія такъ тепло отозвались о почившемъ? Почему русскіе рабочіе такими компактными массами поддержали выраженіе глубокой общественной симпатіи къ испанскому мурену?

Все это потому, что Толстой, проклятый церковью, запрещенный цензурою Толстой, былъ величайшимъ критикомъ и отрицателемъ существующаго не только русско-самодержавнаго, но и европейскаго либерально-капиталистическаго общества.

Въ *государствѣ*, всякомъ, хотя бы самомъ конституціонномъ, Толстой видѣлъ организацию насилия и энергично, немолчаливо, недумываясь звать къ разрушенію всего государственнаго механизма. Кто то писалъ: Толстой не былъ революционеромъ. Это конечно неправда: онъ имъ былъ! Онъ призывалъ, насколько у него хватало голоса, ко всеобщей антигосударственной стачкѣ, къ отказу въ платежѣ податей, въ отбываніи воинской, судебной и всякихъ другихъ повинностей. Пролетаріатъ можетъ не соглашаться съ *этой* тактикой, можетъ считать невозможнымъ какой бы то ни было реальный успѣхъ на *такомъ* пути, но революціонная вражда къ государству, революціонное стремленіе опрокинуть его развѣ навсегда здѣсь внѣ всякаго сомнѣнія на лицо.

Частная собственность по мнѣнію Толстого главный источникъ эгоизма и всевозможныхъ золъ, обезображивающихъ лицо человѣческое. Это она бросаетъ миллионы людей въ объятія нищеты, невѣжества, болѣзни, моральнаго отупленія, это она съ другой стороны создаетъ чванную, развратную, лѣнивую, роскошествующую толпу нарядныхъ паразитовъ. Въ своей критикѣ частной собственности Толстой ни на волосъ не ниже Руссо, Прудона и Генри Джорджа. Но, переходя къ положительному идеалу новаго общества, Толстой рисовалъ его въ экономически-реакціонномъ духѣ: это будетъ, по его мнѣнію, міръ безбѣдныхъ мужиковъ, не считающихъ свой надѣлъ за собственность, а лишь за источникъ трудового пропитанія, ведущихъ простой образъ жизни, но богатыхъ внутреннимъ содержаніемъ и любовью къ собравьямъ-людямъ всего земнаго шара. Съ нашей точки зрѣнія это наивная утопія, но она легко отпадаетъ, она никоимъ образомъ не можетъ прельстить, она слишкомъ явно идегъ въ разрѣзъ со всѣмъ духомъ нынѣшняго прогресса, за то *толстовская критика* остается могучимъ орудіемъ разрушенія собственности.

Толстой отрицалъ мѣщанскую *сельню*. Онъ считалъ ее источникомъ жестокаго эгоизма, духовнаго порабощенія, всяческой лжи и пошлости и съ безпощадной правдивостью разоблачалъ пресловутую святость брака. Но опять таки онъ не смогъ найти рѣшенія поставленному имъ съ такой силой огромному вопросу, онъ не разрѣшилъ, а разрубилъ его, онъ сталъ проповѣдовать

на старости лѣтъ прямой отказъ отъ любви и дѣтороженія. Выводъ нелѣпный, ни для кого не убедительный, поэтому безвредный. Зато, какъ половецъ суроваго, саркастическаго толстовскаго критика овергнутаго и нами дуннаго мѣщанскаго домашняго очага.

Семья и собственность цѣпкими котгами впились въ старою графа. Его ближние, какъ естественно въ этой средѣ, представляли изъ себя грязное гнѣздо эксплуататоровъ; философъ не могъ не видѣть этого, но мужъ, отецъ, человѣкъ неистощимой сердечной нѣжности былъ все же крѣпко привязанъ къ этимъ ближайшимъ и по своему любящимъ его человѣческимъ существамъ. Много драмъ пережилъ старикъ, много укоризнъ сыпалось на его сѣдую голову. И наконецъ онъ рванулся, наконецъ онъ въ личной своей жизни нанесъ рѣшительный ударъ прямо въ лицо семьѣ и собственности. Онъ не только бросилъ свое дворянское гнѣздо со всеми его хищными тенденциями, онъ распорядился своимъ единственнымъ настоящимъ имуществомъ, тѣмъ, которое было плодомъ его мозга и его руки, такимъ образомъ, чтобы вырвать родовую землю у ея собственниковъ и отдать ее крестьянамъ, а затѣмъ передать все несмѣтное сокровище, созданное его гениемъ, во владѣніе всему человѣчеству.

Толстой отрицалъ существующую христіанскую религію. Ничѣмъ не исцѣляются тѣ рубцы, которые проведены на тѣлѣ наглою господствующей церкви бичемъ его сатиры. Онъ неподражаемо, когда раскрываетъ колдовскій, надувательскій характеръ всякихъ требъ и обрядовъ, когда показываетъ комизмъ всѣхъ этихъ формулъ и движеній при ясномъ свѣтѣ здраваго смысла. Въ своей критикѣ догматовъ православной церкви онъ буквально не оставилъ камня на камнѣ во всемъ богословіи. Наконецъ онъ такъ громко и внушительно крикнулъ міру о порокахъ церкви, подслуживающейся къ сильнымъ міра сего, опорѣ войнъ, казни, узаконеннаго грабежа, что послѣ Толстого нѣтъ больше возможности для искренняго, честнаго человѣка оставаться еще въ туманѣхъ и терпѣть хоть какую либо связь между собою и этой позорной церковью. Но Толстой на мѣсто опрокинутой имъ полной суевѣры и коварства религіи хотѣлъ поставить другую. Онъ признавалъ христіанство, какъ простое моральное ученіе, онъ признавалъ бога, какъ мировую душу, съ которой можетъ блаженно слиться человѣкъ путемъ отказа отъ своего эгоизма, путемъ высшей любви ко всему сущему. Пролетаріатъ справедливо можетъ опасаться, что и такая религія способна подтачивать человѣческую активность, единственное осязатое и полное надеждѣ, что онъ знаетъ въ мірѣ. Однако изъ за ошибокъ учителя, который съ нимъ раздѣляютъ многие великіе мудрецы, онъ не забудетъ какіе страшные удары нанесъ онъ одному изъ самыхъ ненавидимыхъ враговъ пролетаріата-духовенству.

Духовенство, какъ и государство, прекрасно понимало, какого сильнаго врага имѣютъ они въ Толстомъ.

Синодъ попытался уничтожить авторитетъ великаго писателя, предавъ его анафемѣ, но этимъ онъ сдѣлалъ себя смѣшнымъ въ глазахъ образованнаго общества въ Россіи и за-границей. Протоиеродъ встрѣтилъ выходку Синода равнодушно, и весь результатъ свелся къ нѣсколькимъ ругательнымъ пѣснямъ, посланнымъ великану черно-

сотенными хулиганами. На прямое насиліе надъ всемірно знаменитымъ старцемъ правительство и синодъ не рѣшились. Его геній очертилъ вокругъ него какъ бы магическій кругъ, за который не смѣла просунуть свою косматую хищную лапу никакая полицейско-поповская нечисть.

И когда безпощадный врагъ раззолоченныхъ жрецовъ продажной церкви умерилъ въ станціонномъ домикѣ среди сѣвнжной пустыни, синодъ пришелъ въ ужасъ. Столыпінъ категорически приказалъ помириться съ Толстымъ. Но какъ это сдѣлать? Когда у власти былъ Побѣдоносцевъ, онъ, ожидая смерти Толстого, предписалъ, чтобы въ комнату умирающаго непременно вошелъ священникъ и выйдя оттуда заявилъ, что законный грѣшникъ раскаялся. И почему знать? благочестивая аристократическая семья Толстого могла пойти на такое соглашеніе. Развѣ жена его не заявляла печатно, что несмотря на проклятіе синода, найдетъ за деньги какого-нибудь священника для отправления у трупа мужа осмѣянныхъ имъ колдовскихъ требъ? Но философъ бѣжалъ незадолго до смерти и умерилъ на рукахъ своихъ настоящихъ друзей. И вокругъ домика, гдѣ великая душа прощалась съ жизнью, все время, какъ коршунъ, летали всіе епископы и старцы, готовясь какой-нибудь хитростью, словно демоны въ христіанскихъ легендахъ, похитить или хотъ запятнать эту въ самой смерти грозную душу „еретика“.

Не удалось! Русское общество справило по Тлстому *гражданскія* похороны, и мужики расходясь изъ Ясной Поляны, говорили между собой: „Вотъ и безъ попа хоронили, а хорошо, всякому можно пожелать“.

Какимъ образомъ пришелъ Толстой къ своему оригинальному міросозерцанію. По происхожденію и въ значительной мѣрѣ по психологии онъ былъ старымъ баринкомъ, типичнымъ представителемъ докатолицистическаго, дворянскаго-мужичкаго Россіи. Сжившись съ нею онъ не могъ не отнестись съ крайней ненавистью къ наступающему капиталу, не могъ не усмотрѣть своими зоркими глазами художника всѣхъ безобразій надвигавшейся новой городской и промышленной эпохи. Но еслибы дѣло ограничилось этимъ, то изъ Толстого получился бы лишь упрямый консерваторъ, видящій одни достоинства въ старинѣ и одно зло во всемъ новомъ. Нельзя забывать, что Толстой развивался въ такое время, когда и среди аристократіи жилъ вольнолюбивый духъ декабристовъ, когда лучшіе элементы были глубоко захвачены вліяніемъ западно-европейской культуры. Эта аристократія уже дала и Радищева и Пушкина и Лермонтова, декабристовъ съ Пестелемъ и Рыльцевымъ, и дала рядомъ съ Толстымъ Герцена, Бакунина и др. Острая самокритика, безпощадное осужденіе крѣпостныхъ условий при свѣтѣ ученія Руссо и другихъ западныхъ апостоловъ справедливости были присущи Толстому также, какъ Тургеневу, Герцену и другимъ великимъ его современникамъ. Это было самоотрицаніе дворянства въ лицѣ его обуржуазившихся выходцевъ во имя культурныхъ идеаловъ, въ которомъ сказывался фактъ несомнѣтельности самодержавно-крѣпостнаго строя и потребностей здороваго развитія буржуазной культуры. Толстой глубже и мучительнѣе другихъ не признавалъ это идеологическое крушеніе старо-барскаго міра. Но онъ не пришелъ къ замѣнѣ его чисто-буржуазными идеями и не смогъ также по-

нять стремлений пролетариата, идущего к социализму. Постепенно в огнь напряженной критики он очистил для себя старую Россию и она предстала перед ним, как идеал чисто крестьянского «евангельского», общедоступного не будет, места ни старым ни новым формам хищничества и эксплуатации. Ему казалось, что мужицкий уклад жизни выдержал испытание огнем, в то время, как барский элемент был испепелен им. Зато еще жесточе обрушился его критика на новый городской уклад, и здесь уже, казалось ему, все разрушилось в заревь его бунтарской совести. А между тем, как раз здесь то нетронутым осталось чистое золото истинных культурных приобретений, залог грядущего социализма. Но для этих лучей глаза старого каютагоша графа были слепы. Так и случилось, что сильнейшей критикой и художественным гением великий моралист оказался утопистом в своем положительном учении.

Тем не менее, что Толстого-борца, честного и мощного отрицателя всех устоев современного строя, передовые элементы русского общества были правы. Но мы говорим о действительности передовых элементах, а не о либералах.

Смешно и глупо чествование Толстого либералами и вполне справедливо говорить в Госудуму черносотенец Замысловский, бросая в лицо кадетам упрек: «Развѣ вы не защитники государства, собственности, семьи? А развѣ Толстой не разрушитель, не отрицатель всего этого?»

Толстой шел настолько дальше либерализма, что чествование ими этого громадного анархиста заслуживает лишь усмешку.

Другое дело русское студенчество, лучшие элементы которого всегда были прекрасным барометром, отражавшим настроение новой России. Правда, студенты не сумели найти наилучшего исхода для того бурного протеста, того хорошего энтузиазма, который волновал их молодая грудь в дни похорон Толстого: они взялись за наиболее всеобщую объединяющую, за наиболее частный лозунг Толстого — его отрицание смертной казни. Здесь была сделана, безсознательно быть может, попытка объединить под одним лозунгом возможно более широкие круги населения. Не уступая этому требованию, ставшему чуть не всеобщим в России, правительство и думское большинство изолируют себя и скопляют над головой своей тучу всеобщей нонансности. Первая же уступка натиску общественного мнения означала бы собой робость реакционного лагеря. С этой точки зрения студенческая агитация могла сыграть известную роль. Отчасти к ней примкнули рабочие, не из согласия с либеральными лозунгами, а из желания поддержать после долгого периода общественной спячки всякое живое оппозиционное движение. Точно таким образом рабочие поддержали студенческие беспорядки 1901 г.

Так, над могилкой человека, призывавшего к миру, произошли первая схватка проснувшейся передовой России с самодержавным Кащеем. Все заставляет думать, что это именно первая схватка. Гнусная насилья, совершенная царскими тюремщиками, вызвали новый взрыв активного негодования. В воздух начинается пахнуть политической весной. Зима еще сильна, но солнце уж повернуло на лето. Толстой и смертью своей сослужил русскому народу хорошую службу. Этот народ не пойдет туда и той дорогой, куда

звал он, но он революционным дѣлом разрушит под руководством пролетариата то, что съ таким дивным красноречием, съ таким священным негодованием, словом своим осуждал и отвергал Толстой.

Воннов.

Къ вопросу объ экономическом положеніи

(Замѣтка)

Для насъ, марксистовъ, вопросъ о промышленномъ подъемѣ и кризисѣ имѣетъ первостепенную важность. Мы, социалъдемократы, строимъ свою тактику не на личныхъ настроенияхъ и вытекающихъ изъ нихъ идеяхъ, возникшихъ въ умѣ того или иного отдѣльнаго лица. Пусть така поступаютъ анархисты и эсеры, мы не идеалисты, а материалисты, матерія хозяйственной и общественной жизни лежитъ въ основѣ нашего пониманія. Матерія это техника, это производство, ея развитие опредѣляетъ собой состояніе народнаго хозяйства, а въ зависимости отъ состоянія народнаго хозяйства и его тенденціи развитія, прогресса или регресса, развиваются политическія отношенія и опредѣляется наша классовая политика. При прогрессѣ народнаго хозяйства увеличиваются наши силы и крѣпнютъ организации, при дѣльномъ регрессѣ мы встречаемся съ обратнымъ явленіемъ. Следовательно, мы должны самымъ основательнымъ образомъ заняться изученіемъ состоянія народнаго хозяйства сейчасъ, ибо мы знаемъ, что разрѣшеніе вопроса въ ту или иную сторону поможетъ намъ занять основную позицію по отношенію къ русской дѣятельности. Къ сожалѣнію, партійная печать мало сдѣлала въ этомъ отношеніи. На страницахъ центрального органа на протяжении нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы имѣемъ двѣ статьи, оперирующія надъ случайнымъ матеріаломъ и противорѣчащихъ другъ другу. Въ первой статьѣ, 11 февр. 1910 г. вначалѣ мы читаемъ: «мы можемъ говорить теперь о массовомъ разрушеніи производительныхъ силъ Россіи». Далѣе констатируется незначительное оживленіе въ мануфактурномъ производствѣ, но объясняется это оживленіе спекуляціей на урожай. Металлургія также, по словамъ автора, переживаетъ болѣзненный, затяжной кризисъ: этимъ авторъ ограничивается и спѣшитъ сдѣлать пессимистическіе выводы, въ которыхъ съ убѣжденіемъ доказываетъ безвыходность положенія промышленности. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на страницахъ того же центрального органа мы имѣемъ другую статью, въ которой редакция спѣшитъ увѣрить читателей въ начавшемся подъемѣ. Познакомивъ съ состояніемъ нѣкоторыхъ отраслей промышленности путемъ незначительныхъ статистическихъ данныхъ, она дѣлаетъ заключеніе: приведенныя данныя свидѣлствуютъ объ одномъ: признаки нѣкотораго промышленнаго подъема — на лицо. Данныхъ слишкомъ еще недостаточно для того, чтобы судить, будетъ ли этотъ подъемъ общимъ, повсемѣстнымъ, сколько нибудь длительнымъ или мы имѣемъ дѣло съ самой кратковременной вспышкой. Сравненіе этихъ двухъ статей показываетъ насколько не серьезно и поверхностно редакция центрального органа относится къ этому вопросу. Далѣе также не

серьезно относится она и к выводу о том, что дает подъем рабочему классу. Редакция центр. органа предостерегает рабочих от увлечения, как влево, так и вправо, и предлагает занять золотую середину. Ее совет заключается в том, что рабочим надо „постараться использовать в своих интересах, между прочим, и тѣ разногласія, тѣ споры въ благородномъ контръ-революціонномъ семействѣ, которые имѣютъ сколько нибудь серьезное общественное значеніе“. Значитъ, по мнѣнію центрального органа, вся тактика рабочих при экономическомъ оживленіи страны сводится все-таки не къ опредѣленію своей позиціи, вытекающей изъ его классового положенія, а къ тому, чтобы воспользоваться конфликтомъ между Гучковымъ и Столыпиннымъ и что-нибудь урвать отсюда. По существу, это воскресеніе старой меньшевистской тактики, использованіе конфликтовъ между различными классами въ цѣляхъ пролетариата, но воспринятіе ее покажется тѣмъ болѣе страннымъ, если вспомнить, что въ редакціи центрального органа большинство голосовъ имѣютъ такъ называемые „большевики“ ленинскаго толка. Вотъ къ чему приводитъ золотая середина, занятая „большевиками“ - ленинцами. Большие матеріала для разработкіи вопроса о подъемѣ находимъ мы въ легальной печати. Но мнѣнія ея противорѣчивы. Въ № 1 „Нашей Зари“ Череваннъ утверждаетъ, что „есть всѣ основанія ожидать въ ближайшіе годы болѣе или менѣе значительнаго подъема“. То-же утверждаетъ и кадетская „Русская Мысль“, говорящая, что „появились несомнѣнные признаки улучшенія, притомъ выходящіе за рамки случайнаго урожайнаго благополучія“. Въ № 12 „Современнаго Мира“ за 1910 г. напечатана статья „Состояніе нашей промышленности за послѣдніе 10 лѣтъ“.

Авторъ этой статьи, Туганъ-Барановскій, констатируетъ несомнѣнный подъемъ, переломъ промышленной конъюнктуры, но отрицаетъ значеніе урожая, преувеличеннаго по его мнѣнію нѣкоторыми изслѣдователями. „Урожай лишь содѣйствовалъ промышленному подъему“, говоритъ онъ. Подъемъ-же зависитъ отъ притока иностраннаго капитала, который началъ прливать вслѣдствіе устойчиваго политическаго положенія Россіи. Ошибка автора заключается въ томъ, что онъ не считаетъ съ потребительными силами населенія, а думаетъ, что притокъ капитала въ промышленность можетъ самъ по себѣ вызвать подъемъ. Онъ забываетъ, что внѣшняго рынка мы не имѣемъ, на дальнемъ востокѣ Японія и Китай побиваютъ насъ конкуренціей, на ближнемъ востокѣ, правда, есть, Персія Турція, но здѣсь ищцы и англичане являются серьезными противниками, и не Россіи вступать съ ними въ борьбу. Остаются внутренній рынокъ, но надѣяться на голоднаго безземельнаго крестьянина, безопасно избираемаго правительствомъ, что онъ можетъ явиться потребителемъ на расширенномъ рынкѣ, это значить вѣрнѣе, что Столыпинское успокоеніе является единственно вѣрнымъ средствомъ оздоровленія Россіи. Въ № 1 „Мысли“, за ноябрь 1910 г. Л. Германовъ въ статьѣ „Официальный оптимизмъ и положеніе промышленности“, весьма обстоятельно оперируя надъ сравнительно значительными статистическимъ матеріаломъ, анализируетъ народное хозяйство за послѣднія десять лѣтъ, и приходитъ къ выводу въ противовѣсъ Туганъ-

Барановскому, что основной причиной наблюдаемаго экономическаго оживленія является урожай. Онъ утверждаетъ, что подъемъ займѣтъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности и пети кризиса, затягивавшагося за послѣдніе 8—9 лѣтъ, постепенно ослабѣетъ. Урожай позволилъ крестьянину оазать вліяніе на цѣлый рядъ отраслей промышленности, но все же это вліяніе было не такъ сильно, потому что средства, полученныя отъ урожая крестьянствомъ, съ одной стороны были взяты правительствомъ въ видѣ оброчковъ, съ другой затрачены на инвентарь. Что-же касается оживленія въ металлургической промышленности, Л. Германовъ приписываетъ это оживленіе исключительно строительной и желѣзнодорожной горячкѣ, раздуваемой правительствомъ, и потому думаетъ, что оживленіе, искусственно созданное, „не можетъ быть длительно устойчивымъ“. Въ той-же „Нашей Зарѣ“ въ № 5—6 Нахимсонъ очень скептически относится къ подъему; по его мнѣнію „наступающій подъемъ будетъ очень эфемернымъ“, а въ № 11—12, Мукосѣевъ, весьма освѣдомленный экономистъ, анализируя признаки подъема приходитъ къ выводу, что подъемъ является „оптимистической переодѣлкой нѣкоторыхъ явленій нашей хозяйственной жизни за послѣдніе два года; въ дѣйствительности-же, на нашъ взглядъ, такого подъема или оживленія не существуетъ“. Новыя данныя, подтверждающія мнѣніе тѣхъ, кто недоувѣрчиво относится къ такъ называемому промышленному подъему, мы находимъ въ преніяхъ только что состоявшагося 5-го сѣзда представителей торговли и промышленно-сти. Крупный промышленникъ, членъ Государственнаго Совѣта г. Адѣвѣвъ, на первомъ же засѣданіи этого сѣзда заявилъ слѣдующее. „За послѣдніе 10 лѣтъ, торговля и промышленность переживали очень тяжелый кризисъ. Нѣкоторые проблески экономическаго подъема стали замѣчаться лишь въ послѣдніе два года, благодаря урожаю. Но необходимо помнить, что урожай случайная благодать, и что финансово-экономическое положеніе не можетъ быть поставлено въ исключительную зависимость отъ этой случайности“.

Мы конечно не беремся утверждать наблюдаются-ли длительный, устойчивый подъемъ производительныхъ силъ страны или временное незначительное экономическое оживленіе, и всѣхъ интересующихся товарищей отсылаемъ къ внимательному изученію литературы и фактовъ. особенную поязву въ собраніи этихъ фактовъ могутъ оказать профессиональные союзы, которымъ по ихъ положенію очень легко слѣдить за развитіемъ производства и которые могли-бы черезъ своихъ членовъ производить анкету на различныхъ заводахъ). Приводя различныя мнѣнія въ этой статьѣ, мы тѣмъ самымъ хотимъ показать насколько трудно и сложно изученіе этого вопроса и какъ легко, пользуясь незначительными данными, придти къ самымъ противоположнымъ выводамъ. Тѣмъ не менѣе, тѣ объективныя данныя которые имѣются сейчасъ въ нашемъ распоряженіи, не позволяютъ еще :амъ утверждать, что мы вышли уже совершенно изъ экономическаго тупика, въ который загналъ Россію хищническая политика царизма. Въ частности относительно урожая можно сказать, что онъ самъ по себѣ не является еще гарантіей длительно-устойчиваго экономическаго подъема. Въ Россіи техника сельскаго хозяйства

еще очень низка и русский мужик — хлѣборобъ, почти также рабски зависитъ отъ случайной игры стихійныхъ силъ природы, какъ зависѣлъ отъ нихъ его предокъ славянинъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Почва, истощенная грубыми хозяйствомъ, лишь случайно, по удачѣ, даетъ хорошей урожай и вѣрить въ то, что при теперешней системѣ хозяйства урожай будетъ ежегоднымъ гостемъ деревни, значитъ вѣрить въ чудо. Таковомнѣнiе, между прочимъ, одного французскаго писателя по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ (Г-на Лизиса), ведущаго во французской печати усиленную агитацию противъ русскихъ займовъ. «Два счастливыхъ урожая, говоритъ онъ, не спасутъ русский царизмъ отъ финансового банкротства». И дѣйствительно, правительство въ настоящее время уже хлопнучетъ объ устройствѣ за границей крупнаго займа, обнаруживая этимъ всю живность своего хвастовства и своихъ увѣреній въ благополучіи казны и процвѣтаніи Россіи.

Но если даже паче чаянія экономической подъемъ оказался бы длительнымъ, выкажетъ-ли еще изъ этого ликвидація нашихъ революціонныхъ ожиданій? Принесетъ-ли подъемъ съ собой смерть революціи и новую жизнь самодержавія? Притесни ли намъ, какъ думаетъ редакция нашего центрального органа, отказать отъ самостоятельной классовой тактики и приспособить все наши дѣйствія, все упованія къ игрушечнымъ ссорамъ между октябристами и Столыпинами?

Мы думаемъ, что нѣтъ.

Конфликтъ между политическими формами и капиталистическимъ развитіемъ производительныхъ силъ страны уже и теперь завелъ такъ далеко, что разрѣшеніе его можно ожидать только путемъ катастрофы реакціонной политики правительства. Опираясь на паразитическій элементъ — дворянство, оно стремится къ удовлетворенію его интересовъ; съ другой стороны, находясь на содержаніи у западно-европейскаго капитала и подъ его давленіемъ, оно дѣлаетъ незначительныя уступки буржуазіи. Организовать же капиталистическое производство на почвѣ промышленнаго подъема и привести въ соотвѣтствіе политическія формы съ развитіемъ производительныхъ силъ оно не можетъ. Промышленный подъемъ или экономическое оживленіе вызоветъ усиленіе экономической борьбы пролетариата. Соціалдемократическая партія должна войти въ тѣсное сближеніе съ профессиональными союзами, должна взять на себя руководство экономической борьбой, ибо руководство экономическимъ движеніемъ въ 1905 году показало, какъ существенно измѣняется движеніе при направленіи его въ организованномъ руководствѣ. Только что чуть замѣтно начало экономическаго оживленія въ 1910 году пролетаріатъ встрѣтилъ дѣльнымъ рядомъ стачекъ, и эти стачки сопровождался массовыми арестами и носили отчасти политической характеръ. Волна экономическаго движенія пролетариата при промышленномъ подъемѣ не можетъ не привести въ столкновеніе съ грубымъ полицейскимъ режимомъ. Такимъ образомъ, экономическое движеніе не можетъ не перейти въ политическое, въ особенности, если партія будетъ руководить этимъ движеніемъ. Но предположимъ, что промышленнаго подъема нѣтъ, есть только незначительное экономическое оживленіе, которое смѣняется новымъ упадкомъ: въ этомъ случаѣ еще рѣче передъ пролетариатомъ и крестьянствомъ встанетъ вопросъ объ уничтоженіи самодержавія. Оправившись за время экономическаго оживленія и добившись ряда удрученій, пролетаріатъ при рѣзкомъ переходѣ къ новому кризису подниметъ свой протестъ и, въ такомъ случаѣ, опять кончится застой, пройдетъ мертвая спячка, всеобщая апатія смѣнится общественнымъ оживленіемъ. И мы опять-таки можемъ смѣло смотреть впередъ, съ радостью мы можемъ смѣло дать будущаго, ибо оно принесетъ намъ избавленіе отъ царизма.

Арсеньевъ (печатникъ).

— (((( )))) —

Латышская социалдемократія и легализаторство

Вопросъ о ликвидаторствѣ и «легальныхъ возможностяхъ» въ послѣднее время поднятъ и въ Латышской Социалдемократіи. Нужно замѣтить, что объ отношеніи Лат. С. Д. къ легализму у русскихъ товарищей существуютъ самыя превратныя понятія. Особенно ярко это сказалось въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ юбилейномъ номерѣ „Ziņa“, гдѣ нѣкоторые русскіе товарищи приписываютъ социалдемократіи Лат. Край качества, какія они желали-бы въ ней видѣть, совершенно не справляясь съ тѣмъ, насколько это сходится съ дѣйствительностью.

На тему о легализмѣ въ средѣ латышскихъ с. д. пишетъ, между прочимъ, и т. Аксельродъ въ своей „небезызвѣстной“ статьѣ, помѣщенной въ юбилейномъ № „Ziņa“ (по этому вопросу одинаково съ нимъ высказываются и т. Мартовъ). Почтенный т. Аксельродъ начинаетъ съ „древней исторіи“ — дореволюціонной эпохи. Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о томъ, что латыши уже въ то далекое время принимали участіе въ „легальныхъ возможностяхъ“. Если онъ подъ „дореволюціонной эпохой“ понимаетъ эпоху легальнаго марксизма, то онъ, пожалуй, правъ. Въ то время, дѣйствительно, нѣкоторые изъ нынѣ весьма видныхъ нашихъ социалдемократовъ принимали участіе въ легальной печати, выступали въ легальныхъ обществахъ. Но бѣда-то только въ томъ, что сама ихъ социалдемократичность въ то время была весьма сомнительна, да и съ пріемами нелегальной пропаганды они были совершенно незнакомы. Неудивительно поэтому, что нѣкоторые изъ нихъ въ то время высказывались противъ организаціи нелегальныхъ кружковъ, противъ изданія нелегальной литературы.

Но жизнь сама скоро доказала, насколько они были неправы. Правительство сперва смотрѣло сквозь пальцы на нарождавшееся движеніе, надѣясь этимъ создать оппозицію нашимъ минореволюціоннымъ националистамъ, выданныхъ за „революционеро-сепаратистовъ“ прибалтійскими баронами. На самомъ-то дѣлѣ наши националисты 90-хъ годовъ не носили въ себѣ ничего революціоннаго и всегда холопски подчинялись всемъ приказаніямъ самодержавныхъ сатраповъ.

Какъ только правительство раскусило настоящій характеръ новаго движенія, оно не замедлило сдѣлать попытки задуть его. Марксистская газета была закрыта, выступленія въ легальныхъ обществахъ стали невозможны, участники новаго движенія частью были арестованы, частью эмигри-

ровали. По свидетельству одного из ветеранов латышской с.-д.-ли, тов. Параграфа (8), «именно легальность послужила гибелью молодого движения: первые зародыши марксизма как рукой смеются». Осталось про них одно воспоминание, да и то весьма слабое. Даже часть нелегальных соц.-дем.-ских кружков, к тому времени кое-где организованных, погибла в связи с крахом легального движения.

Когда в начале нынешнего столетия социал-демократическая пропаганда в Прибалтийском крае начала снова расширяться, все внимание наших товарищей было обращено на создание прочных нелегальных организаций.

И в этот период деятельности нашей организации почетный т. Аксельродъ тѣмъ болѣе не найдетъ увлеченія «легальными возможностями». Не считаетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, использование «легальныхъ возможностей», напр., открытое распространение с. д. литературы въ церквяхъ во время богослужения, или открытое произношение революционныхъ рѣчей въ тѣхъ же мѣстахъ, что у насъ практиковалось нерѣдко въ периодъ, предшествовавшей революціи.

Что же касается послѣдняго періода жизни нашей организации, періода контр-революціоннаго, то и тутъ у насъ всегда на первомъ планѣ стояло *укрѣпленіе не легальной организаціи и воссозданіе ея тамъ, гдѣ она разстроилась*. Этимъ т. и сильна наша организація: благодаря этому, она смогла и можетъ вынести всѣ удары, которые ей нанеситъ тяжелая лака репрессій. А почетный т. Аксельродъ утверждаетъ, что мы «планомѣрно пользуемся «легальными возможностями», какъ основой и орудіемъ» для мобилизаціи и организаціи наиболее сознательныхъ слоевъ пролетаріата на открытой общественной аренѣ... Нужно быть помѣшаннымъ на «легальныхъ возможностяхъ», чтобъ не замѣтить, какъ далека тактика, которой придерживаются въ своей работѣ латышскіе с.-д., отъ той, которую проповѣдуетъ почетный тов. Аксельродъ и его сподвижники на страницахъ «Голоса Соціал-демократа», увлекая иногда за собой и редакцію Ц. О., тоже по временамъ поющую гимнъ «легальнымъ возможностямъ».

Въ своей статьѣ т. Аксельродъ, между прочимъ, высказываетъ надежду, что латышскіе товарищи «примутъ во вниманіе» все имъ сказанное. Я съ своей стороны осмѣливаюсь утверждать, что это — увѣ — врядъ ли случится. Латышскіе с.-д-ты пойдутъ своимъ дорогимъ, минуя тѣ пути, которые нѣтъ указываетъ т. Аксельродъ и не прибѣгая (уже безъ сомнѣнія) къ тѣмъ грубымъ полемическимъ приемамъ, какіе пускаетъ въ дѣло почетный товарищъ въ борьбѣ со своими фракціонными противниками. Въдѣ уже не разъ провозгласилъ т. Аксельродъ «терпѣли крахъ» у латышскихъ с.-д.-товъ. Припомнимъ, напр., исторію «рабочаго съѣзда», идею котораго онъ такъ горячо пропагандировалъ и къ которой отнеслся такъ отрицательно латыши, не исключая даже тѣхъ изъ нихъ, которые въ то время считали себя «меньшевиками». И латышскіе с.-д-ты остались вѣрными себѣ. На послѣднемъ пленумѣ Ц. К. только представитель С.-Д. Л. К., да «зловредный» впередсече» высказывался противъ оппортунистическаго проекта общероссійской конференціи, проекта, въ основу

которой легла извращенная идея рабочаго съѣзда и составленнаго на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не т. Аксельродомъ, а представителями той части русскихъ товарищей, которая до сихъ поръ считала себя революціоннымъ крыломъ Р. С.-Д. Р. П.

Есть, впрочемъ, и у латышей среда, гдѣ проповѣдь легализма и ликвидаторства находитъ и найдетъ себѣ горячую встрѣчу: среди нашихъ псевдо-марксистовъ и мелко-буржуазныхъ демократовъ. Въ послѣднее время они, не будучи сами членами партіи, въ своей печати и въ нѣкоторыхъ легальныхъ обществахъ съ воодушевленіемъ, достойнымъ лучшей участи, восхваляютъ передъ рабочими всю прелесть легальнаго реформизма и доказываютъ всю нелѣпость существованія нелегальной партіи. Нельзя, однако, сказать, чтобъ эти господа пользовались большимъ успѣхомъ у латышскаго пролетаріата.

Среди же нашихъ партійныхъ работниковъ ликвидаторовъ и ликвидаторовъ почти нѣтъ. Пока въ нашей партійной печати выступала только одинъ горячій защитникъ направленія, выраженнаго «Голосомъ С.-д-та» — товарищъ Ч., занимающій, однако, весьма видный постъ въ одномъ общепартійномъ учрежденіи.

Достойную критику увлеченія «легальными возможностями» и ликвидаторство нашли себѣ въ послѣднемъ № 110, «Zihna», въ въ статьяхъ т. Бр. и Хеликвидатора. Ветеранъ нашего социалистическаго движенія — тов. Бр. совершенно правильно указываетъ, что для правительства какъ разъ желательно, чтобъ наши нелегальныя организаціи распались въ «легальныхъ возможностяхъ»: вѣдь опасна для самодержавія именно нелегальная партія; съ легальными же организаціями оно можетъ справиться, когда угодно, какъ это доказали уже безчисленные примѣры. Дѣйствительно — нелѣпость того положенія, что «легальныхъ возможностей» могутъ замѣнить намъ наши нелегальныя организаціи, можетъ доказать каждый приставъ.

Только укрѣпивъ наши нелегальныя организаціи, сдѣлавъ ихъ базой всей нашей дѣятельности, — мы можемъ смѣло пойти на встрѣчу тѣмъ великимъ событіямъ, передъ которыми стоимъ теперь Россія.

— рѣ.

Р. С. — Въ № 111 «Zihna» напечатано постановленіе о работѣ въ легальныхъ обществахъ, принятое рижскимъ комитетомъ С.-Д. Л. К. въ августѣ прошлаго года. Привожу существенную часть этого постановленія цѣликомъ: «Р. К. напоминаетъ товарищамъ, что социаль-демократы принимаютъ участіе въ легальныхъ обществахъ, чтобъ вести тамъ строго социал-демократическую работу, и что такую можно вести только тогда, когда имѣется прочная нелегальная организація. Исключительно политической борьбой пролетаріатъ можетъ низвергнуть самодержавный режимъ, а нынѣшнія легальныя общества мы не можемъ использовать какъ орудіе политической борьбы; поэтому на первый планъ мы всегда должны ставить организацію политической борьбы — социал-демократическую рабочую партію. Принимая участіе въ легальныхъ обществахъ, нужно строго соблюдать постановленія фракціи» и работать исключительно согласно съ этими постановленіями».

*) «Zihna» № 100, стр. 8, статья тов. 8.

**) Подчеркнуто мной.

Приведенное постановление Рижского комитета не мешало бы принять к сведению всем тем товарищам из правого крыла Р. С. Д. Р. П., которые в своих проповедях мелких легальных возможностей указывают на легальную работу латышских товарищей. Изъ этого постановления они, пожалуй, узрютъ, как далеки латышские социалдемократы от того, чтобы первоудство нашей нелегальной партіи обвинять на чевичную похлебку „легальных возможностей“.

Что говорят социалисты-революционеры и соц.-демократы о законѣ 9 ноября?

I.

Въ статьѣ, напечатанной въ первомъ выпускѣ сборниковъ „Впередъ“, мы постарались дать общую характеристику аграрнаго законодательства царизма и выяснитъ значеніе закона 9-го ноября. Но вопросъ этотъ настолько важенъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, серьезное ознакомленіе съ нимъ настолько необходимо для товарищей-читателей, что с.-д. печать должна постоянно заниматься имъ и вновь подводить намѣчающіеся итоги, по мѣрѣ ихъ накопленія.

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ коснуться той стороны вопроса, которая до сихъ поръ почти не была затронута, — не только въ нашемъ первомъ сборникѣ, но и вообще въ нашей партійной литературѣ. Я имѣю въ виду вопросъ о томъ, какое отношеніе встрѣило аграрное законодательство у различныхъ партій въ Россіи, какую оцѣнку дала ему политическая печать нашей страны. Само собою разумѣется, что выяснитъ эту сторону вопроса цѣликомъ въ одной статьѣ было бы очень трудно. А потому мы оставимъ пока внѣ нашего обзора партіи не-социалистическія и посмотримъ, какъ отнеслись къ закону 9 ноября два главныхъ теченія въ русскомъ социализмѣ: социалисты-революционеры, съ одной стороны и социалдемократы, съ другой.

Само собою понятно, что отношеніе той и другой партіи къ такому важному и существенному вопросу не могло быть случайнымъ, что и эс-эры, и мы, оцѣнивая аграрную „реформу“ царизма, исходили въ этой оцѣнкѣ изъ своихъ общихъ принципиальныхъ взглядовъ, изъ своей программы, изъ тѣхъ общихъ и основныхъ классовыхъ цѣлей, которая ставитъ себя партія наша и партія эс-эровская.

Въ программѣ партіи социалистовъ-революционеровъ, принятой на ея I-омъ съѣздѣ (въ концѣ 1905 года) мы читаемъ такой пунктъ:

„Въ вопросахъ переустройства поземельныхъ отношеній партія с.-р. стремится опереться, въ интересахъ социализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, на общинныя и трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности на распространенное среди нихъ убѣжденіе, что земля ничья и что право на пользованіе ею даетъ лишь трудъ“.

Въ этомъ одномъ „пунктѣ“ заключена вся суть эс-эровскаго мировоззрѣнія. Въ противоположность намъ, революционнымъ марксистамъ, эс-эры мечтаютъ опереться для борьбы противъ „буржу-

азно-собственническихъ“ началъ не на пролетаризированные элементы общества, не на классъ наемныхъ рабочихъ, а на „трудовое“ крестьянство и его „общинныя традиціи“. Они не замѣчаютъ, что эти общинныя формы жизни отнюдь не даютъ народу того спасенія, который дастъ ему пролетарскій социализмъ. Они не видятъ, что эти общинныя формы заключаютъ въ себя то же классовое содержаніе, что внутри общины еще задолго до изданія закона 9-го ноября шелъ процессъ хозяйственной конкуренціи, борьба слабыхъ и сильныхъ, объединеніе однихъ, обогащеніе другихъ, превращеніе одной части общинниковъ въ „безлошадныхъ“, а затѣмъ и безземельныхъ полупролетаріевъ и пролетаріевъ, а другой — въ зажиточныхъ мужичковъ, маленькихъ капиталистовъ, каждый изъ которыхъ норовитъ пролѣзть въ большіе эксплуататоры. Большинство эс-эровъ, ослѣпленные старыми предрассудками народничества, не видятъ ничего этого, хотя, казалось бы, все это такъ очевидно. А когда нѣкоторые, болѣе наблюдательные среди эс-эровской партіи лица начинаютъ *виднѣть* и говорить о томъ, *что* они видятъ, ихъ партійные вожди пытаются закрыть глаза прозрѣвшему, чтобы онъ, вопреки голосу самой жизни, повторять вмѣстѣ съ ними старья сказки о деревенской общинѣ, которая спасаетъ дескать „русскій народъ“ отъ пролетаризаціи, и дастъ ему возможность прямо придти въ рай социализма, миновавъ капиталистическій адъ. Такъ случилось, наприм., съ однимъ членомъ партіи с.-р., года два тому назадъ представившимъ въ редакцію центральнаго органа своей партіи очень интересную „записку по крестьянскому вопросу“. Въ этой „запискѣ“ онъ открыто заявлялъ, что марксисты оказались правы, когда говорили о дифференціаціи крестьянства, о классовой борьбѣ внутри „трудовой“ общины и что лишь ничтожная горсточка „общинниковъ“ пойдетъ за за эс-эровскимъ лозунгомъ социализаціи земли. Редакція Центр. Органа была недовольна тѣмъ, что авторъ „записки“ увидѣлъ то, что видятъ марксисты, *отказалась* напечатать эту „записку“, и приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы запутать и затупить поднятый вопросъ.

Неудрено при такихъ условіяхъ, что и при опредѣленіи своего отношенія къ закону 9 ноября эс-эры тоже исходятъ изъ чего угодно, только не изъ фактовъ реальной действительности. Это ярко обнаружилось во время преній, происходившихъ на ихъ общепартійной конференціи въ августѣ 1908 года.

„Правительственная программа прямая противоположность программѣ партіи соц.-революционеровъ“, — говорилъ одинъ изъ делегатовъ этой конференціи. — Пока власть находится въ рукахъ современнаго правительства, у насъ нѣтъ никакого радикальнаго средства противъ его аграрныхъ мѣропріятій“.

„Спасті общину можно только низверженіемъ самодержавія“, — говорилъ другой. — Велика опасность столыпинской политики для успѣховъ социалистическихъ идей въ Россіи... Въ теченіе какого то неопредѣленно долгаго періода будутъ въ нашу деревню вливаться индивидуалистическія навьки и пріемы мысли“.

Таковы рѣчи, раздававшіяся на с.-р. конференціи въ концѣ 1908 года. Жизнь, какъ видите, ничему не научила нашихъ народниковъ. Имъ, какъ и прежде, кажется, что община — лучший аппаратъ для распространенія „социалистическихъ

прёмовъ мысли^а, они не видятъ, что буржуазный индивидуализм^а, — т. е. «навыки» частного собственника, — еще задолго до закона 9 ноября 1905 г. ворвались въ русскую деревню и покорили себѣ значительные слои крестьянства. Имъ думается, что это не экономическое развитие, не мѣтновыя отношенія капиталистическаго хозяйства разрушаютъ общину, а лишь магическое слово царскаго закона. Они не знаютъ и не хотятъ знать, что эти мѣтновыя отношенія, порождая въ однихъ умахъ — въ умахъ буржуазныхъ элементовъ общества — индивидуализмъ, приводятъ зато и къ противоположному явленію, къ разсвѣту социалистическихъ идей въ умахъ пролетарскихъ элементовъ.

Но живанъ, но факты все-таки кричатъ о себѣ и эсь-эрамъ, какъ ни какъ, приходится скрѣпя сердце считатьсѣ съ ними. Мы опираемся, — говорятъ они, — на распространенное среди крестьянъ убѣжденіе, что земля ничья^а, а вдругъ въ отвѣтъ на это до нихъ доносятся изъ деревни крики: «моя, наша» и т. д. И черезъ два года послѣ общепартиійной конференціи ихъ же центр. органу («Знамя Труда», 1910 г., № 30) приходится констатировать, что «крестьянство... въ концѣвъ, стало раскупать и хуторские и отрубные участки изъ опасенія, что придутъ сторонніе люди («хохлы») и сядутъ на эти участки, окончательно обездоливъ ихъ, мѣстныхъ людей». Гдѣ же тутъ, спрашивается, пресловутое убѣжденіе, что «земля ничья^а, если сидящіе на ней, мѣстные» люди такъ опасливо озираются на «стороннихъ». Здѣсь ясно сказывается, наоборотъ, убѣжденіе, что земля «наша» и что чужаковъ надо гнать въ шею, а если это невозможно, то хоть перекупить у нихъ клочекъ земли изъ подъ носа.

Что касается будто бы тоже существующаго среди крестьянъ другого «убѣжденія», — что право на землю даетъ «трудъ», — то и здѣсь сама жизнь опровергаетъ нашихъ наивныхъ сказочниковъ. Если люди «раскупаютъ» участки, то, значитъ, они знаютъ, что трудъ-трудомъ, а капиталъ-капиталомъ, и не прочь обезпечить за собой «право на землю» при помощи денегъ, запродажныхъ записей и нотаріальныхъ договоровъ. И товарищамъ эсь-эрамъ никакъ не удастся выдѣлти изъ тѣхъ противорѣчій и путаницы, въ которія завела ихъ краснорѣчивая программа, основанная на «трудовыхъ воззрѣніяхъ» и «общинныхъ традиціяхъ». Въ бесильныхъ старанияхъ выпутаться, они придумываютъ самыя нелѣпыя объясненія тому, что творится передъ ними. Въ той же статьѣ «Знамени Труда» (1910, № 30), напримѣръ, говорится слѣдующее (буквально!):

«Въ рѣдкихъ, рѣдкихъ случаяхъ за послѣдніе два года до деревни доходилъ нашъ голосъ (голосъ эсь-эровъ) и получалъ хоть нѣкоторое вліяніе на ходъ деревенскихъ дѣлъ. А въ общемъ наше крестьянство въ самый важный историческій моментъ коренного перелома своей жизни и жизни всего государства оказалось покинутымъ безъ помощи со стороны партиійной интеллигенціи, предоставленнымъ своему разумію. И отсюда (!) растерянность, разбитость реакціи на законъ 9 ноября и во многихъ случаяхъ паника и массовые выходы изъ общины и переходы къ подворному владѣнію дѣльми селеніями. Въ этомъ, —

подчеркиваетъ авторъ, — величайшая историческая вина народнической интеллигенціи.»

Итакъ, объясненіе найдено: вся бѣда видете ли, въ томъ, что при мужикахъ, «выходящихъ изъ общины», не состояло должнаго количества эсь-эровскихъ пропагандистовъ и пропагандистокъ, которые во время должны были напомнить мужику, что ему полагаются (по программѣ партіи с.р.!) «общинныя воззрѣнія» и убѣжденіе, что «земля ничья». Ларчикъ просто открывается... волшебнымъ ключемъ нашихъ наивныхъ идеалистовъ. Не экономическія силы, не социальная борьба создаетъ почву для ломки общины, а слабость пропагандистскихъ силъ «народнической интеллигенціи»... Эхъ вы, чудаки милые!

Разъ болѣзнъ выяснена, то и рецептъ прописать не долго. И эсь-эровская конференція прописываетъ его, съ благословенія своего Центр. К-та. Въ принятой ею резолюціи «о борьбѣ съ земельнымъ законодательствомъ» народнической интеллигенціи дается совѣтъ «сплачивать трудовое крестьянство» на почвѣ этой борьбы. Какъ сплачивать, тоже указывается. Для этого, во-первыхъ, надо «усовершенствовать общинные расписки», во-вторыхъ, «боротись противъ выдѣловъ», въ третьихъ, «бойкотировать выдѣляющихся кулаковъ, а въ четвертыхъ... Ну какъ, угадаете товарищи-рабочіе, что рекомендуется въ четвертыхъ? Рекомендуется «трудовымъ» мужикамъ устраивать «соглашенія съ переселенцами и пролетаризированными элементами деревни, стремящимися развязаться съ надѣльной землей, потому что не могутъ или не хотятъ вести на ней собственное хозяйство.» (Соглашенія могутъ сопровождаться «выдачей имъ пособій на извѣстныхъ условіяхъ и т. п.»)

Позвольте однако! — спросите, навѣрно, каздый человѣкъ, знакомый съ эсь-эровскими сказками объ «уравнительной» жизни общины. — Какъ же такъ? Откуда же взялся у васъ эти «пролетаризированные элементы»? Вѣдь ваша «община» спасаетъ «русскій народъ», въ пику всѣмъ прочимъ народамъ, отъ пролетаризаціи! А теперь вдругъ «пролетаризированные элементы» появились на сцену. Да и не просто появились на сцену, а появились на сцену, въ качествѣ лицъ, подлежащихъ обработкѣ «соглашеніями». Ибо вѣдь то, что предлагаютъ товарищи эсь-эры, есть самая простая обработка пролетарія трудовикомъ-мужичкомъ, и это прекрасно пояснилъ докладчикъ, выступавшій на эсь-эровской конференціи во время обсуждения аграрной политики:

Скупку общинной надѣловъ выдѣляющихся (бѣдняковъ П. А.) врядъ ли можно одобрить, — говорилъ онъ. — Благодаря такой скупкѣ надѣловъ, община постепенно становилась бы юридическимъ собственникомъ надѣльной земли... Такой строй отношеній противорѣчитъ основной идее социализаціи земли. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ высказаться противъ скупки общинной надѣловъ и въ пользу выдачи переселенцамъ и другимъ выдѣляющимся и уходящимъ отъ земледѣлія или на сторону пособій отъ общины, но (слушайте, читатели!) на условіяхъ, дѣлающихъ невозможнымъ для нихъ вторичный выдѣлъ изъ общины.»

Ловко придумано, не правда ли! Покупать надѣловъ у пролетаризированнаго мужика мужику — неприлично, платитъ переселенцу за землю по рыночной цѣнѣ тоже неприлично (это «проти-

ворчать основной идее социализации земли!) А вот, дать в обмен на землю „посobie“ можно — это и принципу не противоречит, да и дешевле, — надо только устроить так, чтобы „протариизированный элемент“ вторично не протянул уже лапу к этой земле. Итак, высокая „идея социализации“ осуществляется в форме простой акционерной кампании „трудовых“ мужиков, которые, бойкотирова кулаков, не забывают сами об обработке тех, кто побднее, и по дешевке забирают их надель, основательно затем высаживая их из „общины“, чтобы вторично не вздумали сунуться.

Превосходная программа! И, главное, истинно-социалистическая! Это не то, что мы, какие-то жалкие эсъ-деки, которые говорят: „Протарииз соединитесь для борьбы за социализм“. Неть, у товарищей эсъ-эровъ „идея“ куда выше, — во имя ея они призывают „трудовое“ крестьянство „сплотиться“ для выкуриванья за деревенскую околицу переселенцев и протариэв.

Таков эсъ-эровский социализм. Правду говорил наш старейший учитель Маркс, что истина доказывается практикой. Практика жизни протариэв эсъ-эровскую „истину“ и сразу показала, что эта истина — не протариэвская, а мещанская, что это лозунг мелких хозяйчиков, которые вождебно относятся, конечно, к давившим их более крупным хозяевам, но в то же время подносят свой кулак и к носу „протариэзованного элемента“...

Да, правъ, тысячу раз правъ былъ Маркс: истина доказывается не красивыми фразами, а суровой практикой жизни!

Посмотрим теперь, какъ относятся къ закону 9-го ноября социаль-демократы. Если послушать эсъ-эровъ, то наше отношение къ аграрной политике Столыпина обязательно должно быть „сочувственнымъ“: — Эсъ-деки, молъ, стоятъ за протариэризацию и Столыпинъ тоже. Значитъ, эсъ-деки должны радоваться тому, что Столыпинъ ломаетъ остатки общины и ускоряетъ протариэризацию деревни.

Такъ *упрощать* наши взгляды нерѣдко бывають склонны народники. Но это *упрощение* есть ничто иное, какъ *извращение*, — не всегда притомъ безсознательное. Мы, революционные марксисты, въ противоположность эсъ-эрамъ, руководимся въ своей программѣ не интеллигентскими пожеланиями и настроенностями, высосанными изъ пальца, а изучениемъ объективнаго, — то-есть независимаго отъ хотѣнь или нехотѣнь отдѣльных лицъ — историческаго развитія нашей страны. Мы видимъ, что капитализмъ ломаетъ общину и не обманываетъ „трудовыхъ“ мужиковъ мечтами о томъ, какъ было бы хорошо сохранить общинный строй, да, обжавъ сбоку капитализмъ, придти къ социализму. Неть, мы говоримъ имъ: неть и для васъ, крестьянъ, никакого спасенья внѣ классовой борьбы протариэриата. И придеть часъ, когда вы поймете это. Если вы теперь задушите господство крѣпостниковъ-помѣщиковъ и отберете у нихъ для себя землю, въ чемъ мы вамъ стараемся помочь всѣми силами, то все-таки, пока буржуазный строй, смѣняющій собою царство дворянъ, будетъ существовать, вы, мелкие земледѣльцы, пахари-хлѣборобы, будете все сильнѣй и сильнѣй страдать отъ конкуренціи крупнаго капитала, который будетъ, какъ тысячепудовый прессъ, зажимать васъ въ своихъ тискахъ!

Но, ясно видя будущее и не обманываясь, мы, революционные марксисты, именно для ускорения нашихъ конечныхъ цѣлей и боремся снѣчь въ Россіи за *всю землю* для крестьянъ. Мы хотимъ прикончить кабальное хозяйство дворянъ, которые держатъ мужиковъ въ полукрѣпостномъ владычествѣ. Мы хотимъ прекратить голодовки, нищету, постоянный моръ, которые царятъ въ деревнѣ, дать крестьянамъ вдохнуть, сбросить дворянскую петлю, душащую ихъ. Мы хотимъ сбросить всѣ крѣпостныя путы, мѣшающія развитію хозяйственныхъ силъ народа, тормозящая ростъ промышленности, который есть вмѣстѣ съ темъ и ростъ протариэрата-освободителя. Вотъ почему мы сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь, хотимъ бороться противъ аграрной политики Петра Столыпина и Николая Романова, вотъ, почему мы, всѣ социаль-демократы безъ различія фракцій и теченій, — едины въ своемъ протестѣ противъ нея.

Но, едины въ основномъ взглядѣ, въ общей оцѣнкѣ правительственной реформы, мы, конечно, можемъ расходиться и расходимся въ оцѣнкѣ ея фактическаго значенія. Каковы могутъ быть ея итоги и какими намѣчаются они теперь, насколько великъ, можетъ быть, и есть практической успѣхъ Столыпинскихъ-Романовыхъ въ дѣлѣ насажденія „крѣпкихъ“ мужиковъ-хуторянъ? На этотъ вопросъ отвѣты могутъ быть разные, причѣмъ, въ виду трудности и подчасъ невозможности точно учесть фактами и цифрами дѣйствительное положеніе дѣлъ, каждое теченіе въ партіи склонно окрашивать оцѣнку этого положенія въ цвѣтъ своей общеполитической позиціи.

Крайній правый флангъ въ данномъ случаѣ занимаетъ правое крыло меньшевистскаго теченія. Выразителемъ взглядовъ этихъ „крайнихъ правыхъ“ Россійской Социальдемократіи явился тов. Череванинъ со своей статьёй („Условія развитія промышленности и законъ 9 ноября“), напечатанной № 4 журнала „Наша Заря“ (за текущій годъ). Онъ оцѣниваетъ значеніе закона 9-го ноября такъ:

„Этотъ законъ несомнѣнно дастъ сильный толчокъ развитію земледѣлія тѣмъ, что оставитъ равномѣрное раззореніе крестьянъ. Благодаря тому, что въ большей части Европейской Россіи земледѣльческое населеніе росло, а производительность земли и размѣры посѣвной площади или не повышались или повышались слабо, число работниковъ, рабочихъ лошадей и вообще издержки производства на одну десятину земли оказывались значительно выше, чѣмъ это требовалось данной системой хозяйства. Законъ 9 ноября, выталкивая изъ деревни избыточное земледѣльческое населеніе и сосредоточивая землю въ рукахъ меньшаго количества крестьянъ, тѣмъ самымъ будетъ вести къ тому, что издержки на обработку земли значительно упадутъ. Доля земледѣльческаго дохода, выбрасываемаго на рынокъ, поэтому, значительно увеличится, а слѣдовательно, внутренней рынокъ для промышленности значительно расширится.“

„Но увеличеніе въ деревенскомъ бюджетѣ той доли, которая можетъ выбрасываться на рынокъ, поведетъ неизбѣжно также и къ увеличенію тратъ на улучшеніе хозяйства, земледѣльческой же прогрессъ въ свою очередь будетъ вызывать дальнѣйшее расширеніе внутренняго рынка.“

Исходя изъ этихъ разсужденій, тов. Череванинъ и дѣлаетъ выводъ, что „законъ 9-го ноября будетъ содѣйствовать развитію производительныхъ силъ.“

В приведенной мною длинной выдержке из череванинской статьи останавливаются на себе внимание несколько пунктов. Во-первых, чрезвычайно странно звучит заявление, будто в русском крестьянском хозяйстве издержки производства были „выше“, чем это требовалось данной „системой“ хозяйства. Как известно, преобладающим типом крестьянского хозяйства (и крестьянской аренды) в России до сих пор является хозяйство *продовольственное* и смѣшно говорить о *дороговизне* этого продовольственного хозяйства.

Невѣрно также, будто массовая экспроприация крестьянства удешевит обработку земли, ибо, конечно, теперешняя жалкая обработка земли крестьянами дешевле всякой капиталистической ее обработки. Можно, конечно, утверждать, что замѣна продовольственного „трудового“ хозяйства новым типом съ применением наемного труда расширит внутренний рынок для промышленности, но это произойдет путем как раз обратным тому, о каком говорит Череванин. Любопытно, что даже октябристское купечество, въ лицѣ московскаго Крестовникова, обнаруживаетъ болѣе правильное внимание вопроса, чѣмъ правофланговый русскаго марксизма: Крестовниковъ публично заявилъ, что тотъ способъ, какимъ правительство насаждаетъ крѣпкое крестьянство, чреватъ большими осложнениями, ибо промышленность не въ состоянн при своемъ теперешнемъ уровнѣ дать заработокъ миллионамъ рукъ, выбраиваемыхъ изъ деревни. Въ напечатанной въ первомъ сборникѣ „Впередъ“ статьѣ тов. Столяра приведено много фактовъ, говорящихъ о томъ, какъ разстроены производительная сила страны; тов. Столяръ привелъ между прочимъ заявление члена Государственнаго Совѣта Ротвальда о томъ, что въ позапрошломъ году въ русской деревнѣ оставалось уже безъ работы свыше семи миллионовъ человекъ обоего пола (считая членовъ ихъ семействъ это составитъ 17,000,000).

Впрочемъ тов. Череванинъ и самъ чувствуетъ шаткость своихъ мечтаннй и, начавши за упокой, кончаетъ чуть-чуть не за здравіе: „если“, говоритъ онъ „финансы Россіи останутся въ прежнемъ видѣ, то „противорѣчіе не будетъ уничтожено, а будетъ развиваться только на болѣе широкой основѣ.“ Другими словами, Череванинъ хочетъ быть имянинникомъ и на Антона, и на Онуфрія, — быть можетъ революція ликвидирована, а быть можетъ и не совсѣмъ.

Болѣе определеннѣ другой правофланговый Ю. Ларинъ. Въ № 11 „Возрожденн“ (1910) онъ со свойственной ему скоропалательностью возвелъ акціонерное предпріятіе Николай II-Столяринъ-Азефъ и К-о въ званіе буржуазной монархіи, которая, видите-ли, осуществляетъ буржуазный переворотъ, неосуществленный русской революціей, и тѣмъ вырываетъ почву изъ-подъ ногъ послѣдней. Если Череванинъ хуже позналъ вопросъ чѣмъ Крестовниковъ и Ротвальдъ, то Ларинъ опростовосился еще болѣе, и А. Финнъ-Внотаевскій мѣтко указалъ ему, что даже графъ Витте вѣрнѣе оцѣнилъ сущность закона 9 ноября, чѣмъ онъ, Ларинъ. Законъ этотъ отнюдь не воплощаетъ въ себя чистаго принципа буржуазныхъ, классовыхъ отношеннй, ибо основанный, дворянско-крѣпостнической духъ болѣе чѣмъ живъ въ немъ. Выводъ статьи Финна, которую можно рекомендовать читателямъ, ибо она достаточно ясно и отчетливо

ставитъ этотъ вопросъ*),—выводъ ее прямо противоположенъ мнѣнію Ларина: „Вмѣсто того, чтобы открыть просторъ развитію производительныхъ силъ въ земледѣліи и промышленности на базисѣ широкаго внутренняго рынка (*слушайте, тов. Череванин!*), вмѣсто того, чтобы привлечь къ капиталистическому производству возможно болѣе широкае слое населенія, вся наша современная экономическая политика направлена въ сторону эксплуатаціи производства и рынка лишь ограниченными кругомъ монополистовъ-капиталистовъ въ промышленности, да горстью помещиковъ и незначительнымъ слоемъ крестьянства въ земледѣліи. *Промышленный капиталъ при такихъ условіяхъ не можетъ развиваться (учитесь, тов. Ларинъ!)* Онъ не можетъ на такомъ узкомъ базисѣ поглощать все растущее избыточное сельское населеніе. Противорѣчія нашей экономической жизни всѣмъ этимъ не ослабляются, но еще болѣе обостряются“.

Къ такому же выводу приходитъ и Н. Р-ковъ въ своей интересной статьѣ, напечатанной въ недавню вышедшемъ № 1 журнала „Мысль“. Анализируя итоги землеустроительной политики правительства за три года (1907-1910) онъ указываетъ, что въ 20 губерніяхъ Россіи,—какъ разъ въ тѣхъ, гдѣ аграрный вопросъ стоитъ наиболее остро,—правительственная политика не приводитъ къ сколько-нибудь серьезнымъ результатамъ въ смыслѣ измѣненія крѣпостническихъ отношеннй въ деревнѣ. Къ единолично владѣнію переходятъ преимущественно зажиточный слой крестьянства—за три года около 1,5% всего числа дворовъ по 20-ти губерніямъ. „Ничтожество результата поразительно“—говоритъ Н. Р-ковъ. По его подсчетамъ, изъ 33 миллионовъ человекъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ только 6 миллионовъ (считая всѣхъ членовъ семействъ) могутъ быть превращены въ „крѣпкихъ“ хозяевъ, а „около 27 миллионовъ человекъ будутъ лишены возможности вкусить отъ тѣхъ благъ, съ которыми сопряжена принадлежность къ крѣпкому крестьянству и законъ 14 июня будетъ бесцѣленъ даровать имъ эту возможность“.

Данная Финна и Р-кова вполне разъясняютъ ту невѣроятную путаницу, какую усердно вносятъ въ вопросъ наши правофланговые. „*Quae volutus credimus liberet*“—говоритъ латинская пословица. Въ переводѣ на русскій это значитъ: „Чего хотимъ, тому охотно вѣримъ“. Политическія идеи Череванинскихъ и Ларинскихъ заставляютъ ихъ нарочито *подыскивать* обосновку для отрицательнаго взгляда на будущее Великой Россійской Революціи.

Въ болѣе сложномъ и, если хотите, въ болѣе юмористическомъ положенни очутились наши „центровики“,—Н. Ленинъ и его единомышленники. Въ статьѣ „Дискуссионнаго Листка“**), посвященной разбору платформы группы „Впередъ“, Ленинъ упрекалъ нашу группу въ непониманнй сущности русской революціи. И вотъ какъ онъ самъ опредѣляетъ современную моментъ:

„Революція идетъ къ намъ по новому... Мы должны идти къ ней по новому... Самодержавіе вступило въ новую историческую полосу. Оно

*) Она помещена въ № 10 „Соврем. Мира“ за 1910 г.

**) Того самаго „Листка“, который былъ основанъ Ц. К. для широкаго товарищескаго дискуссіи и работа котораго началась съ вышнбання отговорокъ и продолжалась матерной бранью по адресу меньшевиковъ и впередчиковъ.

дѣлаетъ шагъ по пути превращенія въ буржуазную монархію... Новая аграрная политика... Необходимо, буржуазно-необходимое... зveno политики новаго царизма". (Это, конечно, „не могутъ понять“ отзовисты и впередовцы и т. д. — дальше идетъ обычное поливание „Впереда“ изъ литературной книжки).

Въ томъ же духѣ, но еще болѣе рѣшительно высказывается другой ленинецъ тов. Александровъ, авторъ изданной редакціей Ц. О. брошюры о дѣятельности сѣвѣлдемократической фракціи въ третей Думѣ. На стр. 43 этой брошюры (представляющей собою ловко подобранную колоду козырныхъ цитатъ изъ рѣчей нашихъ депутатовъ, причемъ эти цитаты не всегда кстати соединены собственными союзами и междометіями тов. Александрова), имѣется слѣдующее болѣе чѣмъ ясное заявленіе:

„Развитіе капитализма безповоротно подорвало основы стараго аграрнаго порядка въ Россіи съ его сословной общиной, прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, полукрѣпостными отношеніями, существующими въ деревнѣ. Капитализмъ не можетъ развиваться дальше, не ломая окончательно всѣхъ этихъ средневѣковыхъ пережитковъ. Стольничи помнятъ эти тенденціи капиталистическаго развитія и рѣшительно зерель аграрную политику на новыя рельсы“.

Какъ видите, Александровъ высказывается нѣсколько рѣшительнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ Ленинъ. Но эта рѣшительность и опредѣленность по странной случайности дѣлаетъ взгляды Александрова, а черезъ его голову и Ленина, — поразительно похожими на взгляды не только Череванина, но и самого Ларина. Пока Ленину и его единомышленникамъ удавалось вести разговоры о судьбахъ русской революціи въ общей формѣ, они удачно лавировали между „крайностями“ и на вопросы рабочихъ чего ждать и къ чему готовиться, остроумно отвѣчали: Ни два, ни полтора! Бабушка на двое сказала! Либо дождикъ либо свѣтъ, — либо будетъ, либо нѣтъ! — А когда мы, впередовцы, говорили, что этого недостаточно, что нужны мнѣнія болѣе опредѣленные, партійное начальство только прикрикивало на насъ: вы-проклятые еретики анархисты и синдикалисты! вы ничего не понимаете въ марксизмѣ! И вотъ когда мы наконецъ дождались болѣе опредѣленнаго отвѣта, этотъ отвѣтъ оказался взятымъ Ленинцами на прокатъ у Череванина и Ларина, — онъ оказался просто на просто *ликвидаторскимъ*. Значитъ мы были правы, когда въ своей платформѣ подняли знамя дѣвой социалдемократіи, выпавшее изъ усталыхъ рукъ Н. Ленина. Значитъ мы были правы, когда говорили, что ленинцы уже похоронили революцію, но только боялся прямо говорить объ этомъ. Теперь тайное стало явнымъ и когда Ленинцы будутъ кивать на Потресовыхъ и Череванинскихъ, какъ на ликвидаторовъ революціи, мы добродушно посмѣемся на эту хитрую уловку.

III.

Вопросъ о современной аграрной реформѣ имѣетъ для нашей партіи еще одно специальное значеніе. Каковъ бы ни былъ исходъ реформы въ смыслѣ дальнѣйшихъ революціонныхъ перспективъ, но можно сказать, что она вырываетъ почву не только изъ подъ эсъ-эровской социализаціи, но также и изъ подъ тѣхъ „ацій“, которыя въ

1905—6 годахъ невзначай залѣзли въ социал-демократическую печать и даже программу. Я имѣю въ виду проекты муниципализаціи и націонализаціи земли. Оба эти проекта, какъ известно, были плодомъ чисто политическаго момента, — это была, собственно говоря, даже и не программа вовсе, а *тактика*. И меньшевики со своей муниципализаціей, и незначительное меньшинство большевиковъ, выдвигавшее націонализацію, исходили не столько изъ экономическихъ теорій и классовыхъ интересовъ пролетаріата, сколько изъ голой политики. Въ то время разыгрывалась борьба во всю; на шахматномъ полѣ революціи не хватало несамостоятельной, но важной фигуры мужика. Чтобы привлечь его и были выдвинуты эти по существу мало пролетарские проекты аграрной реформы. Меньшевики говорили: если удастся муниципализировать землю, т. е. передать ее въ вѣдѣніе демократически организованныхъ областныхъ самоуправленій, то эти самоуправляющіяся единицы будутъ тѣсно связаны съ земельными интересами населенія и будутъ надежнымъ оплотомъ противъ всякихъ реакціонныхъ попытокъ старшихъ господствующихъ классовъ. Ленинъ совершенно справедливо возражалъ имъ, что это пустая мечта, — либеральная манювщина, что эта самоуправленія ничего не гарантируютъ при наличности реакціонной центральной власти и что вопросъ именно въ побѣдѣ надъ самодержавнымъ центромъ. Но, къ сожалѣнію, Ленинъ не останавливался на этихъ возраженіяхъ и тоже забывалъ объ экономической и социальной дѣйствительности, тоже уносился въ область мечтаній, — правда, скорѣе народническихъ, чѣмъ либеральныхъ...

Въ своей брошюрѣ „Къ пересмотру аграрной программы“ и на Стокгольмскомъ съѣздѣ партіи онъ выдвинулъ націонализацію земли, обосновавъ ее такъ: надо направить остріе аграрнаго переворота въ ту же точку, въ которую бьютъ силы переворота политическаго. Безъ крестьянства побороть самодержавіе нельзя. Национализація земли, если мы съумѣемъ склонить къ ней крестьянство, направитъ вниманіе мужика на необходимость захвата власти. Рѣшившись, дескать, принять націонализацію земли т. е. передачу ея въ собственность государства, мужикъ уже непременно тогда захочетъ самъ взять государственную дѣла въ свои руки, чтобы самому распоряжаться землею. Онъ самъ захочетъ стать правительствомъ и не только вышибетъ Николая II и его приспѣшниковъ, но не дастъ и господамъ Родичевымъ захватить власть въ свои руки.

Такъ обосновывалъ Ленинъ націонализацію земли, дополняя эту голую политику еще болѣе голой метафизикой — ссылками на то, что мужикъ „считаетъ“ землю „ничьей“, „божьей“, а потому, молъ, легко кинется на націонализацію, соответствующую его „психологіи“. Я прекрасно помню, какъ поразились мы, большевики, этимъ ленинскимъ проектомъ. И по настоянію огромнаго большинства нашей делегаціи на Стокгольмскомъ съѣздѣ Ленинъ долженъ былъ снять свой проектъ, который, очевидно, ему самому казался не очень убѣдительнымъ, ибо онъ въ концѣ концовъ голосовалъ вмѣстѣ съ остальными большевиками за проектъ *раздѣла* земли.

Что-же касается этого послѣдняго проекта, „раздѣлстическаго“, пресловудно обоснованнаго т. Борисовымъ, то, хотя онъ былъ лучшій и *наиболѣе*

близкий к марксистской постановке вопроса, наименее противоречивший духу пролетарской программы, но от не пропел на съезде, на котором победил аполучная „муниципализация“. Я сказал, проект „раздела“ наименее противоречит нашей программе. Должен пояснить, что, по моему мнению (налагаю это именно, как мое частное мнение, а не мнение всей группы), социалдемократическая партия вовсе не должна ставить вопрос об особой аграрной программе *наше*, как у нас его ставили. Я в этом отношении согласен с экономистом Бернацким, который в вышедшей в 1906 году книжке „К аграрному вопросу“ спрашивал нас: „Если марксисты уделяют в своей программе особое место крестьянам, то почему не говорят о рещленниках, и т. п., которые вде тоже часто страдают оть эксплоатации сильнейших...“ „Всей марксистской идеологии противоречит роль пролетарской партии в качестве поземельной устроительницы... Никакой особой аграрной, т. е. крестьянской программы нть у социалдемократии и быть не может“. И Бернацкий правильно напоминает слова Каутского, который писал, что защита интересов сельско-хозяйственных рабочих входит в обще-пролетарскую программу, и что лишь тьм марксистам становится необходимой *особая* аграрная программа, которые хотят „сделать своим дьлом защиту особьх интересов крестьянства“. А это, вь конць конць концов, сводится к улавлению мужика при помощи равных „аций“ и кь „конкурренции“ сь народниками: кто, мол, больше даст! Эсь-оры дают каждому мужику по „уравнительному надьлу“ со страховкой оть „язык капитализма“, мы же, давайте, обьщаемь по надьлу, да по парь порасть вь придачу!*)

Наша первая и основная задача — организация *пролетарских* элементов деревни. Но этиж я отнюдь не хочу сказать, что крестьянство должно быть совсемь оставлено внь поля нашей работы. Вовсе нть. Мы только должны не увлекаться проектерством и программо-строительством на подумистической основь „божьей земли“. Самое выгодное и сь теоретико-экономической и сь социально-политической точки зренья — ограничить нашу аграрную агитацию тремя главными идеями:

1) Конфискация вь пользу крестьян всей пожьбщцей, царской, казенной, церковной и монаштарской земли.

2) Конфискация *еа безь выкупа*.

3) Рьшение вопроса о земль *самимь народомь* вь мьстных комитетах, избранных всеобщимь, примым, равнымь и тайнымь голосованиемь.

Эти три пункта агитация какь раз и быть вь самое сердце правительственной реформы, ибо она, наоборот, сводится кь конфискация земли *у деревенской бедноты вь пользу кулаковь*, кь тяжкому *выкупу* частимь барской земли черезь Крестьянский Банк, кь *хозяйничанию чиновниковь и господь* вь земельных дьлах. Если бы мы вь свое время, вмьсто малоплодотворныхь словопрений о разныхь проектерских „ациях“ напрягли все силы для вьдеренья вь умы крестьян этихь трехь простыхь и доступныхь имь

*) Так, бывало, острел насчеть социалдемократической аграрной проектерства тов. Марат, который, кь сожаленью, теперь выбить смертью изь партийныхь рядовь.

идей, то это принесло бы, навьрно, куда больше пользы для революционирования деревни, а нась бы спасло оть приспособления марксизма кь ловль мужика. Мнь думается, что теперь, когда процессь разложения общины и разобществления надьльной земли какь ни какь быстро идеть, когда мужикь все дальше отходить не только оть эсь-эровской социализации, но и оть нашихь муниципализации и национализации, — теперь больше, чьмь когда-либо умьстно сказать то, что я здьсь сказал.

Петрь Ал.

Петиционная кампания

I.

Предь нами два вь высшей степени интересные и поучительные документа. Один из них — проект петиции вь Думу, другой — резолюция совьщания петербургских районовь относительно петиционной компании. Какь бы мы ни относились кь внутренней цьнности того и другого, появление ихь само по себе является симптомомь начавшагось оживления. До сихь порь мы спорили о томь, ложиться намь вь гробь или погодить. Теперь, наконець, мы споримь о томь, что намь нужно дьлать, вь какихь активныхь дьствияхь проявить накопившуюся энергию пролетариата. Это, разумеется, шагь впередь, возвращение оть похороннаго пустословия кь политической жизни. Но и вь этомь шагь, какь и сльдовало ожидать, сказалось противорьчие двухь тактических линий, двухь оцньнок момента. А за спиной этихь двухь линий стоить „давнишний, старьй спорь“ правого и льваго теченья партии, с-д-ковь примирителей и с-д-ковь революционеров.

Сь тьхь порь, какь революция была разбита, вь поль зренья нашихь правыхь товарищей остались только дваь яркия точки: Столыпинь и третья Дума. Все русское дьствительность заслонила оть нихь этоть Исусь Навинь самодержавия, командующий „стой!“ рабочему движению, классовымь противорьчиямь и экономическому развитию страны. Проникнутые вьрой во всемогущество реакции, они забывали о тьхь неустрашимыхь экономическихь силахь, которые подрывають старую Россию и готовять тяжелое похмелье господамь сегодняшнаго дня. А когда они вспоминали о нихь и начинали толковать о ходь развития, призракь Сталина становился у нихь за плечами, и испуганное перо выводило melancholiceskия статьи, вь каждой строчкь которыхь скьзилось непоколебимое убеждение: „царство его не будеть конца“. Вполнь понятно, что это пахидное понимание истории обьязывало и кь соответствующимь практическимь выводамь. Нужно идти туда, куда позволено, говорить то, что не запрещено, дьлать то, что не грозить участиемь. И такь какь Дума является наибольшь крупной „возможностью“, то около нея и сльдуеть сосредоточить пролетарскую армию, обстрьливая буржуазию изь безданныхь, безвучныхь и безвредныхь пушекь депутатского краснорьчия.

Последние мьсяцы русская жизнь начала представлять сьюрпризы, совершенно не соответствовавшие политическимь ожиданиямь тт. меньшевиковь. Сьюрпризы эти были вдвойнь неожиданны: во первыхь, они обогнали приблизительно лть вь на

двадцать тотъ срокъ общественнаго оживленія, который былъ предсказанъ пророками изъ школы т. т. Мартова и Дана. Во вторыхъ, они рѣшительно миновали „свѣтлую точку“ русской дѣятельности и разыгралась вѣдъ всякой связи съ жизнью Таврическаго Дворца. Надъ этимъ стоило серьезно призадуматься. На самомъ дѣлѣ: происходитъ похороны Муромцева — буржуазія устраиваетъ пышные, давно невиданныя проводы. Умираетъ Толстой — начинается полоса демонстрацій, и вся страна испытываетъ возбужденіе, неслыханное за послѣдніе годы. Вспыхиваетъ студенческая забастовка — и взбудораживаетъ не только молодежь и интеллигенцію, но и широкіе круги крупной буржуазіи. Но вотъ разыгрывается министерскій кризисъ: поруганы существовавшія права Думы, нарушены основныя положенія конституціи. Казалось бы, у буржуазіи, которая только что оппозиционно воручала по поводу репрессій надъ университетами, есть всѣ основанія для безпокойства: вѣдъ затрагиваются ея дѣтище, наносится ударъ ея собственнымъ представителямъ. Казалось бы, она должна усугубить свои протесты, наводить газеты оппозиционными заявленіями, морально поддержать обиженныхъ депутатовъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не происходитъ: буржуазія равнодушно стоитъ въ сторонѣ, предоставляя поле дѣйствія оппозиционнымъ старичкамъ изъ Государственнаго Совѣта. Стоитъ только сопоставить эти факты, чтобы увидать, насколько далеко стоитъ Дума отъ вниманія широкихъ общественныхъ круговъ, насколько мало способна она играть роль центра политической жизни. Начинаютъ двигаться сонныя воды русской дѣятельности, бурлятъ и просыпаются силы, сдвинутыя столыпинскимъ кулакомъ, — а Дума, осужденная своимъ бессиліемъ, своимъ холопствомъ, своимъ умственнымъ убожествомъ, остается въ сторонѣ, всѣми забытая и никому не интересная.

Общественныя силы просыпаются. Одновременно съ этимъ реакція договариваетъ свои послѣдніе слова и усиливаетъ свой натискъ. Раньше могло казаться — и нѣкоторымъ товарищамъ это дѣйствительно показалось, — что столыпинскіе молодцы остановились въ своемъ реакціонномъ усердіи и рѣшили сдѣлать болѣе или менѣе долгій привалъ на третейскомъ бивакѣ. И вотъ то, что было на самомъ дѣлѣ временнымъ пресыщеніемъ навравшагося удача, нѣкоторые идеологи истоджали, какъ начало дѣловой исторической полосы, какъ процессъ перехода самодержавія въ буржуазную монархію. По существу это наименованіе европейскимъ терминомъ азиатскій дѣятельности не объясняетъ ровно ничего. И французская революція 1789 г. и прусская монархія 50-хъ годовъ одинаково были переходомъ отъ абсолютизма къ буржуазно-конституціонному строю, — и, однако, формы этого перехода были въ обѣихъ странахъ совершенно различны. Надо было объяснить не то, что романовскій абсолютизмъ переходитъ въ буржуазную монархію, а то, почему этотъ переходъ долженъ отнынѣ совершаться по прусскому образцу, т. е. путемъ медленнаго постепеннаго развитія. Товарищи, приглашавшіе партію говорить по нѣмцамъ, такъ этого и не объясняли. Оказывалось, съ одной стороны, что аграрный вопросъ не рѣшенъ, и не можетъ быть рѣшенъ въ рамкахъ установившагося режима, что широкіе слои буржуазіи не могутъ получить удо-

влетворенія своимъ политическимъ требованіямъ, что пролетаріатъ, въ силу безраздѣльнаго господства крупной хищнической буржуазіи и полнаго нежеланія ея дать какія бы то ни было подати, не можетъ утратить своей революціонности. Оказывалось, словомъ, что социально-экономическое положеніе страны не имѣетъ ничего общаго ни съ Пруссіей 50-хъ годовъ, ни съ Германіей бисмарковской эпохи. И въ то же время, съ другой стороны, признавалось неизбежнымъ, что Россія вступила въ „гнилую полосу“ прусскаго развитія и пролетаріату ея не остается ничего иного, какъ пролѣзть въ маленькія отдушины, оставленныя столыпинскими скорпіонами. Это построеніе, зачатое въ минуту логической беззаботности и политической меланхолии, терпитъ крахъ на нашихъ глазахъ. Теперь очевидно для всякаго, что удавъ не остановился и вовсе не думаетъ надѣвать буржуазный костюмъ. За время реакціи выросла черная рать воинствующихъ половъ и, въ лицѣ Илюдора, дала первое генеральное сраженіе полынчатому, съ ея точки зрѣнія, Столыпину, который и оказался побѣжденнымъ. Фанатизъ Илюдоръ, епископъ Гермогенъ, публично одобряющій чловѣкъ, выступавшаго во имя черносотенной реакціи противъ Синода и министровъ, стоящая за ихъ спиной армія дикихъ помѣщиковъ — это уже не буржуазная реакція, а погромщицкая Вандея. И эта банда, сильная романовскою поддержкой и опредѣленностью своихъ стремленій, все болѣе и болѣе становится организующимъ центромъ реакціи. Раньше она довольствовалась ролью невидимыхъ вдохновителей, дѣйствовала съ задняго крыльца благожелательно критиковала министровъ. Ея убійства были убійствами изъ-за угла, ея проповѣдь велась съ вѣдома и по указаніямъ свшсе. Теперь она выступаетъ открыто, не задумывается вступить, въ случаѣ надобности, въ явную борьбу со своими вчерашними покровителями, говорить какъ реальная, уврѣренная въ себя сила. А представители „буржуазной монархіи“? Они капитализируютъ передъ этой бандой, они рысцой бѣгутъ за ней, какъ подручныя клячи, они проводятъ въ жизнь ея лозунги по отношенію къ Думѣ, къ университету, ко всѣмъ вопросамъ русской дѣятельности. Реакція крупной буржуазіи на нашихъ глазахъ превращается въ реакцію Побѣдоносцева, и товарищамъ, говорившимъ вчера о прусскомъ типѣ развитія, придется завтра поразсказать намъ, какъ этотъ прусскій типъ умираетъ, не успѣвши расцвѣсть, и чѣмъ объяснить эту неожиданную, тов. Мартовымъ не одобренную, тов. Ленинымъ не предсказанную и Ц. О. не разрѣшенную кончину.

Смысль переживаемаго нами историческаго момента заключается въ устраненіи легальности сверху и снизу. Сверху ее отмѣняютъ, какъ надвѣвающую и нѣсколько стѣсняющую иркушку; снизу отъ нея отказываются, какъ отъ безнадежной и ничего не дающей фикціи. Легальность отмѣняетъ Столыпинъ; легальность отмѣняетъ бастующая учащаяся молодежь; легальность отмѣняетъ сама буржуазія, сочувствующая незаконному студенческому движенію и безучастная къ судьбамъ законной 3-й Думы. Политическая жизнь снова завостриваетъ свои противорѣчія, и все яснѣе и яснѣе намѣчается неизбежный, неустанный конфликтъ между реакціей, не вѣдающей уступокъ, и революціей, не признающей компромиссовъ.

И, однако, въ этотъ самый моментъ наши пра-

вые товарищи провозглашают дозунгъ „борьба за легальность“ и предлагают начать петиционную кампанію. Попытаемся разобраться въ этомъ планѣ политическаго воспитанія пролетаріата.

II.

Долго и упорно твердила социалъдемократическая партія рабочему классу, что 3-я Дума по своему составу и по своимъ задачамъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ полицейскимъ участкомъ. Еще краснорѣчивѣе, чѣмъ партія, доказывалъ это Пуришкевичъ и Гучковъ. Трехъэтажная брань, звучно разносившаяся со скамей законодательной конюшни, и бесовѣстное издѣвательство надъ народными массами со стороны „дѣльцевъ облеченныхъ представителей“ возмѣли свое дѣйствіе. Въ глазахъ широкихъ массъ Дума стала свалкой политическихъ отбросовъ, публичнымъ дономъ, гдѣ пируютъ торжествующіе побѣдители. Дума — это не правовое учрежденіе; это — національная гангрена, отъ которой можно дѣлаться только огнемъ и желѣзомъ. Но вотъ приходить правые товарищи и въ политической опытѣ пролетаріата вносить маленькія поправки. Они не отрицаютъ реакціоннаго характера 3-ей Думы: они только приглашаютъ смотрѣть на нее сквозь прусскія очки. Они не отрицаютъ, что по сю сторону Вержболова базой конституціи являются рукоприкладство; но если по ту сторону Вержболова нѣкоторое значеніе придается писанной бумагѣ, — почему бы не ввести ее обиходъ россійской дѣйствительности? Правда, наконецъ, соглашаются они, что по отношенію къ думскимъ депутатамъ терминъ „народные представители“ является ксиветой въ печати; но торжественность стили волей неволей обвязываетъ къ нѣкоторымъ потчическимъ неточностямъ. А что касается достоинства пролетаріата, то развѣ не сохранено оно въ томъ мѣстѣ петиціи, гдѣ говорится, что рабочій классъ будетъ добиваться свободы союзовъ и собраний „во что бы то ни стало“?

Политическое сознаніе товарищъ рабочихъ, которые пойдутъ по этому лабиринту, выразится приблизительно въ такого рода положеніяхъ. Дума ничего не дастъ пролетаріату; поэтому слѣдуетъ обращаться къ ней съ ходатайствами. Дума считается только съ силой; поэтому нужно воздѣйствовать на нее юридическими доводами. Дума есть органъ крупныхъ помѣщиковъ и реакціонной крупной буржуазіи; поэтому пролетаріатъ долженъ довести до ея свѣдѣнія свои требованія и нужды. Дума боится только активныхъ дѣйствій; поэтому нужно грозить ей изъ револьвера, который завѣдомо для всѣхъ не выпалитъ (ибо въ данный моментъ, при данномъ состояніи организаций, пролетаріатъ не можетъ подкрѣпить своихъ домогательствъ ничѣмъ, кромѣ писанной бумаги). Нельзя не сознаться, что такого рода положенія есть дѣйствительно крупный шагъ, — но не въ сторону политической сознательности, а въ сторону психиатрической больницы. Мы бы поняли его, если бы рекомендующіе его товарищи стали на точку арміи октябристовъ; но они не дѣлаютъ этого. Они оставляютъ неприкосновенной азбуку с-д-тій, — они лишь сагаютъ ее въ такія слова, которыя звучатъ какъ насмѣшка надъ здравымъ смысломъ.

И однако подобная тактика имѣетъ свое обясненіе. Она вытекаетъ изъ вѣры въ прочность реакціи и полнаго невѣрія въ революцію. Кон-

фликтъ, вытекающій изъ всѣхъ условий русской современности, представляется товарищамъ справа, какъ маленькія трещины столыпинскаго режима, какъ мелкіе, еле видные оппозиціонные ручейки. Вотъ почему первые всплески начинающагося подъема они стремятся уложить въ русло невиннаго бумагомарательства. Они не хотятъ видѣть, что всякое, даже самое невинное по существу столкновеніе съ властью неизбежно выходитъ изъ легальныхъ рамокъ, что въ современной русской жизни легальности мѣста нѣтъ. Упоенные третьедумскими возможностями, они отбрасываютъ логику во имя несуществующей легальности и вмѣсто социалистической пропаганды вносятъ въ рабочую среду невротичный идейный сумбуръ. Вдумайтесь въ самую постановку вопроса. Уничтоженіе свободы собраний и союзовъ есть ударъ, направленный по всей демократіи; борьба за эту свободу есть дѣло опять таки всей демократіи, и рабочій, добиваясь ее, выступаетъ не какъ членъ профессиональнаго союза, а какъ гражданинъ, добивающійся обще-политическихъ правъ. И если на этой почвѣ возникаетъ борьба, эта борьба не является столкновеніемъ власти по единичному вопросу съ отдѣльнымъ классомъ: это есть борьба демократіи во всемъ ея объемѣ съ абсолютизмомъ во всемъ его объемѣ. Это положеніе не отрицается и самими сторонниками петиціи. Такъ, В. Ежовъ въ „Дѣлѣ Жизни“ (№ 3) пишетъ слѣдующее: „На борьбу за право коалиціи нельзя смотрѣть какъ на нѣчто изолированное, какъ на мобилизацию пролетарскихъ силъ во имя опредѣленно-очерченной, достижимой въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, дѣли. Нѣтъ, — эта мобилизация означаетъ не что иное, какъ новое выступленіе пролетаріата на борьбу со всѣмъ современнымъ политическимъ режимомъ, появленіе его вновь на аренѣ политической борьбы, съ которой онъ въ послѣдніе годы устранился“. И однако въ самой петиціи, въ содержаніи ея, мы не находимъ и отдаленнаго намека на „современный политическій режимъ“. Она начинается съ жалобы на правила 4 марта 1906 г.; затѣмъ слѣдуютъ жалобы на администрацію, преслѣдующую профессиональныя организации (о политическихъ рабочихъ организацияхъ — ни звука!), указаніе на то, что при начавшемся промышленномъ подъемѣ можно добиться лучшихъ условий труда, и наконецъ, увѣреніе, что рабочимъ нужно организаваться для защиты своихъ интересовъ. Для всякаго, умѣющаго читать, ясно, что вопросъ о свободѣ собраний, союзовъ и стачекъ разсматривается здѣсь не какъ дѣло всей демократіи, а какъ частичный вопросъ профессиональнаго движенія, вродѣ напр. отъѣны сверхурочныхъ работъ. Рабочій „протестуетъ“ (вѣрнѣе, молится) здѣсь не въ качествѣ требующаго политическихъ правъ гражданина, не въ качествѣ представителя класса, борющагося со всѣмъ міромъ эксплуатаціи, а въ качествѣ механика, слесаря, столяра, ткача, которымъ нужна прибавка заработной платы. Такъ именно разсуждали англійскіе тред-юнионисты добраго стараго времени, когда они подавали петиціи въ парламентъ. Такъ разсуждали въ наши дни зубатовцы и ушаковцы, для которыхъ не было рабочаго вопроса, а были рабочіе вопросыки, не было столкновенія рабочихъ съ царизмомъ, а были маленькія недочеты административнаго механизма, не было революціи, а были крохотныя реформы. Къ этимъ, казалось

бы, полузабытым временам и возвращает нас петиция. Вместо того, чтобы представить рабочим нарастающий конфликт во всей его подлинной правде товарищи суживают его размеры. Вместо того, чтобы отразить в протесте всю остроту и неизбежность политических противоречий, которых, как мы видели, они и сами сознают, они рекомендуют пролетариату язык смиренного ходатая, вымаливающего подачки в передний богатых родственников.

Возможно, впрочем, что весь этот невзрачный виннигрет самими его авторами не принимается всерьез и что здесь имеется в виду система, известная под именем предметного обучения. Система эта заключается, как известно, в том, чтобы никогда не доверять здравому уму и твердой памяти собеседника и доказывать ему путем опыта то, в чем ему и без того не приходило в голову сомневаться. Смысл петиции заключается в таком случае в том, чтобы практически доказать рабочим массам безрезультатность всяких просьб и безнадежность обращений в Думу. Но неужели в этой простой истине может сомневаться кто-либо, имеющий уши и глаза? Цыпля рбки крови пролить за пять лет реакция; все море унижений, бессмысленных издательства, беспросветного гнета, какое только может выпсть на долю человека, выпило до дна русский пролетариат. И если еще имеются такие рабочие, которым виселицы и тюрьмы не смогли раскрыть истинный характер правительства и Думы, неужели их просветить веселый смех, которым господа Пуришкевич встречают их смиренное прошение?

План петиционной кампании — яркое свидетельство того разброда, который господствует среди правых товарищей. Как предметный урок, он до смешного неужен; как попытка вызвать широкое движение, он безнадежен; а что касается его воспитательного значения, то оно сводится к полному искажению действительности, к извращению стоящих на очереди задач, к затемнению протараской тактики.

III.

Совсем другим настроением вьет от резолюции по поводу петиц. кампании, принятой петербургским совещанием. Для петербургских товарищей не подлежит сомнению тот рост невидимых, но могучих социально-экономических противоречий, который неминуемо толкает страну к новому революционному взрыву. Они констатируют бессиле Столыпина разрешить вопросы, выдвинутые на очередь экономическим развитием, нарастание революционных сил в деревне, растущую оппозиционность буржуазных слоев. Промышленный подъем не может ни отдалить момента развязки, ни смягчить остроту политического конфликта. «Нькотые признаки, показывающие наличие в данный момент в странн промышленного оживления, не могут задержат общий ход российской революции и ни в коем случае не служат показателем вступления России на путь нормального буржуазного развития, ибо, будучи вызваны совпадением цикла ряда исключительных обстоятельств и имея в общем довольно незначительные размеры, это оживление российской промышленности не может, при отсутствии широкого внутреннего рынка для обнищавшей деревни

продолжаться долгое время, и в общем только дает возможность широким массам пролетариата организовать на почве экономической борьбы, всегда сильно развивающейся в период экономического оживления, и тем самым встретить новый подъем революционной волны не в распыленном состоянии». Это, наиболее важный, на наш взгляд, пункт резолюции бьет в самую точку, затрагивает наиболее существенные вопросы, и на нем следует остановиться подробнее, чем на других.

В своем письме к с.д. школ Каутский указал, что в настоящий момент самое важное для русского пролетариата, это — снова обрсть вѣру в свои силы, потерянную за годы реакции. Эти вѣщя слова затрагивают самый корень вопроса. Материальные силы пролетариата не утрачены: реакция убивала и сысала его наиболее сознательных сынов, но она не могла смести с лица земли русский многомиллионный рабочий класс. Он попрежнему стоит в центре русской действительности, и его движение, если бы оно было организовано и строено, оказалось бы и теперь таким же ровковым для царистского режима, каким оно было в октябрь 1905 гоа. Пролетариат ослабля не телом, а духом. Чем же устранить эту политическую робость? Очевидно, массовыми выступлениями. Рабочим надо увидеть свое собственное лицо, увидеть массу, сплоченную единым порывом, — и тогда сами сорвутся с их языка пѣсни и лозунги победной, но не убитой революции. Но всякое массовое действие нуждается в точкѣ приложения, — а ея то как раз и не было за последние годы. Попытки создать массовое движение вокруг Думы кончились полнѣйшей неудачей, а затяжной промышленный кризис не давал никаких надежд на сколько-нибудь удачную экономическую борьбу. Теперь положение мѣняется: на мѣсто промышленного застоя приходит промышленное оживление. Это как раз и есть та точка приложения сил, которой нам так долго не доставало. Рабочим теперь есть гдѣ проявить себя. Выдвигая экономические требования, борясь с хозяевами, они разумеется еще не являются тем самым борцами демократической революции. Но в то же время они дѣлают первый шаг, без которого невозможно никакое массовое выступление: они расправляют онѣмѣвшие члены, снова двигаются в коллективную жизнь, изъ «человѣческой пыли» становятся сплоченным классом.

Революция 1905 г. предшествовали волна экономических забастовок, значение которых заключалось не только в том, что они заставляли думать о политикѣ, но и в том, что они раскрывали пролетариату его собственную коллективную мощь. В 1911 г. забастовки не могут иметь прежнего агитационно-пропагандистского значения, ибо истекшие годы достаточно уснили пролетариату его политическяя требования; но зато их организационное значение столь же велико, как оно было раньше. Пусть их первые результаты будут иметь частичный, профессиональный характер; но если, в процессѣ экономической борьбы, пролетариат почувствует на дѣлѣ, что он может бороться, — это будет политическим приобретением, в тысячу раз более важным, чем сотни петиц и миллионы подписей. Воплнѣт правы поэтому петерб. товарищи,

когда они усиленно подчеркивают политическое значение экономической борьбы и напоминают петербургским рабочим, что «уступки и утраты рабочего класса были завоеваны благодаря тому, что существовала сильная нелегальная с.д. политическая организация, а более широкие слои рабочего класса были крепко сплочены, смотря по возможности открытого существования, различными легальными и нелегальными профессиональными союзами, на что и обязан направить свои силы всякий, кто не на словах только, но и на деле хочет добиваться свободы союзов».

Передь нами двѣ линіи, двѣ тактики. Одна замалчивает политическія противорѣчія, облачая ихъ въ убогое рубище думіама; другая изображаетъ ихъ во всей остротѣ и неспиримости. Одна приглашаетъ рабочихъ демонстрировать съ собственными кофѣями; другая, памятуя, что право есть сила, предлагаетъ рабочимъ организовать въ эту силу не на почвѣ бумажныхъ заявленій, а на почвѣ активной повседневной борьбы. Одна подъ «политической» вышностью скрываетъ робкую трѣдъ-юнионистскую душу; другая, выдвигая на первый планъ экономическую борьбу, предлагаетъ настоящую пролетарскую политику, которая въ дѣйствіи, въ активномъ отпорѣ, въ массовомъ выступленіи видитъ единственный отъправный пунктъ политической дѣятельности. Одна предлагаетъ пролетариату, какъ средство избавленія, растущую грудку бумаги; другая возлагаетъ свои надежды на растущую волну экономической борьбы, которая, расширившись и захватывая все новые круги, будетъ видоизмѣнять и свой общественный характеръ и изъ движенія рабочего класса превратится въ общедемократическій революціонный подъемъ.

И мы увѣрены, что русскіе рабочіе въ своемъ большинствѣ выскажутся именно за этотъ второй путь, а не за первый.

С. В.

Маленькая замѣтка

Въ виду столь опредѣленнаго столкновенія тактическихъ линій, какое сказывается въ приведенныхъ нами ниже меньшевистскомъ планѣ петиціи и резолюціи петербургскихъ рабочихъ, невольно спрашиваешь себя, какую же позицію займетъ по отношенію къ этому вопросу нашъ Ц. О. или вѣрнѣе правые большевики, играющие въ нашей партіи роль правой фракціи?

Меньшики въ своей пропагандѣ петиціоннаго движенія исходятъ изъ двухъ предпосылокъ: изъ представленія о нашемъ времени, какъ объ эпохѣ органической, эволюціонной, эпохѣ медленныхъ молекулярныхъ процессовъ, элементарнаго воспитанія пролетариата, и изъ представленія о Думѣ, какъ о центрѣ политической жизни, а о Думской с.д. фракціи, какъ о центрѣ жизни партійной. Изъ этихъ двухъ предпосылокъ первая еще недавно, хотя и не совсемъ рѣшительно, чтобы не сказать трусливо, — раздѣлялась нашимъ Ц. О., за вторую онъ прямо таки ломалъ копыя и несогласно мыслящихъ объявлялъ еретиками. При такихъ условіяхъ мы вправѣ ожидать, что меньшевистская идея встрѣтитъ среди правыхъ большевиковъ сочувственный откликъ. Не готовились ли они говорить по нѣмецки, т. е. заняться органической работой? Они сказали свое нѣмецкое А, а мень-

шевики говорятъ теперь В. Однако нѣкоторые симптомы заставляютъ думать, что рѣшительность меньшевиковъ въ прамолинейномъ проведеніи въ жизнь «нѣмецкой» тактической линіи, почти игнорирующая всѣ особенности нашей политической обстановки, заставила правыхъ большевиковъ шархануться налѣво, сблѣять крутой лѣвый зигзагъ. Если это такъ, — а статьи въ послѣднемъ № Рабочей Газеты заставляютъ думать, что это такъ, — то мы можемъ лишь привѣтствовать эту «непослѣдовательность». Подъемъ настроенія въ Россіи заставляетъ меньшевиковъ задуматься о томъ, какъ бы отвести его въ болѣе или менѣе легальное русло, а въ правыхъ большевикахъ онъ будитъ задремавшіе было революціонные принципы.

Мы не можемъ однако не констатировать нѣкоторыхъ фактовъ, наводящихъ на размышленіе. Рабочая Газета нашла у себя мѣсто для того, чтобы напечатать устарѣвшую для нынѣшняго времени, незначительную по содержанию и не совсемъ удачную по формѣ резолюцію петерб. рабочихъ о студенческомъ движеніи. Мы давно уже имѣли въ рукахъ эту резолюцію, но въ виду того, что она принята давно, не имѣетъ большаго актуальнаго значенія и что въ ней встрѣчаются непріятные лапусы — мы посчитали себя вправѣ не печатать ее въ настоящемъ № нашего сборника. Да, въ ней есть такі лапусы! Развѣ не коробитъ неожиданное признаніе представителями с.д. организаций «революціонизирующаго дѣйствія студенческаго движенія на пролетариатъ, особенно на его верхи, на его сознательные элементы». Это явный недосмотръ со стороны авторовъ резолюціи. Они конечно на дѣлѣ и не думаютъ дать передовымъ социалистамъ-рабочимъ въ учителя революціонности бастующаго студента, объ этомъ достаточно говорить весь контекстъ, но это не мѣшаетъ тому, что печатающая резолюцію соц.-демократическая газета должна была указать на допущенную ошибку. Однако редакция Рабочей Газеты проглотила эту несчастную фразу не поморщившись; зато у нея не оказалось мѣста для двухъ третей чрезвычайной важной, весьма актуальной и ирредосходно средактированной резолюціи тѣхъ же представителей петербургскихъ районовъ противъ петиціоннаго движенія. Чѣмъ объясняется этотъ фактъ? Неужели тѣмъ, что вся интересная мотивировочная часть резолюціи, опущенная Рабочей Газетой, носитъ на себѣ явную печать лѣво-большевистскаго, впередскаго воззрѣнія на текущій моментъ? Такая неучтость къ кадетской фразѣ, случайно проникнувшей въ резолюцію о студентахъ, и такая строгость цензуры по отношенію къ ясно продуманному анализу нынѣшняго политическаго положенія, сдѣланному передовыми петербургскими рабочими, заставляютъ думать, что поворотъ налѣво пока дѣйствительно еще только зигзагъ. Будемъ ждать дальнѣйшихъ уроковъ жизни, они таки выпрямятъ нашихъ увядшихъ было среди реакціонной ночи ближайшихъ справа товарищей.

Болѣе понятно, конечно, умолчаніе Раб. Газеты о третьей резолюціи представителей питерскихъ районовъ, принятой на томъ же собраніи, на которомъ принята вторая.*)

В.

*) Обѣ резолюціи напечатаны въ концѣ сборника.

Международное положение

Радикаль-социалисты у власти

Ряд министерских кризисов, взволновавших в последнее время общественное мнение Европы, дает нам возможность глубоко заглянуть в самую сущность современной буржуазной политики. Я отвлекаюсь здесь от очень важного во всех отношениях министерского кризиса в нашем отечестве, о котором мы специально говорим в другом мѣстѣ и от маловажного болгарского кризиса. Я остановлюсь только на перемѣнах министерствъ во Франціи, Италіи и Испаніи. Всѣ эти перемѣны имѣютъ совершенно одинъ и тотъ же смыслъ: это завершающія поправки къ радикально-социалистическому режиму, который приобретаетъ окончательное господство, быть можетъ на довольно долгій промежутокъ времени, на всемъ западѣ Европы, т. е. во всѣхъ почти странахъ ея, кромѣ Германіи и Австріи.

Чтобы понять какъ причины, такъ и сущность радикально социалистической тактики буржуазии передовыхъ странъ намъ надо познакомиться вкратцѣ со взаимоотношеніями Германіи и Англіи, дающими настоящій ключъ къ уразумѣнію текущаго момента на міровой политикѣ.

Наиболѣе яркимъ фактомъ, господствующимъ, такъ сказать, надъ исторіей Европы за послѣдніе тридцать лѣтъ, является непомѣрный, сказочно быстрый ростъ Германіи. Во всѣхъ новыхъ, развившихся въ послѣдніе десятилѣтія областяхъ индустріи Германія не находитъ себѣ соперницъ, если не говорить о далекихъ Соединенныхъ Штатахъ; въ старыхъ индустріяхъ она постепенно, шагъ за шагомъ вытѣсняетъ недавнюю царицу промышленности и торговли — Англію. Консулы и комивояжеры нѣмцевъ во всѣхъ углахъ міра съ умѣніемъ и настойчивостью распространяютъ нѣмецкіе товары, такъ что, смѣшно сказать, въ центрахъ желѣзной промышленности Англіи можно встрѣтить металлическіе изделия съ оскорбительными надписями — „сдѣлано въ Германіи“. Еще на дняхъ во время патриотическаго праздника англійскимъ дѣтямъ розданы были чашки съ портретомъ короля. О ужасъ! — патриотическія чашки оказались сдѣланными въ Гамбургѣ!

Развиваясь промышленно — Германія въ то же время не теряетъ нисколько, какъ страна аграрная. Подумайте только: даже къ намъ въ Россію она ввозитъ ежегодно 6 съ половиною милліоновъ пудовъ ржи. Ея помѣщики сплотились вмѣстѣ съ крупными и средними крестьянами въ такъ называемый „союзъ сельскихъ хозяевъ“, который по своему вліанію и колоссальному богатству не уступаетъ промышленной буржуазіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ население Германіи. Все это даетъ возможность германскому правительству развертывать хищную, гордую военную политику, идти по пути подлиннаго империализма. Германія имѣетъ лучшую въ мірѣ армію. Не ограничиваясь тѣмъ, что она сама стремится догнать Англію въ дѣлѣ развитія флота, — она заставляеть своихъ подручныхъ союзниковъ Австрію и Италію въ непосильномъ соревнованіи строить все новые дридауты и такимъ образомъ увѣренными шагами идетъ къ гегемоніи на морѣ.

Нѣмецкая буржуазія въ сущности безконечно предана своей бюрократіи съ династіей Гогенцоллерновъ во главѣ. Сильная умѣренно либеральныя

партіи играютъ роль приблизительно нашихъ октябристовъ, партіи радикальныя лишены всякой возможности играть во внутренней политикѣ заѣмную роль. О политикѣ внѣшней нечего и говорить: ея властно ведутъ императоръ и канцлеръ — ставленники прусскаго дворянства. По отношенію къ пролетариату, послѣ ряда различныхъ больше показныхъ чѣмъ действительныхъ мѣръ мнимаго рабочелюбія наступила эпоха опредѣленно враждебной неуступчивости. Въ Германіи права рабочаго класса не только не расширяются, но наоборотъ — суживаются. Такъ напримѣръ всеобщее избирательное право въ Саксоніи было уничтожено немного лѣтъ тому назадъ. Давно уже назрѣвшее требованіе расширить избирательное право въ Пруссіи, несмотря на сочувствіе всѣхъ либераловъ и большую энергію и тактъ съ которыми выдвинула его социалъдемократія, не получаетъ удовлетворенія. Между господствующими классами и пролетариатомъ выроста пропасть. Министрамъ Германіи не приходится въ голову заигрывать съ правыми, падкими на компромиссы социалистами. Германское правительство не боится войны внутри страны, какъ не боится ея внѣ. Тамъ и здѣсь одинаково заносчивый тонъ. Ставка поставлена на военное и торгово-промышленное могущество.

Совсѣмъ другое дѣло въ Англіи. Торгово-промышленная гегемонія Англіи видимо блѣднѣетъ. Имѣя очень слабую армію, ибо островное положеніе Великобританіи дѣлаетъ ее почти недоступной для нападенія сухопутныхъ войскъ, будучи въ состояніи благодаря этому сосредоточить все свои исполнискія экономическія средства на одномъ флотѣ — Англія тѣмъ не менѣе задыхается въ томъ бѣгѣ впуски, который устраиваетъ Германія. Конечно, въ смыслѣ военнаго флота Германія еще далеко позади, но она стремительно бѣжитъ себѣ впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Чтобы удержать прежнее разстояніе, Англіи приходится перенапрягаться. Страшно безпокойство овладѣваетъ государственными людьми Англіи. Все чаще и чаще они вызываютъ къ идеалу мира и всеобщаго разоруженія. Прикрываясь самими высокими гуманными фразами старушка Англія старается такимъ образомъ сохранить свое господство и удержать въ нынѣшнихъ границахъ растущую молодую Германію.

Ужась, постепенно овладѣвающей англійской буржуазіей передъ конкуренціей ея собратьевъ по эксплуатаціи, но непримиримыхъ враговъ на мировомъ рынкѣ, заставляетъ англійскіе государственныя люди искать мира не только международнаго, но и внутренняго, стараться заручиться вѣрностью собственнаго пролетариата. Вотъ почему менѣе уступчивые консерваторы давно уже удалены отъ власти, несмотря на рекомендуемая ими мѣры протекционизма и усиленнаго милитаризма, у власти же стоятъ либералы, одна изъ главныхъ задачъ которыхъ заключается именно въ созданіи *иллюзіи мирнаго классоваго сотрудничества* во всей колоссальной имперіи. Англійскіе либералы типа Асквита, Черчила, Лойдъ Джорджа въ сущности говоря не либералы стараго классическаго типа, а типичные радикаль-социалисты.

Что составляетъ сущность политики радикаль-социалистовъ? Стремленіе завершить демократическій строй, создать съ юридической точки зрѣнія полное народоправство, за которымъ скрывается, въ сущности, власть экономически наиболѣе силь-

ных; напустить туману буржуазных свобод, равенств и братств, не ограничиваясь при этом чисто политическим радикализмом, а заигрывая в ослабленной, разведенной теплом водичкой форте, некоторые положения социалистической программы минимуму. Путем такого рода уступок, путем этой декоративной демократии надлежит убить в пролетариате идею классовой борьбы и кормить его завтраками под соусом социального сотрудничества классов.

В Англии радикально социалистической эксперимент удался, как нельзя лучше. Правительство ослепило пролетариат бюджетом Ллойда Джорджа, ударившим довольно сильно по крупным наследствам и большим имениям. Не замедлив даже, что налоговое бремя бедных в то же время весьма выросло. Из самое последнее время Л. Джордж внес законопроект о страховании рабочих от болезни и безработицы, который при всех недостатках, является настоящим красавчиком по сравнению со своими французским и немецким братьями. Законопроект был встречен дружелюбно даже консерваторами! Еще бы, внутренний мир всем нужен. Прекрасную диерсию против социализма создали либералы шумной, затяжной, в значительной степени буафорской войной с палатой лордов. Прибавьте к этому разные мелкие реформы — вот вам то, чем министерство Аскита плыло английской рабочей класс. А рабочие Англии действительно в плыли. Могучий вождь их Джон Бернс стал хитрым и умным министром, целый ряд других вождей тред-юнионизма находится на жаловании у правительства, конгрессы тред-юнионов полны самых преданных чувств, так называемая рабочая партия плетется в хвост либералов, и даже революционные социалисты, подобные Квэлчу и Гайндману еще на днях с криком требовали усиления английского флота для обуздания наглой заносчивости немцев, канцлер которых на все миролюбия заигрывания лорда Грэн ввчал циничной усмешкой.

Менее удачен тот же эксперимент внутреннего пасифизма, социального мира во Франции. Он начался еще во время дрейфусад, когда умный буржуазный политик Валдек Руссо, напугавши Францию призраком монархистского заговора, заставил все прогрессивные элементы, не исключая рабочего класса, сплотиться вокруг скупой и бесплодной махи-буржуазной республики. Его преемник Комбэ нашел новую игрушку для отвлечения негодования масс против эксплуататоров. Антисемиты натравливали эпг массы на евреев, радикалы — на попов. Вульгарное пошество, вряд ли сильно вреднее настоящим твердыням клерикализма, сдввалось политикой, якобы общей для передовой буржуазии и пролетариата. Но старик Комбэ своими полицейско-якобинскими приемами слишком раздражал всю богатую и консервативную Францию, которая вядь остается на дядь госпожей; его выбросили. Но от радикально-социалистической политики не отказались. Ее поручили самому умному из вождей этого направления, идолу республиканской мелкой буржуазии, проженному политик Клемансо, он, ввдв за своими предшественниками, включил в свое министерство и патентованных социалистов, наиболее правых и оппортунистических конечно. Была выработана система

законов-удочек для пролетария. Но французская буржуазия оказалась гораздо более черстой и скупой по части приманок и хотла ограничиться еще более фальшивыми уступками, чем та, которая была в ходу в свое время у немцев или сейчас у англичан. Сь другой стороны французской рабочей класс, проникнутый революционными традициями, издавна привыкший скептически относиться к демократии, почти нашедшей уже во Франции свое политическое завершение и не давшей ничего общественного низаме, — далеко не похож на английский рабочего, вся история которого испещрена компромиссами с буржуазными партиями, воспитанными в нем вредное уважение к буржуазному парламентаризму. Поставленные между двух огней — неуступчивостью самой жадной в Европе буржуазии и боевыми, хотя неровным и нервным настроением рабочих, выразившимся как раз к этому времени в создании Конфедерации Труда сь ее попытками втянуть всю рабочую массу в возможно более острый конфликт сь государством, — французские радикалы-социалисты оказались совершенно бесполодными. Клемансо не замедлил заявить, что правительство находится сь рабочими по разным стороны баррикады. Вместо замирения Франция увидла себя чуть не накануне социальной революции, кровь рабочих неоднократно оросила ее почву, и в то же время даже среди государственных чиновников (мелких сошек конечно) и, о ужас! вь самой армии начал распространяться мятежный дух недовольства.

Правящая Францией капиталистическая олигархия не знала, что ей и дьлат. Обратиться кь более правому министерству значило еще разгечь необузданное ничего хорошего пламя междоусобия. Рьшился замьнить Клемансо еще более львым, социалистом, и в то же время еще более безсовестным политиком — Брианом. И Бриан выступил сь красиво-сервированным разными социальными реформами столом. Был, однако, сразу слишком очевиден буафорский характер всех этих блюд. Возьмите хотя бы главную реформу французских радикал-социалистов — пенсии для престарелых рабочих. Законь этоть принуждает рабочих платить налог в 9 франков в год, относительно весьма ничтожно обременяет кармань капиталиста, черпаеть остальное, хотя и сь оглядкой, изь кармана плательщиков податей, и вь результать общаеть рабочему нищенскую помощь — менше сорока копек вь день, если ему удастся дожить до 65 лть, а мы знаем, какь рьдка подобная удача у несчастных каторжников капиталистической системы! Вь этомь же духь были и остальные „благодьния“ Бриана. Зато, стараясь выслужиться передь тузами буржуазии, бывший социалист показать себя самым жестоким, коварным, не стьсняющимся даже сь закономь полицейскимь министромь, какого знала республика со времень Тьера. Спровоцировав вь купь и вь лобь сь могучими жельзнодорожными компаниями рабочих на стачку, Бриан лихо расправлял сь нею, давь полную возможность компаниям раздвинь едва начавшую расти силу жельзнодорожных рабочих синдикатов. Противозаконная, истинно русская расправа сь жельзнодорожниками вьначала собою длинную вереницу подобных же насилй надь рабочимь классомь. Радикально-социалистическая политика по-

дожительно не налаживалась. Вместо галантного примирителя, социалиста у власти, получающего одинаким доверием всех классов, — выходила неизбежно политика полицейской репрессии, дѣлавшая реформаторовъ тѣмъ болѣе презрѣнными и ненавистными въ глазахъ рабочего класса, чѣмъ ближе стояли они къ социализму во дни своей молодости.

Передъ лицомъ германской опасности во Франціи создалось ужасное положеніе: буржуазія приобрѣла смертельнаго врага въ лицѣ рабочихъ, фактически держащихъ въ своихъ рукахъ пути сообщенія, разстройство которыхъ въ военное время означало бы полный крахъ французскаго буржуазнаго отечества. И вотъ противъ желѣзнодорожныхъ компаній и ихъ лакея Бриана подымается крикъ почти вся французская буржуазія. А тутъ еще растущая сила Германія вовлекаетъ въ область своего вліянія наше жалкое отечество. Выбрасываютъ и Бриана. Портфель поручается сенатору Монису съ настоячивымъ наказомъ: социальный миръ во что бы то ни стало!

Монисъ амнистируетъ и ликеидируетъ направо и налево, требуемъ амнистии для рабочихъ и отъ желѣзнодорожныхъ компаній, которыя, впрочемъ, пока пахально упираются, — любезничаетъ не только съ правыми социалистами, отпѣтыми прихвостнями радикалъ-социалистовъ: такъ называемыми *независимыми*, но и съ большинствомъ объединенной социалистической партіи, руководимой Жоресомъ. И Жоресъ, несмотря на протесты Геда и марксистовъ, кривя душой и проглатывая такіе факты, какъ воспрещеніе первомайской демонстраціи и превращеніе на этотъ день Парижа въ военный лагерь, оказываетъ новой попыткѣ мирнообновленчества всю поддержку, на какую оно способенъ. Такимъ образомъ, послѣдній министерскій кризисъ во Франціи является звеномъ въ длинной цѣпи попытокъ создать, въ виду внѣшней опасности и для обезпеченія колониальныхъ авантюръ, въ родѣ захвата Марокко, — министерство сотрудничества классовъ. Положеніе создается болѣе опасное для рабочего класса, чѣмъ въ Германіи, ибо опять исторія показала, что буржуазія находитъ наилучшее оружіе именно въ политикѣ уступокъ. Встрѣчая штыками каждую революціонную попытку синдикалистовъ, не умѣющихъ найти иныхъ формъ революціонной борьбы, кромѣ рискованныхъ, лишенныхъ достаточнаго фундамента острыхъ конфликтовъ, радикалъ-социалисты въ тоже время съ самой нѣжной улыбкой, съ самыми лживыми обѣщаніями на устахъ и съ мелкими подачками на чай въ рукахъ стараются приручить французскаго пролетарія и заманятъ его на тотъ путь политическаго рабства, какимъ онъ идетъ уже въ Англіи. И что же мы видимъ? Социалистическая партія Франціи въ ея большинствѣ не только не предостерегаетъ пролетаріатъ отъ этой сугубой опасности, но, съ нашей точки зрѣнія, *предательски* способствуетъ великому обману. Марксисты, конечно, сопротивляются этой политикѣ, но недостаточно энергично. Вплоть яркая защита классовой непримиримости стала знаменемъ синдикалистовъ и эрвентовъ, спутавшихъ ее однако съ равными полуанархическими, часто ребяческими предрасудками. Приходится надѣяться на одно: на экономическую стихію, которая воспитываетъ въ пролетарскихъ массахъ правильный классовый

инстинкъ, да на жадность французскихъ буржуа и мелководіе радикальныхъ политикановъ, которые не смогутъ придать своей мышловкѣ для пролетаріата того заманчиваго блеска, съ какимъ она устроена въ Англіи.

Картина радикально-социалистическаго опыта прирученія пролетаріата должна быть дополнена характерными чертами, взятыми изъ политической жизни Италіи и Испаніи, гдѣ послѣднее время также разразились небезынтересные министерскіе кризисы.

Въ монархическихъ кругахъ Италіи, не исключая самого короля, давно упрочилась идея, что монархія савойскаго дома, достаточно примирительная по отношенію къ католикамъ, одинаково нѣжная къ землевладѣльцамъ и капиталистамъ, тщательно оберегающая интересы господствующихъ классовъ вообще, — осуждена тѣмъ же мѣнѣе на гибель, если ей не удастся упорчить симпатіи къ себѣ въ широкихъ народныхъ массахъ. Это объясняется тѣмъ, что, какъ ни какъ, папа и вся колоссальная церковная сила, несмотря на заигрыванія короля и правительства, попрежнему открыто мечтаетъ о возвращеніи Рима, официально заявляя при всякомъ удобномъ случаѣ о своей непримиримой враждѣ къ монархіи, созданной революціей. Крупное землевладѣніе и крупный капиталъ въ Италіи не играютъ столь большой роли, какъ въ болѣе экономически передовыхъ странахъ. Италія страна крестьянства, крошечныхъ арендаторовъ, мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, невѣроятно разросшагося умственнаго пролетаріата, безчисленныхъ поповъ и монаховъ и полу-пролетаріевъ, занятыхъ въ сравнительно мелкихъ предприятияхъ. Значительная часть этого „народа“ настроена оппозиціонно: тутъ вы встрѣтите порядочно радикаловъ, плохо мирящихся съ монархіей, довольно много открытыхъ республиканцевъ, христіанскихъ демократовъ, анархистовъ, социалистовъ, а болѣе всего людей къ политикѣ индифферентныхъ, но никакою нѣжности къ правительству не питающихъ.

Итальянская бюрократія, начавшая съ неслыханнаго воровства и полицейской тираніи, особенно въ царствованіе Гумберта, постепенно скопрометировала идею монархіи такъ, что съ года на годъ можно было ждать созданія блока народныхъ партій и республиканскаго движенія по образцу нынѣшняго португальскаго, тѣмъ болѣе, что армія, мелкобуржуазная и въ своихъ офицерскихъ элементахъ, деморализованная разгромомъ колониальной политики въ Африкѣ, не представляла надеждою.

Убийство Гумберта и воцареніе Виктора Эммануила II ознаменовало собою новую эру. Монархія начала усиленно заигрывать съ демократіей. Министерства одно за другимъ становилось все либеральнѣе, пока наконецъ ихъ тактика не приобрѣла болѣе или мѣнѣе яркой радикально-социалистической окраски. Правда, социалисты до сихъ поръ не входили ни въ одно министерство и даже радикалы занимали обыкновенно лишь второстепенныя министерскія кресла — но это не мѣшаетъ тому, что въ лицѣ Луццати, распылчато-го профессора, многословнаго оратора и сладкаго писателя, Италія выдвинула въ своемъ родѣ „мастера сихъ дѣлъ“. Луццати слыветъ отцомъ взаимопомощи, коопераціи, мелкаго кредита и т. п. гуманнѣе начинаній крохоборческаго реформизма Италіи. Онъ, во время многократныхъ своихъ

пробиваний у власти, не только шель навстрѣчу, но и вызывая повсюду гдѣ можно кооперативное движеніе и среди мелкой буржуазіи, и среди пролетариата, въ особенности сельскаго. Земледѣльческіе кооперативы, артели землекоповъ и многіе другіе получали громадныя подряды и заказы отъ правительства, подкупались относительно дешевымъ кредитомъ, превращались въ привилегированныхъ сынковъ государства, конечно за счетъ пасивновъ-обедоленныхъ крестьянъ юга и всей пролетарской массы. Кооперативный облаканный государствомъ пролетаріатъ превратился усиленно Луццати въ могучую опору социалистическаго реформизма, въ итальянскомъ вырожденіи потерявшаго даже тѣнь революціонности. Диктаторъ Италіи Джіолитти, долгое время правившій ею, опираясь на банды каммористовъ, подкупъ, насиліе во время выборовъ и тайную поддержку поповъ-самъ убѣдился въ послѣднее время, что союзъ съ розовыми радикалами и ручными социалистами наилучшая тактика. Къ разнымъ многостямъ изъ народнаго кармана, обѣщаннымъ отдѣльнымъ категоріямъ пролетаріевъ господиномъ Луццати, Джіолитти, вставшій теперь опять власть непосредственно въ свои руки, смѣло прибавилъ очень крупное расширеніе избирательнаго права и рабочія пенсіи по французскому образцу. Этого было достаточно, чтобы социалисты простили ему испачканное грязью и кровью прошлое, отдѣлились отъ всѣхъ благородныхъ людей Италіи, со- знающихъ уже, что въ лицѣ Джіолитти они имѣютъ безстыднаго развратителя общества, и перешли со всѣмъ багажемъ на берегъ джіолитизма.

Если у стараго хитреца Джіолитти есть еще разныя опасенія, какъ бы не найти слишкомъ много враговъ справа при крутомъ поворотѣ лѣво, то молодой король испытываетъ какой-то зудъ нетерпѣнія поскорѣе явить себя передъ Европой въ качествѣ полусоциалистическаго монарха. Династическій инстинктъ гонитъ его въ эту сторону. Уже и раньше онъ старался лично видѣться съ разными социалистами, очаровывать ихъ своей любовью и широко рекламироваться по этому поводу въ прессѣ. Имѣть своихъ Бриановъ и Вивиани до такой степени заманчиво для короля, что онъ пригласилъ къ себѣ лидера итальянскихъ социалистовъ Биссолати, уступилъ ему всѣ тѣ грошки, изъ за которыхъ миланскій депутатъ считъ нужнымъ для приличія поторопаться, и умилительно обручилъ прежняго героя революціоннаго социалистическаго подъема въ Италіи съ пророчавшимся полубанкиромъ полуплицейскимъ Джіолитти. Опираясь на разврощенныя подкачки верхи пролетариата и безпринципный карьеризмъ значительной части партийной интеллигенціи, Биссолати рѣшилъ было со свитой молодыхъ социаль-карьеристовъ войти въ министерство.

Отношеніе партій въ ея цѣломъ сводилось въ общемъ къ дружелюбному нейтралитету. Къ счастью пролетарскія массы подосѣвли. Туринскіе рабочіе черезъ посредство революціонно настроеннаго депутата Моргари объявили Биссолати, что когда онъ, въ качествѣ министра земледѣлія, придетъ открывать туринскую международную выставку то будетъ безпощадно осваивать прежде столь-цѣнными его товарищами. Только это помѣшало слишкомъ скандальнымъ формамъ чудовищнаго союза, но въ болѣе скрытой, въ болѣе приличной формѣ онъ остается: социали-

сты въ парламентѣ дружно поддерживаютъ Джіолитти, который съумѣетъ за ничтожныя и самимъ временемъ дилетумъ уступки укрѣпить монархію, получить новые фонды на армію и флотъ и продолжать политику жестокой эксплуатаціи темной и безогвѣтной массы юга въ интересахъ кучки хищниковъ.

Нѣсколько иначе обстоятъ дѣло въ Испаніи. Тамъ монархія была наоборотъ безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ черной поповской стаи. Но когда министерство Мауры ко всѣмъ ужасамъ развратнаго, разбойничьяго и инквизиторскаго режима прибавило еще въ угоду компаніи жуликовъ авантюры войны съ Марокко — передавая Испаніи всколыхнувшая и надъ головой идіотка Альфонса и всей его вырожденшей династіи загремѣла гроза. Правда, люди жестокой рукавицы потопили въ крови востанувшую Барселону и бросили въ видѣ искупительной жертвы къ ногамъ монаховъ окровавленный трупъ мирнаго мечтателя Феррера. Но это былъ послѣдній актъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Передъ растущимъ республиканскимъ броженіемъ, ростомъ социалистическихъ и анархистскихъ организацій и негодованіемъ Европы пришлось снять эти рукавицы и надѣть мягкія перчатки, пришлось пошататься мягко стлать, вертѣть лисьимъ хвостомъ. Быстро лѣвѣя, перепуганная монархія нашла наконецъ своего человѣчка въ радикаль-социалистѣ Каналехасѣ. Этотъ политическій мошенникъ пока еще мало говоритъ о социальныхъ реформахъ. Онъ постарался привлечь все вниманіе народныхъ массъ къ перепетіямъ безконечно затянувшейся борьбы съ клерикализмомъ. Давая маленькій исходъ вѣковой ненависти народа противъ духовенства, Каналехасъ общается Альфонсу пролить неопредѣленно долго существованіе монархій. При этомъ удары, которые наносятъ другъ другу министръ христіанѣйшаго короля Каналехасъ и министръ его святѣйшаго папы испанецъ Мерри Дельваль, настолько подозрительны, что оба борца ни дать ни взять напоминаютъ двухъ боксеровъ, стоворившихся морочить почтенную публику, причемъ ихъ сурово нахмуренность рожи отъ времени до времени не могутъ не распыляться въ хитрую улыбку.

Какъ мошенничаетъ при этомъ „антиклерикаль“ Каналехасъ, видно изъ одного скандальнаго факта, болѣе или менѣе скрытаго нашей либеральной печатью, увлекающейся этимъ испанскимъ кадетомъ: консерваторъ Урсансъ замѣтилъ, что въ одномъ на видъ невинномъ примѣчаніи „гонитель церкви“ хотѣлъ протрагить стомилліонное вознагражденіе духовенству за имущество, конфискованное у него еще революціей 69 года! Объ этомъ не мечтали даже „богобоязненнѣе“ консерваторы! Сколько милліоновъ изъ этихъ ста перепало бы за комиссію самому гонителю?

Каналехасъ ловко лавируетъ между разнородными полами и генералами, все еще настоящими властителями страны, и требованіями своихъ „союзниковъ и друзей“, — демократовъ. Это то и вызвало послѣдній кризисъ. Лѣвая требуетъ отъ радикальнаго министра по крайней мѣрѣ кассачіи вопіюще-несправедливаго процесса Феррера. Кассачія конечно не воскреситъ бѣднаго педагога, но она являлась бы ударомъ хлыста по лицу для военнаго суда и консервативной партіи. И вотъ армія взбунтовалась противъ Каналехаса въ лицѣ военнаго министра.

Этот доблестный солдат, не понимая лукавства министра-адвоката, съ пѣной у рта разразился по адресу разной парламентской сволочи, желающей совать свой носъ въ дѣла священной для всякаго патриота армии. Парламентарии въ свою очередь стали на дыбы. Слишкомъ очевидно стало, что при подобныя генеральскихъ окрикахъ весь радикализмъ новаго курса оказывается нигде не годнымъ гнильемъ.

Консервативный мѣръ, вся роскошествующая окостенѣлая свора обычныхъ приспѣшниковъ монархii, кричала въ уши королю: „Довольно радикализма! вы видите: чернь начинать занавѣсывать, Каналехастъ ведетъ насъ въ пропасть!“

Ахъ! если не самъ король—то его не совѣмъ ужъ безмозглая католичка-мать и разные перепуганные совѣтники отлично видятъ, что выбранная Каналехасомъ дорога, полная оскорбительныхъ для нихъ внѣшнихъ уступокъ, въ концѣ концовъ не спасетъ старую королевскую колымагу отъ крушенія. Но что дѣлать? Если въ Италii, въ республиканской Францii, въ колыбели свободы—Англии—единственнымъ средствомъ сохранить старый порядокъ является пышно разукрашенная и возможно менѣе существенная реформа, то очевидно, что и для Испанii нѣтъ другой политики кромѣ того же возможно болѣе тогощаго реформизма подъ краснымъ радикальнымъ соусомъ. И вотъ Каналехастъ побдѣдилъ: жесткаго генерала замѣнили другимъ помѣгаче, и фарсъ антиклерикальной, прогрессивной политики продолжается.

Для странъ запада, притиснутого Германiей, радикальный социализмъ есть послѣдняя ставка буржуазii. И факты показываютъ, что если не всюду то часто, если не для всего пролетариата то для праваго фланга социалистическихъ партii—радикальный реформизмъ есть опасное оружие развращенія. Передовые пролетарии должны не опуская глазъ слѣдить за шулерствомъ ловкихъ рукъ нынѣшнихъ правителей и за часто протягивающимися къ нимъ руками собственныхъ правыхъ товарищей.

А въ Россii? Пока еще у насъ не пахнетъ реформизмомъ. Но доживемъ и до него, когда оборвется наконецъ перенатянутая струна звѣриной реакцii. И нигдѣ нельзя ждать столь большого успѣха политики уступокъ въ правомъ лагерѣ социалистовъ, какъ именно у насъ. Развѣ даже теперь въ студеную зиму сталинпинцины лозунгъ борьбы съ смодераниемъ не подмѣнивается борьбою за легальность? Развѣ даже въ нашей душевой атмосферѣ не говорятъ о приспособленii для медленнаго, органическаго роста? У пролетариата есть два врага: звѣрская реакцiя и надувательская уступчивость. Первая заглушаетъ слабодушныхъ. Но мужественные остаются на своемъ посту. Вторая заманиваетъ половинчатыхъ. Но революционные социалисты выдержаннаго типа отвѣтятъ на нее: руки прочь, между нами возможно лишь безпощадная война!

А. Луначарскій.

Письмо К. Каутскаго Совѣту Второй Партiйной Школы.

По порученiю Совѣта 2-й партiйной школы т. Лядовъ написалъ Каутскому приветственное письмо и сообщилъ объ открытii школы. На это письмо отъ тов. Каутскаго былъ полученъ слѣдующий отвѣтъ:

Дорогой товарищ!

Простите, что только сегодня отвѣчаю на ваше письмо, но я былъ дѣлкомъ поглощенъ одной большою работою.

Я очень благодаренъ вамъ за сообщенiе. Вашъ теперешнiй планъ занятiй я нахожу превосходнымъ. Если налицо имѣются подходящiя преподавательскiя силы, — о чемъ я судить не могу, — то школа должна дать хорошия результаты.

Мои взгляды на ближайшия задачи русскаго пролетариата остались тѣ же, такъ какъ и въ общемъ положенii съ прошлаго года ничего, собственно, не измѣнилось. Насколько мнѣ известно, за это время не возникло ни новыхъ вопросовъ, ни новыхъ средствъ для ихъ разрѣшенiя. Главной задачей въ Россii я считаю теперь возвращенiе массамъ ихъ вѣры въ собственныя силы, вѣры, которую онѣ утратили, вслѣдствiе пораженiя и, въ особенности, вслѣдствiе всепоражающей безработицы.

Само собой разумѣется, что послѣдняя причина можетъ быть устранена не партiйной дѣятельностью, а экономическимъ подъемомъ. Но наряду съ этимъ необходимо, при помощи организаци рабочихъ, бороться съ настроениемъ, которое создано положенiемъ дѣлъ. Необходимо внушить каждому сознание, что у него имѣется опора въ лицѣ товарищей. Какую форму придать организаци — зависитъ отъ обстоятельствъ. Нужно использовать каждую форму. Не слѣдуетъ пренебрегать ни потребительными обществами, ни кассами на случай болѣзни. Мы уже потому должны обращать на нихъ свое вниманiе, что въ ихъ созданii проявляется потребность рабочихъ въ организаци. Если мы не будемъ ихъ поддерживать, то тѣмъ самымъ поставимъ себя въ противорѣчiе съ запросами пролетариата и утратимъ наше влiянiе на него. Понятно, однако, что сами по себѣ такiя организаци не являются еще плюсомъ. Не проникнутыя надлежащимъ духомъ, онѣ могутъ даже парализовать подъемъ пролетариата.

Легальная организационная дѣятельность должна сопровождаться политической и экономической просвѣтительной работою, которую въ современной Россii немисимо выполнить въ одной легальной формѣ.

Кромѣ того, для укрѣпленiя пролетарскаго классового самосознанiя въ Россii имѣетъ значенiе и Дума.

У этого самосознанiя двѣ стороны: одна — это противуположность капиталу, другая — общность интересовъ рабочихъ различныхъ профессii, национальностей и областей. Первая сторона легче входитъ въ сознание пролетариата, нежели вторая, а между тѣмъ объединенiе всѣхъ рабочихъ въ одно сжатое классовое единство необходимо, если они желаютъ съ успѣхомъ противостоять централизованнымъ силамъ своихъ противниковъ.

Борьба за государственную власть, политиче-

сияя борьба при помощи особой политической партии есть лучшее средство спаять различные пролетарские слои в одно единое тѣло. А такая борьба въ современныя государствѣ принимается всегда парламентскія формы, является борьбой за парламентъ или въ парламентѣ.

Требование республики въ настоящее время есть только требование замѣны монарха парламентомъ.

Говорятъ о крушении парламентаризма. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что буржуазное большинство въ парламентахъ становится все менѣе и менѣе способнымъ выполнить что либо серьезное. Но тамъ, гдѣ пролетариатъ, на основаніи этого, встаетъ на враждебную или безразличную позицію по отношенію къ парламентаризму, онъ теряетъ свое внутреннее единство. Лучшимъ примѣромъ тому служатъ дезорганизация французскаго пролетариата синдикализмомъ. Наоборотъ, сила и солидарность рабочаго класса растутъ тамъ, гдѣ онъ принимаетъ живое участіе въ парламентаризмѣ, гдѣ онъ умѣетъ отличать это орудіе отъ тѣхъ, кто имъ управляетъ въ настоящій моментъ, тамъ, гдѣ онъ высоко цѣнитъ важность, которую можетъ приобрести парламентъ въ дѣлѣ борьбы за освобожденіе пролетариата, и тамъ гдѣ при безсиліи парламента, онъ энергичнѣйшимъ образомъ борется противъ этого безсилія.

Нѣмцы и австрійскіе социалдемократы приобрѣли свою силу въ борьбѣ за всеобщее и прямое избирательное право, а затѣмъ и въ борьбѣ на выборахъ. Только благодаря этой борьбѣ, партіи эти стали представительницами всего пролетариата указанныхъ странъ.

Слѣдовательно, безсиліе и карикатурное избирательное право теперешней Думы не должны отвращать отъ нее вниманіе русскихъ социалдемократовъ. Борьба за избирательное право, выборная борьба, а также борьба партій внутри парламента и въ Россіи можетъ послужить могучимъ средствомъ сковать борящійся пролетариатъ въ единое тѣло съ единымъ сознаніемъ.

Но такое дѣйствіе парламентъ можетъ оказать лишь тамъ, гдѣ рабочей классъ принимаетъ въ немъ участіе, какъ вполне самостоятельная партія. Тамъ же, гдѣ, въ надеждѣ добиться практическихъ результатовъ, въ цѣляхъ „положительной“ работы, онъ растворяется въ одной изъ буржуазныхъ партій, тамъ парламентаризмъ становится лишь средствомъ затормозить развитіе классового самосознанія, средствомъ сохранить разрозненность рабочаго класса по профессіямъ, мѣстностямъ и языку, отсрочить его эмансипацію, увѣковѣчить его рабство.

Такого рода парламентаризмъ нанесъ уже немало вреда англійскому и американскому пролетариату, а его зачатковъ въ Италіи было достаточно, чтобы принизить рабочей классъ и повести по пути разложенья социалистическую партію. Съ такимъ парламентаризмомъ необходимо вести самую рѣшительную борьбу.

Наоборотъ, самостоятельное участіе пролетариата въ парламентской борьбѣ является необходимымъ условіемъ его подъема. Его нельзя замѣнить никакимъ прямымъ дѣйствіемъ (action directe), хотя и въ парламентахъ дѣйствіе въ соотвѣтствующій моментъ можетъ придать пролетарскому парламентаризму большую силу, а иногда оно для него даже прямо необходимо.

— Все это лишь общія замѣчанія. Что же касается ихъ примѣненія въ Россіи, то оно лучше всего можетъ быть выполнено самими русскими товарищами.

Шлю свои лучшія пожеланія лекторамъ и слушателямъ

Вашъ К. Каутскій.

Свѣтлой памяти Марата

Я вижу предъ собой его согбенную скорбную тѣнь, вижу его истомленное длинное лицо, окаймленное темною бороною, чувственную лихорадочный блескъ глубоко сидящихъ глазъ — добрыхъ, ласкающихъ, слышу его голосъ, гуляющій, какъ набатъ стараго колокола, и мнѣ кажется, что онъ мой учитель, мой другъ, мой много страдавшій братъ — здѣсь около меня. Я внимаю его пламенной рѣчи, облитой незримыми слезами, закаленной огнемъ мести, я живу одною съ нимъ жизнью, страдаю страданіемъ народныхъ, радуюсь радостью великою.

Въ мой памяти его образъ — это символъ революціи разящей, непобѣдимой, взмахнувшей на мигъ бѣлыми крылами и передъ нимъ, передъ его чистою ию склянкою колѣни, хочу обнять его, глашатая и пророка революціи, олицетворившаго все свѣтлое и святое бѣдной, тусклой жизни, но его больше нѣтъ.

... Нѣтъ больше Марата русской революціи.

И въ скорби и въ тоскѣ опускаю передъ могильной плитой голову и чудятся мнѣ другія времена, плывутъ одна за другой иныя картины...

Мнѣ чудится митингъ. Большая зала набита народомъ, кругомъ пылающія энтузіазмомъ горячія лица.

Одинъ за другимъ смѣняются ораторы. Каждую минуту растетъ возбужденіе, и людской печальникъ гудитъ, какъ глухой подземный вулканъ.

Вотъ на трибунѣ появляется человекъ съ продолговатымъ оваломъ лица, съ нѣсколько грустными карими глазами, загорѣвшимся сразу болѣющимъ внутреннимъ свѣтомъ. Привычнымъ свободнымъ жестомъ снялъ шляпу, протянулъ руку съ характернымъ краснымъ пятномъ надъ взволнованной аудиторіей, окинулъ ее взглядомъ.

Его узнали... Электрическій токъ пробѣжалъ вокругъ, легкая дрожь проползаетъ по спинамъ, гробовая тишина воцаряется въ залѣ.

Это онъ — любимецъ трудовой Москвы, онъ — Маратъ будетъ говорить, и десятиязычное людское море замираетъ, очарованное волшебными звуками его рѣчи. Онъ — Гусляръ, онъ плывѣтъ надвигающейся бури, вскинутый изъ бездонныхъ глубинъ этого волнующагося моря. Онъ умѣетъ владѣть родною ему стихіей, онъ знаетъ напѣвы, рожденные ею, онъ умѣетъ ихъ пѣть...

Тихо... Слышно какъ пролетитъ муха, затаяли дыханье и слушаютъ новое слово. Онъ не кончилъ еще, какъ вдругъ что-то постороннее вошло въ залу, всколыхнуло ее отъ края до края, она зашевелилась, по ней пронесся неясный гулъ и надъ головами кого-то подняли. Бѣдное почти дѣтское лицо съ расширенными зрачками съ переконченнымъ ртомъ:

„Товарищи, въ трамваѣ черносотенники раворакали нашего начальника боевой дружины. Они грозятъ убить Марата.“ Толпа застыла въ нѣмомъ ужасѣ и негодованіи, она инстинктивно поворо-

тилась въ ту сторону, гдѣ высоко надъ нею стоялъ тотъ, чьей крови требовали наемные убійцы, она чутко насторожилась, она ждала. И отсюда, съ высоты, въ это мгновенное упали простыя, точно выточенныя изъ стали слова:

„Лучшая доля для социалиста — умереть на своемъ посту“...

Бауманъ умеръ на своемъ славномъ посту. Горѣя ярко въ тотъ вечеръ погребальные факелы и ярче горѣли сердца. Тѣснымъ кольцомъ стояли вокругъ могильной ямы тысячи людей съ тяжелымъ чувствомъ утраты... Опустели гробъ, застучали холодные комья земли, но народъ не расходился, онъ ждалъ его слова.

Заговорила жена Баумана языкомъ гражданки, но почувалъ народъ въ подавленной дрожи голоса, прочелъ въ сурово сдвинутыхъ складкахъ бровей, въ безжизненномъ взорѣ бездушной нечеловѣческой муки и дрогнулъ самъ... Гдѣ то заплакали... И этотъ никому невѣдомый еще вчера дѣятель подпольной партіи вдругъ сбѣжался всѣмъ этимъ людямъ такимъ близкимъ, роднымъ, и его смерть казалась такимъ горемъ, что можно было каждую минуту ожидать что толпа разразится въ истерическихъ рыданіяхъ. Уже не было отдѣльныхъ лицъ, а была одна живая вибрирующая струна, готовая каждую минуту лопнуть. Было напряжение человѣческой воли, чувства и мысли, которому нуженъ былъ выходъ, нуженъ былъ голосъ проклинающей, зовущій впередъ... И онъ прозвучалъ, этотъ голосъ, мощный, какъ металлическій крикъ Ивана Великаго, онъ пришелъ чародѣй играющей на струнахъ человѣческаго сердца, онъ спросилъ, онъ потребовалъ клятву умереть за свободу у этихъ бесчисленныхъ массъ народныхъ, и они тысячелетнимъ громовымъ эхомъ отвѣтили ему:

„Мы клянемся тебѣ, Маратъ, умереть за свободу“

Они умирали безвѣстные, имени которыхъ не знаетъ исторія... Ночь стрішная, зловѣще загадочная ночь. Высоко надъ зубцами Кремля мигаетъ мириадами звѣздъ-очей холодное декабрьское небо. Гдѣ-то далеко за Московской рѣкой дрожитъ и колыхается яркое пламя пожаровъ и отъ него ложатся и бѣгутъ легкія, какъ видѣнія, прозрачныя насквозь тѣни и переливаются причудливой игрой изумруда въ синѣжникахъ тюремнаго двора. Назойливо всю ночь трещатъ частые сухіе выстрѣлы. Иногда тяжело прогрохочетъ пушка, и вновь молчаніе долгое и мучительное, какъ эта зимняя ночь.

Спать или только чутко дремлетъ въ болѣзненной грѣбѣ о завтрашнемъ днѣ Таганка?

Я слышу какъ ворочается на жесткой койкѣ мой соседъ, учащенно кашляетъ, вздыхаетъ. Я не вижу его, но я знаю, что это онъ. Настъ раздѣляетъ крѣпкая тюремная стѣна, но я чувствую, какъ мучается въ потемкахъ этой ночи вдали отъ тѣхъ, что бьются съ неравной вражеской силой, душа стараго испытаннаго бойца.

Тихо стучу ему. Минѣ отвѣчать то прерывистыя, то догоняющія друга друга беспорядочные удары... Вслушиваюсь... Бѣдный мой другъ! Онъ хочетъ знать, что будетъ завтра, побѣдитъ или будетъ разбита...

Не разбита, но изранена Русская Революція, машетъ изломанными въ бояхъ крыльями, истекаетъ кровью. Каждый день все новые отряды ея бойцовъ идутъ съ Востока на Западъ. Я встрѣтилъ Марата въ Парижѣ, въ этомъ кипучемъ центрѣ эмигрантской жизни. Серебристая нити

въ волосахъ, бородѣ, еще глубже ушли глаза, еще больше въ нихъ грусти. Не мѣсто Марату границей, не мѣсто среди „генераловъ“, дѣлящихъ ризы Партии. Его мѣсто тамъ, за запретнымъ рубежомъ. Туда, къ тѣмъ, кто давалъ клятвы умереть, стремится онъ. Но не прошли даромъ двадцать пять лѣтъ революционной работы, безчисленные этапы, тюрьмы. Нѣтъ прежнихъ силъ, старыя раны раскрылись горятъ мучительной болью, понизка гордая голова, покрытая рубцомъ, чуть близкую развязку. Но хотѣлось все же старому революционеру сложить свою голову закрыть глаза средѣ „своихъ“, хотѣлось лежать подъ тѣнью акацій тихаго московскаго кладбища и быть вѣчнымъ укоромъ тѣмъ, кто клялся всеу. Привезли Марата полумумирающего въ любимую имъ Москву и не дерзнула грязная полицейская лапа осквернить святыню смерти, не посмѣли клеветать полумертвыхъ очей черные охранные вороны...

Хоронили Марата въ той же Москвѣ. Падали большими хлопьями снѣгъ. Была сыро, холодно, непривѣтливо. За гробомъ шло всего нѣсколько близкихъ людей. Какъ обыкновенно дымили въ этотъ день фабричныя трубы, стучали молотки, скрипѣли напильники, весело неслись поѣзда и трамваи, бойко торговали магазины. На тротуарахъ оставалась публика, глядя на убогую погребальную процессію.

Знала ли трудовая Москва, что это хоронили того самаго Марата, на котораго она молилась пять лѣтъ тому назадъ, знала ли она, что въ этомъ черномъ простомъ гробу лежалъ бардыя мукъ, ея надеждъ, старый русскій социалистъ, душу свою положившій за други своя?... Плакало холодное небо... Было стыдно, было грустно и больно до слезъ. И вспоминались клятвы, даваемые въ тотъ вечеръ у могилы Баумана. Немысленными остались за нами клятвы, неотомщенными братскія могилы!

Безработный.

На смерть Марата

Въ тѣ дни, когда возставіе плебей
Во Франціи толпой поднялись вдругъ съ колѣнъ,
И власть, то злая, то низменно робѣя —
Кнутомъ или пряникомъ старалась дѣлать ихъ
плѣтъ —

Явился ты, горячій другъ народа,
Безстрашный мужъ народнаго суда.
Даръ ясновѣдѣнія дала тебѣ свобода
И тщетно сѣти жи сплетали господа.

Рабы возставшіе ихъ козни понималъ,
На твой призывъ рыкали ревомъ льва, —
И даже тѣнь твоя, гигантская, вѣмая,
Была на стражѣ, грозна и жива.

Честь честному вождю московскихъ массъ
народныхъ.
Въ туманный годъ, въ чудесный, страшный годъ
Онъ говорилъ съ трибуны на мигъ свободныхъ,
И друга своего узналъ тотчасъ народъ.

Его призывам вторилъ онъ какъ прежде,
Онъ зналъ, чей это вѣрный младшій братъ:
И въ радостной и трепетной надеждѣ
Онъ закричалъ: „Видъ это ты — Марать!“

Онъ умеръ. Тѣнь его еще живетъ межъ нами.
Тѣнь непреклонная съ суровой головой.
Напрасно ищите Марата межъ гробами:
Марать съ народомъ! Онъ — всегда живой!

Старый другъ.

У МОГИЛЫ ЗИНГЕРА

Медленно колышется гробъ, усыпанный красными вѣнками, окруженный бѣлыми, какъ дунь, старыми бойцами славной пролетарской партіи, а позади густая человѣческая лавя, безъ конца и края, вливается въ каменную русла Берлинскихъ улицъ, слухенныхъ громадами домовъ.

Куда не кинешь глазомъ все черно кругомъ: балконы, окна, крыши домовъ, трамваи обтѣплены народомъ, но это не та вѣчно волнующаяся, вѣчно стремительная толпа большого европейскаго города, а другая глубоко сосредоточенная, тащущая какую то большую скрытую думу. Одна за другой, какъ набѣгающія и уходящія вдоль волны, двигаются длинные флаги социалдемократическихъ фрейеровъ. Въ стройномъ порядкѣ группируются они по отдаламъ, округамъ. Жужкымъ гробовымъ молчаніемъ встрѣчаетъ берлинская улица послѣднее триумфальное шествіе „краснаго президента“, шествіе, передъ которымъ блекнутъ казенные напыщенные похороны послѣднихъ обнагдѣвшихъ отпрысковъ династии Гогенцоллерновъ. Въ величественномъ corteжѣ видна умѣлая рука, унаслѣдовавшая тотъ богатый организационный опытъ, которымъ заслуженно гордятся наши нѣмецкіе товарищи. Нѣтъ ни сутолоки, ни толкотни, нѣтъ той нервности, безъ которой не можетъ обойтись ни одна манифестація; спокойная дисциплина, выдержка сквозитъ въ каждомъ движеніи.

Напрасно щелкали голодными зубами спущенные съ цѣпи матерые полицейскіе волки, безнадежно бюргерская реакціонная падала ждала въ этотъ день кровавой бани, способной вырвать у нѣмецкаго пролетариата отвоєванную имъ улицу; безуспѣшно разжигала она въ печати воображеніе трагичнѣшихъ патриотовъ ужасами Моабита — все было напрасно.

Германская социалдемократія проявила у могилы Зингера ту организационную мощь, которой равной нѣтъ въ мірѣ ни у одной изъ социалистической партіи, ни у одной рабочей организаціи; она проявила ее не тѣмъ, что передъ раскрытой пастью могильной ямы удержала рабочие батальоны отъ столкновения съ Вильгельмовскими полчищами, — нѣтъ, схватка съ самонадѣянными и тупыми прусскими милитаризмомъ неизбежна въ современной атмосферѣ, насыщеннои социальными конфликтами; она продемонстрировала свою силу тѣмъ колоссальнымъ вліаніемъ, которымъ пользуется она, толкнувъ на улицу полмилліона рабочихъ.

И при взглядѣ на этотъ растнувшійся на нѣсколькихъ десятковъ верстъ хвостъ торжественной

процессіи нѣмецкаго социализма вспоминались другіе дни, недавнія многотысячныя манифестаціи въ Пруссіи за всеобщее избирательное право, вспоминаются возбужденныя, горячія лица, чудятся громовыя пѣсны возстающаго рабочаго Берлина, топотъ кавалеріи, лягъ оружія...

Машина „собрания голосовъ“, которую фразерствующие зубоскалы упрекали въ нерѣшительности, излишней осторожности, зашевелилась и своимъ тяжелымъ грохотомъ наполнила всю Европу.

Невидимыя тѣни мартовскихъ дней снова рѣютъ надъ Берлиномъ...

Пропылъ гробъ и исчезъ, одна за другой проходятъ шеренги все новыхъ и новыхъ борцовъ и скрываются въ туманномъ, золотистомъ куревѣ города и нѣтъ имъ счета...

Въ нѣмомъ ужасѣ слепеетъ французская клерикальная газета „Eclair“ при видѣ этого импозантнаго людскаго потока: „это болѣе страшно, чѣмъ взрывы адскихъ машинъ, чѣмъ ошеломляющій трескъ бомбъ. Что будетъ съ нами завтра?“ Вы хотите, господа, знать, что будетъ завтра? Завтра германская социалдемократія, насчитывающая 723 тысячи членовъ, т. е. почти половину социалистовъ всего міра съ ея гигантскими богатствами профессиональными союзами въ 2¹/₂ милліона членовъ, будетъ той партіей, которая станетъ на гребнѣ европейскаго социальнаго переворота. Завтра Германія будетъ неизбежно той страной, которая независимо отъ того, хочетъ или не хочетъ этого реформистское крыло баварскихъ социалдемократовъ зажметъ яркій костеръ социалистической революціи и заговоритъ яснымъ недвусмысленнымъ языкомъ пролетарскаго востанія. Завтра нѣмцы будутъ той націей, которая въ наименьшихъ родовыхъ мучительныхъ судорогахъ встрѣтитъ рожденіе новаго грядущаго Мессіи.

Сегодня германскимъ социалдемократамъ съ ихъ многограннымъ, многоголовымъ организационнымъ аппаратомъ выпадаетъ обязательство брать инициативу европейскихъ революционныхъ буръ, ибо представляемый ими пролетариатъ одновременно сочетаетъ и наибольшую силу организаціи и наибольшую степенъ социалистическаго сознанія. Гдѣ есть другая страна въ мірѣ, которая могла бы сравняться съ этой грозной тучей побѣдно наступающаго социализма? Англія съ ея 2 мил. 407 тысячами членовъ тредъ-юнионовъ, но съ низкимъ уровнемъ революціоннаго сознанія, съ ея 110 тысячами шуртанскихъ, полумистическихъ социалистовъ, или можетъ быть Америка это далеко раскинувшееся по ту сторону океана царство „желтаго дьявола“ съ ея 1¹/₂ милліонной организованной въ союзы рабочей арміей, съ ея ничтожной численно и идеино социалистической партіей въ 53 тысячъ членовъ, или наконецъ, страна неугасающаго революціоннаго кратера-Франція съ ея героическими повстанческими традиціями, насчитывающая менѣе милліона синдикованныхъ пролетаріевъ и опирающаяся на партію въ 52 тысячи членовъ?

Не сравнятся имъ никогда со вздрагивающей отъ глухихъ подземныхъ толчковъ Германіей, съ съ Германіей Моабита, съ Германіей будущей будущей и ревущей рабочей массы во дни Берлинскихъ демонстрацій, не сравнятся потому, что самый процессъ мерстанія революціоннаго сознанія въ Англіи и Америкѣ равняется съ черепашьимъ шагомъ, отстающимъ далеко отъ ли-

хородного развития созрѣвших для общественнаго переворота объективно экономических условий. Едва ли въ наступающемъ свѣтломъ праздникѣ обновления человѣчества будетъ принадлежать имъ первое мѣсто, не выпадетъ, вѣроятно, эта почетная доля и „красной“ Франціи, ибо у нея нѣтъ сильной организаціи, которая смогла бы, во-первыхъ, повести съ такимъ успѣхомъ массы и затѣмъ на другой день послѣ разрушенія буржуазныхъ Бастилій выдвинуть такой же крѣпкой организационный аппаратъ, приспособленный къ новому общественному порядку, какъ это могутъ сдѣлать нѣмцы. Всего этого нужно искать по другую сторону рѣнающегося сѣдога Рейна. Германская социальдемократія развила сильный боевой аппаратъ сегодняшняго дня — партію, и при оцѣнкѣ ея нужно считаться не только съ авангардомъ, а съ той тѣнистою громажающей позаді артиллеріей, которая подчинена влиянію этой партіи, съ ея далеко развернувшимися избирательнымъ обозомъ, въ вѣ которомъ идетъ 3.000.258. Слѣдующіе выборы покажутъ литературнымъ хрестинамъ, трубившимъ гнусавыми голосами похоронный маршъ социальдемократіи, какой грозный валъ подымается на буржуазію изъ глубинъ застоявшагося европейскаго болота.

Но партія развернула и другую сторону своего аппарата. Соціальная революція разнесетъ въ щепки не только старыя храмы, она будетъ также моментомъ богатаго массоваго творчества новыхъ формъ жизни, она нуждается въ соответствующихъ органахъ, въ достаточно гибкихъ пролетарскихъ организаціяхъ, способныхъ не только столкнуть подъ колеса мировой исторіи полуразрушившагося заживо врага, но и самимъ управлять сложной колесницей.

Эту организационную роль должны будутъ выполнить германскіе синдикаты и кооперативы. Уже теперь нѣмецкіе кооперативы представляютъ въ безграничномъ темномъ аду наживы и спекуляціи внушительную величину, обнимающую свыше одного милліона членомъ съ 180 милліонами годового дохода.

Но нужно не забывать, что эти организаціи сегодняшняго дня лишь слабая, отдаленная тѣнь исполнителскихъ производительныхъ и потребительныхъ товариществъ завтрашняго дня — это жалкіе пигмеи въ сравненіи съ будущими великанами. Да и врядъ ли сможетъ пролетаріатъ создать въ недрахъ стараго міра такой волшебный по своему совершенству механизмъ, который представлялъ бы готовую законченную форму вылинувшихся молодыхъ общественныхъ отношеній. Если бы это было возможно — тернистый путь насильственныхъ революцій былъ бы загороженъ для народовъ барьеромъ соціальнаго міра, долгой эволюціи и постепеннаго востанія пролетарскаго социализма и пролетарской культуры въ старое, треснувшее до основанія зданіе существующаго буржуазнаго общества.

Но не черезъ это сказочное золотое царство, освѣщенное пальмами міра, лежитъ широкая столбовая дорога рабочаго движенія и не о востаніи говорить послѣдніе годы. Пусть германская социальдемократія представляетъ государство въ государствѣ, но это государство революціонное, государство пролетарія въ государствѣ консервативномъ прусскаго юнкера. Оно сегодня пока, развѣдываетъ свои нѣмецкой монархіи, оно развѣиваетъ лишь свою отрицательную критику по

отношенію къ сдушившей его скорлупѣ буржуазнаго государства, свою положительную творческую сторону оно разовьетъ завтра. Пусть Германская социальдемократія изъ 18750 депутатскихъ мѣстъ въ муниципалитетахъ, которыми располагаетъ красный Интернаціональ, завоевала половину, но развѣ это говорить о притупленіи классовыхъ интересовъ? Развѣ каждая пядь отвоеванной у врага территоріи, каждая маленькая коммуна, сдѣлавшаяся ареной, гдѣ скрещиваются отточенные клинки пролетаріата и буржуазіи, не свидѣтельствуютъ наоборотъ объ обостреніи классовыхъ противорѣчій? Развѣ этого не подтверждается и ростъ социалистической прессы, съ ея 76-ю ежедневными газетами, съ ея 2½ милліонами брошюръ и 23 милліонами прокламацій за годъ? Сколько горькихъ словъ упрека бросали французскіе эресты „патріотизму“ партіи социальдемократическаго „папіа“ Бебея, а гдѣ есть болѣе сильная антимилитаристская организація молодежи, какъ не въ Германіи? Изъ 120,950 юныхъ социалистовъ въ Европѣ почти половину составляетъ нѣмецкая рабочая молодежь.

Да, господа, мы понимаемъ почему передъ мертвымъ тѣломъ Зингера вы зашипѣли „Страшно“. Страшенъ для васъ, развратниковъ: жесцовъ, убійцъ, насильниковъ, близящихся судный день расплаты, страшенъ для васъ этотъ милліонный очагъ революціи и эта воюющая партія, которая на похоронахъ Зингера спокойно, съ скрещенными на груди руками прошла мимо вашей юстиціи, полиціи и солдатчины. Безсилыя противъ нея были ваши груды бумагъ, именуемыя „исключительными“ законами. Зингеры неперестанно ковали и дробили сталью своей непреклонной воли вашу бумажную шелуху, и заслуга стараго Зингера передъ нѣмскимъ пролетаріатомъ была не въ томъ, что онъ зналъ хорошо ваши бумажныя парламентскіе каказы, а въ томъ, что онъ камень за камень, строя эту великую партію, возводилъ триумфальные ворота для близкихъ побѣдъ.

И. Безработный.

Петербургъ, Выборгская Сторона.

Состояніе нелегальной организаціи за зимній и весенній періодъ ухудшилось значительно. Въ силу общаго упадка энергии, высылки, арестовъ, апатіи, и какого то безразличія, безучастія къ собственнымъ страданіямъ и униженіямъ, вслѣдъ за буржуазной интеллигентціею покинули и рабоче свою социальдемократическую организацію. Притока же новыхъ членомъ нѣтъ. Партийная жизнь почти замерла. Районный комитетъ не собирался мѣсяцевъ девять.

Исполнительная коммисія, выбранная въ іюль прошлаго года, и составленная изъ рабочихъ средняго типа, имѣющихъ малый опытъ организаторской дѣятельности, малую теоретическую подготовку и занятыхъ все время тяжелымъ физическимъ трудомъ на заводѣ, не смогла удержать организацію на болѣе или менѣе должной высотѣ, и получился полный развалъ. Даже нѣтъ пока видовъ на скорое оживленіе и возстановленіе партийной работы.

Мѣсяца 2 тому назадъ въ умахъ старыхъ партийныхъ рабочихъ, давно отошедшихъ отъ нелегальной дѣятельности, отъ убѣжденія ли что долгие такъ жить нельзя, или вѣрнѣе отъ „скуки“ по

незаконной организации, родилась мысль собрать районное собрание и поговорить о петиции. Я говорю отъ "скуки", ибо иначе не могу объяснить ихъ дальнѣйшіе шаги. Собрание состоялось около 20 человекъ съ разныхъ заводовъ данного района. Говорили тепло о томъ, что дальше жить такъ нельзя, нужно бороться, и пока что выдвинули робко, сами не увѣрены въ цѣлесообразности этого орудія борьбы, петицію въ государственную думу черезъ социалдемократическую фракцію. Послѣ долгихъ обсуждений пришли къ тому выводу, что эта петиционная кампания знаменуетъ собой начало оживления рабочаго класса для борьбы за свои права, и что данное собрание представляетъ это пробуждение. Собрание, не высказывая своего принципиальнаго взгляда на петицію, нашло полезнымъ использовать настроение, создавшееся вокругъ толковъ о петиции, для агитации за строение незаконной социалдемократической организации въ широкой рабочей массѣ. Послѣ серьезныхъ обсуждений въ кружкахъ и различнаго рода собранияхъ, учтя настроеніе въ массахъ, рѣшило собрать болѣе расширенное районное собрание для принятія того или иного рѣшенія.

Присутствовавшие выбрали для этой цѣли комиссію — и разошлись. Столкнулись ли товарищи съ трудностями незаконной работы, или, сами не пробудившись, хотѣли будить другихъ, или средства пробужденія было искусственное — но только дальше постановленій не пошли. И вопросъ о петиционной кампани рухнулъ. А организационный партійный развалъ остался разваломъ, какимъ и былъ.

Г. Выборжскій.

Письмо матроса

Нами получено слѣдующее письмо:

"Ставленники самодержавія творятъ насилие за насильемъ. Какъ черные вороны кружатъ они надъ своими жертвами; какъ умирающе въ предсмертной агоніи мечутся они изъ стороны въ сторону, желая продлить время своего умирания.

Одно изъ такихъ насилій имѣло мѣсто недавно у насъ въ Кронштадтскомъ порту на броненосцѣ "Александръ II". Здѣсь самодурство начальства дошло до невѣроятныхъ размѣровъ. Не только мы, матросы, испытываемъ это самодурство, но и мастерские нашего порта не гарантированы отъ всякаго рода насилій."

И далѣе товарищъ-матросъ разсказываетъ, какъ самодуръ-офицеръ издѣвался надъ рабочимъ, длинные волосы котораго не понравились "благородному" опричнику, насильно остригшему рабочаго.

Въ концѣ письма товарищъ пишетъ:

"Положеніе насъ, матросовъ, также не лучшее, а болѣе худшее. Пища, которая не разъ вялялась повсюду къ бунтамъ, все становится хуже и хуже. За малѣйшій проступокъ ставятъ подъ ружье, на башню, подъ свистъ морской непогоды, иногда на цѣлыя сутки. Недавно было арестовано здѣсь на крейсерахъ "Память Азова" и на "Двинѣ" 26 чел. матросовъ. Поводомъ послужила провокація одного изъ сверхсрочныхъ; въ результатъ — обыскъ всей команды и арестъ.

Затѣмъ было арестовано еще 4 человека на броненосцѣ "Андрей Первозванный".

Дисциплина не позволяетъ вѣзаться за органи-

зацію. Но все же есть проблески въ этой казарменной жизни. Мы знаемъ, что самодуры-начальники своими выходками сами роютъ себѣ могилу.

Матросы и рабочіе! Мы должны сказать: довольно пытокъ и казней: онѣ отжили свой вѣкъ. Намъ памятенъ 1906 г., когда, не считаясь ни съ поломъ, ни съ возрастомъ, уничтожали слѣды революціи.

Кровь павшихъ товарищей требуетъ мщенія.

Они загнали въ сылку и на каторгу борцовъ за свободу, разрушили организацию, но идею имъ не сломать и не разрушить. Идея жива. Организация возрождается.

За работу, матросы!

Матросъ.

Кронштадтъ, 20 марта."

Да, за работу, матросы, за работу, солдаты! Докажите, что не загложъ еще въ васъ тотъ революціонный духъ, тотъ священный огонь, что пылалъ въ груди героевъ-матросовъ и солдатъ, принявшихъ мученичскій вѣнецъ въ востаніяхъ 1905—06 г. Они указали путь, по которому должна идти революціонная русская армія. Путь этотъ — тернистый путь борьбы съ самодержавіемъ, но только онъ ведетъ къ свободѣ. Вы не одинъ на немъ: идутъ по нему миллионы рабочихъ, миллионы крестьянской бѣдноты. Матросы и солдаты! Примкните же и вы къ этой многомилионной революціонной арміи; передъ ней не устоятъ ни какая сила, и завоеуетъ она лучшее будущее для всего трудящагося народа.

Редакція.

Резолюція совѣщанія представителей петербургскихъ соц.-дем. районовъ.

Принимая во вниманіе слѣдующія положенія:

1) Россійская демократическая революція еще не кончена, ибо до сихъ поръ вовсе не устранены основныя социально-экономическія причины, породившія революціонный взрывъ 1905—06 г. — рѣзкое несоотвѣтствіе между устарѣвшимъ самодержавнымъ строемъ государства и новымъ буржуазнымъ содержаніемъ хозяйственной жизни страны, — несмотря на всѣ старанія г.г. Столыпныхъ направить Россію на путь мирнаго, постепеннаго приспособленія ея прежнихъ политическихъ формъ къ новымъ экономическимъ условиямъ.

2) Энергичное проведеніе закона 9-го ноября, посредствомъ котораго правительство пыталось въ лицѣ крѣпкаго зажиточнаго крестьянства создать себѣ прочную опору противъ революціи въ деревнѣ, и надежной внутренней рынокъ для сбыта продуктовъ фабрично-заводской промышленности, хотя и внесло нѣкоторую дезорганизацию въ ряды революціоннаго крестьянства, въ общемъ и цѣломъ только еще болѣе усилило и ускорило пауперизацію широкихъ массъ деревенской бѣдноты и въ конечномъ счетѣ значительно содѣйствуетъ росту ихъ революціоннаго опыта и несомнѣнно подготавливаетъ новый еще болѣе рѣзкій взрывъ крестьянскаго движенія за "землю и волю", направленный уже не только противъ однихъ дворянъ помѣщиковъ, но и противъ той кучки сельскихъ богатѣевъ, которымъ удалось испол-

звать условия Столыпинской аграрной реформы для еще большего закабаления своих обнищавших односельцев.

3) Единственной силой, способной взять на себя руководство будущей революционной борьбой и довести ее до полной победы — достижения демократической республики, которая принесет странам высшее развитие производительных сил и даст рабочему классу возможность более широко развернуть свою борьбу за полное освобождение, за социализм, — по прежнему является Российской революционной пролетариат, при наличии энергичной поддержки его вышеступлений со стороны массового движения жаждущей земли и воли деревенской бедноты.

4) Осуществление этой великой задачи будет возможно для российского пролетариата только при том же условии, если его передовые элементы будут организованы в сильную явность своего классового сознания и своей пролетарской сплоченностью социал-демократическую политическую рабочую партию, при современных политических условиях могущую существовать, не принимая своих задач, конечно, только в форме подпольной организации, не отказывающейся при этом и от использования всяких легальных возможностей, где только такое использование является целесообразным.

5) Целый ряд крайне отрицательных фактов последнего времени: студенческие беспорядки, движение широких слоев интеллигенции и рабочих в связи со смертью Толстого, выступление московских и самарских промышленников и московских избирателей, ряд экономических стачек пролетариата и т. д. ясно показывают, что мертвая точка реакционной эпохи уже пройдена и начинается новая полоса политического оживления, которое, если значительно усложнившись за последнее время международными дипломатическими отношениями втянут Россию в какую-нибудь военную авантюру, как напр. войну с Китаем, может быстро расширяться до нового варява революционной волны и повлечет за собой целый ряд крайне сложных событий, вплоть до завершения российской революции.

6) Некоторые признаки, показывающие наличие в данный момент в странах промышленного оживления, не могут задержать общий ход российской революции и ни в коем случае не служат показателем вступления России на путь нормального буржуазного развития, ибо, будучи вызвано совпадением целого ряда исключительных обстоятельств и имея в общем довольно незначительные размеры, это оживление российской промышленности не может, при отсутствии широкого внутреннего рынка в обнищавшей деревне, продолжаться долгое время и в общем, только дает возможность широким массам пролетариата сорганизовываться на почве экономической борьбы, всегда сильно развивающейся в периоды экономического оживления и тем самым встретить новый подъем революционной волны не в распыленном состоянии.

7) Всегда идя в общем ходе российской революции, как в моменты наивысшего подъема революционной волны, так и во времена самой мрачной реакции во главе революционной демократии, главную массу которой должна составлять деревенская беднота, передовые слои российского пролетариата обязаны вести непримиримую борьбу

не только против явно реакционных сил, но и против всякой старинной либеральной буржуазии, прикрываясь маской кажущегося демократизма, войти в сдѣлку съ существующимъ правительствомъ и, получивъ для себя долю власти, обновить и подвѣсти революцію и, противъ всякихъ попытокъ принизить великія задачи пролетариата въ русской революціи и размѣнять его основныя демократическія и социалістическія требованія на мелочи путемъ полного приспособленія всей работы пролетарской партіи къ условіямъ возможности ея открытаго существованія при Столыпинскомъ режимѣ, откуда бы такія попытки ни исходили.

Мы энергично высказываемся противъ начавшагося въ нѣкоторыхъ группахъ рабочихъ Петербурга движенія въ пользу подачи петицій въ Государственную Думу по поводу гоненія и разгрома легальныхъ рабочихъ организацій. Такой способъ дѣйствій, можетъ способствовать затѣннѣнію классового пролетарскаго сознания.

1) Вносить въ широкія рабочія массы крайне вредная конституціонная иллюзія, будто Государственная Дума капиталистовъ и помѣщиковъ можетъ явиться защитникомъ пролетарскихъ интересовъ.

2) Размѣняя основное пролетарское требованіе непримиримой борьбы съ существующимъ самодержавнымъ режимомъ на мелочную борьбу за отдѣльныя права, въ данномъ случаѣ, за право свободы союзовъ, онъ порождаетъ тѣмъ самымъ новую, еще болѣе вредную иллюзію о возможности дѣйствительнаго осуществленія этихъ правъ при господствѣ современнаго правительства.

Исходя изъ вышеприведенныхъ положеній, мы считаемъ необходимымъ напомнить петербургскимъ рабочимъ славныя традиціи ихъ прошлой борьбы, тотъ фактъ, что существованіе легальныхъ рабочихъ организацій и другихъ уступокъ со стороны враговъ рабочаго класса было завоевано только путемъ всякаго рода планомерно организованнаго наступательныхъ массовыхъ дѣйствій совершенно игнорировать существующіе законы, а не черезъ чисто бумажные протесты и петиціи. Для успѣха же такихъ дѣйствій прежде всего необходимо, чтобы передовые пролетарскіе элементы обладали сильной нелегальной социал-демократической политической организаціей, а болѣе широкие слои рабочаго класса были крѣпко сплочены, смотря по возможности открытаго существованія, различными легальными и нелегальными прогрессивными союзами, на что и обязаны направить свои силы всякій, кто не на словахъ только, а на дѣлѣ хочетъ добиться права союзовъ.

Заслушавъ корреспонденцію изъ Петербурга, помѣщенную въ № 3 „Рабочей Газеты“ за подписью „Д“, совѣщаніе высказываетъ свое глубокое возмущеніе поднимъ искаженіемъ фактовъ изъ партійной жизни Петербурга.

На самомъ дѣлѣ Пет. Ком. въ Петербургѣ не существуетъ съ начала сентября, никакой резолюціи о конференціи районы вовсе не принимали и т. д.

Она своей злобой можетъ только дискредитировать въ рабочей средѣ с. д. прессу. Совѣщаніе ставитъ редакціи на видъ, чтобы она впредь была осмотри тельнѣе въ выборѣ мѣстныхъ корреспондентовъ

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛЪ

„Каковъ повъ, таковъ и приходъ“.

Въ безпартійной газетѣ „Парижскій Вѣстникъ“ было помѣщено недавно очень интересное письмо въ редакцію за подписью т. Плеханова. Въ письмѣ этомъ т. Плехановъ сообщаетъ о томъ, что до него дескать дошли слухи, будто противники нынѣшней студенческой забастовки (а таковыя оказались, къ прискорбю, даже среди „социал-демократствующихъ“) аргументировали въ своей — реакціонной, — борьбѣ противъ забастовки ссылками на мнѣніе и на авторитетъ его, т. Плеханова. Положеніе, несомнѣнно, не изъ приятныхъ, и вотъ т. Плехановъ вынужденъ „письмомъ въ редакцію“ доводить до свѣдѣнія своихъ „последователей“, что знакомство съ его сочинениями и приверженность къ его идеямъ отнюдь еще не обязываетъ ихъ играть роль штрейкбрехеровъ среди бастующаго студенчества... Правда, тов. Плехановъ и въ этомъ случаѣ не могъ обойтись безъ нѣкоторой недомолвки и оговорокъ и считать для чего-то нужнымъ упомянуть въ своемъ письмѣ, что можно де различно оцѣнивать данный способъ борьбы. Но тѣмъ не менѣе главное дѣло сдѣлано и т. Плехановъ нашелъ въ себѣ мужество выступить съ осужденіемъ тѣхъ... странныхъ выводовъ, которые были сдѣланы изъ его тактическихъ директивъ, его не въ мѣру последовательными учениками. Нельзя не приветствовать тов. Плеханова за это проявленіе гражданского мужества, столь рѣдкое, въ нашъ вѣкъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я позволю себѣ подать т. Плеханову товарищескій совѣтъ: пусть онъ пересмотритъ не только *выводы* изъ своихъ взглядовъ, но и самые *взгляды*. Быть можетъ, ему придется тогда отречься не только отъ своихъ последователей, но и отъ самого себя, покраснѣть не за ихъ дѣйствія, а за свои писанія...

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь врядъ ли можно думать, что тѣ молодые мирнообновленцы въ студенческихъ мундирчикахъ, которые ополчились противъ забастовки съ сочинениями Плеханова въ рукахъ, врядъ ли можно думать, что они сдѣлали это во имя какой-либо отдаленной „буквы“ плехановскаго „ученія“. Несомнѣнно, что они руководились его „духомъ“. А „духъ“ тактическихъ проповѣдей т. Плеханова за все время революціи (1905—1907 гг.) былъ, надо открыто признать это, весьма и весьма оппортунистическій. И все мы, кто тогда работали въ Россіи, вели агитацію среди рабочихъ, помнимъ, какъ мало пользы и какъ много вреда приносилъ т. Плехановъ своими, къ счастью, всетаки въ большинствѣ случаевъ запоздалыми изреченіями на страницахъ „Дневника Соц.-Демократа“ и „Товарища“. По поводу московскаго восстанія онъ сумѣлъ сказать лишь одно: „не надо было браться за оружіе“, — и Ленинъ справедливо намялъ тогда ему хохолокъ за это резонерское пустословіе по поводу важнѣшаго событія въ развитіи революціонной борьбы. По поводу выборовъ въ Думу, когда все практическое работники, больше того, — все сознательные рабочие, уже знали, что социал-демократія *приходится* вти не только противъ царизма, но и противъ либераловъ, т. Плехановъ изоцарился въ придумываніи для социал-демократіи „общей платформы“ съ кадетами, увѣряя насъ, будто

кавъ „по дорогѣ“ съ либеральными земцами. А все разсужденія т. Плеханова о „бездѣятности“ *слишкомъ* опредѣленныхъ въ смыслѣ классовой позиціи, *слишкомъ* социал-демократическихъ выступленій россійской рабочей партіи, развѣ это не была сплошная проповѣдь оппортунизма и мирнообновленчества? Пишущій эти строки не забылъ то жгучее чувство недовольства, — скажу больше, — стыда, да стыда! — за т. Плеханова, когда на предвыборныхъ собраніяхъ въ Петербургѣ кадетскіе ораторы торжественно извлекали изъ своихъ почти министерскихъ портфелей послѣднее „сочиненіе“ т. Плеханова и ссылались на него въ противовѣсъ официальной позиціи партіи, ссылались на него для вышшаго обоснованія своего, уже чисто-кадетскаго, оппортунизма. Къ счастью, повторю, плехановскія „директивы“, во-первыхъ, были запоздалыми и представляли собой чаще всего лишь литературный интересъ, а во-вторыхъ, политическое положеніе тогда было опредѣленно и ясно, и даже плехановская казуистика мало кого могла сбить съ толку.

Плехановъ тогда былъ попомъ безъ прихода, своего рода запятаннымъ протоіереемъ. Но какъ и подобаетъ запятанному іерею, т. Плехановъ все время мечталъ о *собственно* приходѣ и недавно обзавелся имъ, нарекиши его „плехановскимъ теченіемъ“. Каюсь, я грѣшнымъ дѣломъ, до сей поры сомнѣваясь въ реальномъ существованіи этого теченія и склоненъ былъ думать, что въ дѣйствительности все оно исчерпывается словеситеченіемъ самого Плеханова, но теперь, когда я прочиталъ письмо Плеханова по адресу его последователей, я признаю, что теченіе это реально существуетъ, — болѣе реально во всякомъ случаѣ, чѣмъ та пресловутая „вещь въ себѣ“, вопросъ о которой недавно разрѣшился Плехановымъ въ длинныхъ и тяжелыхъ, какъ тонарный фелдъ, фелетонахъ меншевицкаго органа. Плехановское теченіе существуетъ и проявляетъ себя въ борьбѣ, если не противъ царизма то противъ... студенческой забастовки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что та проповѣдь, которой предавался Плехановъ во время революціи теперь, приносить свои плоды и, памятуя, что рабочимъ „не надо было браться за оружіе“, правобѣрные прихожане плехановаго храма полагаютъ, что тѣмъ паче студентамъ не надо браться за забастовку.

Ну, и прихожане же однако у васъ, т. Плехановъ. Но вѣдь ничего не подлаещь. Не даромъ гласитъ народная пословица: „каковъ повъ, таковъ и приходъ“.

Читатель (но не почитатель).

— (((( )))) —

Партійный „звѣздоносецъ“ о своей партіи

Въ Петербургѣ выходитъ уже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ легальная газета „Звѣзда“. Такъ какъ на страницахъ ея мелькаетъ кое-что изъ марксистскихъ „звѣздъ“, напримѣръ „комета“ В. Ильинъ съ своимъ неизбѣжнымъ „хвостомъ“ Г. Зиновьевымъ и новымъ „спутникомъ“ Плехановымъ, — то позволительно думать, что эта „звѣзда“ — органъ, болѣе или менѣе принастный къ пролетарскому движенію. Это заста-

вляеть отнестись къ ней болѣе внимательно и требовательно, чѣмъ къ обычной легальной прессѣ. Вотъ почему мы не можемъ не коснуться весьма своеобразной выходки, которую „совершилъ“ В. Ильинъ на страницахъ этой газеты. Обидѣвшись на то, что Плехановско-Ленинское течение, выражаясь стариннымъ стилемъ, среди рабочихъ „не въ авантажъ обрѣтается“, В. Ильинъ началъ въ № 2 „Звѣзды“ „грозную“ статью по поводу „перехижаемого марксизмомъ кризиса“, и провозгласилъ паки и паки борьбу противъ махизма. Каждый въ правѣ, конечно, помѣшаться на чемъ ему угодно, и если В. Ильинъ не нашелъ лучшаго пункта умопомѣшательства, какъ „борьба“ противъ махизма, свѣли онъ серьезно полагаеть, что такое занятие сейчасъ наиболее нужно для партіи, это его дѣло. Мы не препятствуемъ. Но мы нравѣтъ требовать одного, — что бы легальные марксисты на страницахъ *своей* прессы не нападали на тѣхъ дѣятелей *нелегального* рабочего движенія, которые не могутъ полемизировать съ нимъ въ легальныхъ органахъ, ибо поступать иначе, значитъ пользоваться полицейско-цензурной поблажкой и „снисходительностью“ г. Столыпина для борьбы съ лѣвыми крыломъ партіи. В. Ильинъ и дѣлаетъ именно это, когда въ своей статьѣ „лѣзеть“ на „отзовистовъ“, крича объ ихъ „мелкобуржуазности“ и пр. Въдъ не можетъ же онъ не знать, что отзовисты лишены возможности отвѣчать ему на страницахъ „Звѣзды“, ибо отзовистская платформа въ ея цѣломъ не есть тема для легальной печати.

Но В. Ильинъ не ограничился этимъ. Онъ огульно опорочилъ всю партію, бездоказательно и голословно крича о распадѣ „марксистской практики“ т. е. рабочего движенія и объясняя этотъ распадъ не объективными условиями, не гнетомъ царизма и пр., а субъективнымъ злоупотребительствомъ „отзовистовъ“. В. Ильинъ не можетъ не знать, что это — вранье и что выкладывая это вранье легальной печати, онъ лишь играетъ на руку врагамъ партіи.

Такъ и вышло. Буржуазная печать (въ лицѣ одной одесской газеты) сразу вѣтпились въ лакомый кусокъ, приготовленный для нея В. Ильиничемъ. Она тоже закричала о „кризисѣ марксизма“, о „неприглядной картинѣ идейнаго измѣрчлания“, нарисованной В. Ильиничемъ, и даже выразила ему „благодарность“ за эту картину. Хорошо, В. Ильинъ, — не хорошо вамъ писать неправду о рабочей партіи и превеличивать на радость буржуазіи ея и безъ того тяжелое положеніе. Впрочемъ въдъ вы не видите тѣхъ новыхъ силъ революціоннаго марксизма, которыя выдвигаются на сцену въ лицѣ новой рабочей интеллигенціи, — вы не знаете ихъ, и, вида лишь тѣхъ, кто кругомъ васъ, вы поневолѣ приходите въ отчаяніе.

Не-отзовистъ.

Перспективы

„Легко
Умъ вѣруеть тому, чего желаетъ сердце.“

Въ № 18-19 газеты „Правда“ мы находимъ статью-манифестъ, въ которой рядомъ съ другими болѣе или менѣе важными и основными идеями

группы „Правда“ относительно текущаго политическаго момента и очередныхъ задачъ, имѣется и оцѣнка экономическихъ и политическихъ ближайшихъ перспективъ. До сихъ поръ рѣшительно никто еще съ такой безукоризненной ясностью не высказалъ точки зрѣнія *эволюціонной*, т. е. отвергающей для болѣе или менѣе близкаго будущаго всякую возможность критическаго развитія событій, остраго подъема настроенія, рѣшительныхъ формъ борьбы, признающую, наоборотъ, неизбежность длительного органическаго періода, настоятельность и возможность одной только воспитательной, политически-педагогической дѣятельности со стороны партіи.

Правда, аргументы автора очень шатки. Почти повсюду ихъ замѣняетъ нескрываемое, нетерпливое желаніе его, облегченно вздохнувши, констатировать, что, наконецъ таки, мы хоть на нѣсколько дѣтъ заживемъ по европейскому типу!

Уже съ самого начала въ общей характеристикѣ экономическаго подъема мы встрѣчаемъ категорію желательнаго вмѣсто анализа дѣйствительнаго. Авторъ статьи-манифеста заявляетъ: „Социаль-демократія не могла и не можетъ встать на ту точку зрѣнія, что экономическое развитие страны при столыпинскомъ режимѣ немислимо. Всѣ ея надежды опираются на экономическій прогрессъ, на ростъ производительныхъ силъ... При этихъ условияхъ отрицать возможность промышленнаго подъема въ столыпинской Россіи значитъ мысленно увѣковѣчивать существующія классовыя соотношенія и исключать возможность какихъ бы то ни было серьезныхъ революціонныхъ завоеваній.“

Допустимъ, что это такъ, но развѣ это аргументъ? Вообразите марксиста, который гъ силу строго объективнаго анализа экономическаго состоянія Россіи и тенденцій ея развитія пришелъ бы къ выводу, что столыпинскій режимъ является абсолютной преградой для дальнѣйшаго роста промышленности и для прогресса земледѣлія. Вообразите, что этому марксисту возражаютъ: „Но такимъ образомъ, вы должны быть пессимистомъ относительно революціонныхъ возможностей въ нашей странѣ? Вы, конечно, не захотите этого, вы немедленно измѣните результаты вашего анализа, вы немедленно признаете свои выводы ложными. Иначе вы плохой социальдемократъ!“

Я думаю, что хороший марксистъ предпочтетъ быть дурнымъ социальдемократомъ въ глазахъ т. Троцкаго и его друзей, чѣмъ заниматься оптимистической фальсификаціей дѣйствительности.

Авторъ манифеста ругаетъ всѣхъ, признающихъ политическую реакцію силой, подѣкающей всякое нормальное развитие страны, — кадетами, народниками, людьми, запутавшимися въ недоразумѣніяхъ, такъ что марксисту, не раздѣляющему убѣжденій автора, приходится искать себѣ мѣста въ одной изъ этихъ категорій.

На дѣлѣ рѣшительное большинство экономистовъ марксистскаго направленія придерживается именно той точки зрѣнія, что ожидать мало-малышки длительного и прочнаго подъема въ столыпинской Россіи нельзя.

Поставимъ автора на очную ставку хотя бы съ Череванинымъ. Надѣемся, что послѣдняго никто не заподозритъ въ особенной любви къ „стихинымъ“ всплшкамъ изголодавшихся безработныхъ и сельскихъ пауперовъ“, какъ замѣнилъ здороваго пролетарскаго движенія, въ чемъ обвиня-

няются отрицатели экономических возможностей в столянской России, ни, с другой стороны, в пессимизм, с легким сердцем ставящим крест над революционным развитием нашей родины.

Череванин, экономист осторожный, вовсе не трубит в трубы в своей последней статье („Новая Жизнь“, Март) по поводу промышленного подъема, а говорит, наоборот: „Производительность сельскохозяйственного труда у нас не растет, а падает; с особенной несомненностью это можно утверждать для огромного большинства сельскохозяйственного населения России, склинув прогрессирующий юг“.

Этот печальный факт, объясняющийся *цим-ком* курсом экономической политики нашего правительства, мы можем подтвердить недавно опубликованными Крестовниковым положительными страшными цифрами, характеризующими вывоз главного нашего продукта — ржи... До революции вывоз ее достиг 65 миллионов пудов в год, в 1908 г. вывезено было только 25 миллионов, и неслыханные урожаи 1909—10 годов подняли его лишь до 45 миллионов. В то же время вывоз ржи из Германии неуклонно, несмотря на наши урожаи, возрастает и достигт сервевой цифры — 6 с половиной миллионов пудов.

Череванин совершенно правильно (и, между прочим, в полном соответствии с идеями относительно взаимозависимости промышленности и земледелия и влияния роста железнодорожной сети на экономический прогресс, развиваемыми т. Каутским в его последних статьях в „Neue Zeit“) — указывает на то, что при отсутствии роста крестьянского рынка прочный подъем промышленности невозможен, он может лишь искусственно и ненадолго поддерживаться лихорадочным железнодорожным строительством.

Относительно самого подъема приходится констатировать, что выплавка чугуна за последние два года возросла в среднем лишь на 5%, что добыча угля неуклонно падает, что *оживление*, словом, *ничтожно* (выражение Череванина). За чѣм же нам радоваться больше самого Кокорцева величественным перспективам мирного преуспеяния России под сѣвно двуглавого орла?

Но желание заводить автора еще дальше. Ему рисуются идеалическая перспектива предметного политического преподавания „отсталому“ русскому пролетариату на примѣрах, доставляемых „центром политической жизни“ — Думой с ее социалдемократической фракцией. И вот он категорически заявляет: „Для революции промышленный подъем — неблагоприятное время. Мы почти с полной достоверностью предвидим упручение позиций наших врагов и длительный период лишь постепенного нарастания политической активности пролетариата.“

Итак, все будет идти постепенно. Потом, послѣ длительного периода, когда наш отсталый пролетариат будет хорошо подготовлен думскими и прочими партийными репетиторами, — наступит новый кризис, а с ним и революция.

Почему же это промышленный подъем должен укрѣпить позиции наших врагов? Потому, видите ли, что по метафорѣ автора — свиньи у корыта: бюрократия, дворянство и буржуазия —

тѣмъ менѣе ссорятся между собою, чѣмъ корыто полнѣе. Третье-июньскій блокъ долженъ окрѣпнуть, подъемъ долженъ развить даже блѣдно-розовыя надежды Милюкова.

Уже факты показывают, что авторъ оказался дурнымъ пророкомъ. Тотъ слабый экономический подъемъ, какой мы можемъ сейчасъ констатировать, сказался, наоборотъ, несомнѣннымъ ростомъ политической самостоятельности буржуазной оппозиции. Развѣ мы избалованы в прошломъ такими выступлениями, какъ протестъ купеческой Москвы и Волги противъ университетской политики правительства? Развѣ тонъ послѣдняго сѣзда промышленниковъ не былъ неслыханно дерзокъ? Развѣ депутатъ Жуковский не обвинялъ, при громѣ аплодисментовъ господъ капиталистовъ, какъ правительство, такъ и самую Думу въ ея нерадивости въ дѣлѣ ухудшения быта рабочихъ?

Съ другой стороны, надежды Милюкова, вопреки предсказаниямъ „Правды“, осуществляются блистательно. Доказательство — разговоръ кадетами октябристовъ въ Москвѣ.

Наконецъ, у полного корыта начинается свирѣпая грызня между свиньями одной и той же бюрократической масти. Думаешь-ли авторъ, что дѣло сводится здѣсь просто къ личнымъ неладамъ Дурново и Столыпина? Пусть онъ обратитъ вниманіе на такіе факты какъ выступленіе Витте противъ всей политики ставки на сильныхъ, паденіе Пичона и приближеніе Делькассе къ власти для болѣе бдительнаго надзора за столяпинскимъ германфильствомъ, громкій союзъ Витте и Думера для укрѣпленія англо-франко-русскихъ связей, статьи Лебука, специальнаго эмиссара французской буржуазіи, въ которыхъ констатируется въ преувеличенныхъ выраженіяхъ экономическій подъемъ, восхваляются кадеты, а правительству, въ формѣ прямо невѣжливой, дается совѣтъ проникнуться наконецъ уваженіемъ къ конституціи. Все это симптомы одного и того же порядка, все это попытки англо-французской буржуазіи, ободренной тѣнью подъема и испуганной естественными немедичными склонностями правящихъ сферъ, наладить въ России *антистолыпинскій*, пользуясь выраженіемъ графа Олсуфьева, *либерально-консервативный* блокъ.

Все это симптомы разрухи и развала въ верхахъ. И этого надо было ждать, ибо въ периодъ кризиса буржуазія трясущимися руками хватается за помощь правительства, въ периодъ подъема она проникается извѣстнымъ самосознаніемъ. Но подъемъ промелькнетъ, какъ хорошая погода поздней осенью, новый и близкій кризисъ вызоветъ новое озлобленіе. Съ такими странами, какъ Россія, исторія стихійно дѣлаетъ то самое, что дѣлаютъ, ломая проволоку: она сгибаетъ ее то направо, то налево, все болѣе разрушая ея цѣлность. Кризисъ потерялъ было свою революционную силу, превратившись въ хроническую депрессию. Незначительный подъемъ оживилъ надежды и аппетиты. Новое разочарованіе вызоветъ ярость разохтившихся промышленниковъ.

Равнымъ образомъ, намъ кажутся совершенно невѣрными расчеты автора на длительный и лишь постепенный подъемъ въ пролетариатѣ. Первая же возможность политической борьбы заставитъ пролетариатъ излить накопившееся озлобленіе въ самыхъ острыхъ формахъ.

Мы не боимся этого. Оставляя въ сторонѣ всякія росказни автора о „бунтарствѣ“, мы считаемъ

революцию лучшей воспитательницей, локомотивом истории, как говорил Маркс.

Наличности развивающихся экономических сил России мы не отрицаем, но развитие их болезненно и происходит в скрытой форме, как кипение в закрытом сосуде. Нагретая сосуд, подный водою, и закрытый герметически тяжелой крышкой, вы, пожалуй, склонны будете отрицать закон расширения тела под влиянием теплоты. Или, наоборот, ввря закону больше, чем очевидности, заявите, что крышка отнюдь не мешает расширению воды, а развѣ только чуть-чуть тормозит его. То и другое одинаково неверно: взрыв, который разобьет крышку, докажет вам неправоту обеих гипотез.

Кромѣ того, даже съ любимой авторомъ политико-педагогической точки зрѣнія лучшимъ воспитательнымъ методомъ для России является — неуклонно готовиться къ наступлению красныхъ дней. Не ждѣть ихъ пассивно, сложа на мучеи груди пока праздныя руки, а *дѣятельно* къ нимъ готовиться. Таковъ общій принципъ тактики, которую, въ отличіе отъ „Правды“, рекомендуетъ группа „Впередъ“. Естественно, что мы разойдемся и во многихъ деталяхъ.

Разумѣется, это расхождение не мешаетъ намъ оставаться сотрудниками и добрыми товарищами по партіи, не мешаетъ намъ дружно стремиться къ выработкѣ тактики единой и общеобязательной.

А. О.

Заявленіе женеваго идейнаго кружка большевиковъ

Женевакій Идейный Кружокъ Большевиковъ неоднократно протестовалъ противъ систематической практикуемаго на страницахъ Ц. О. способа полемикъ, сущность котораго сводится къ сознательному искаженію дѣйствительности, клеветѣ на противниковъ, чтобы компрометировать ихъ предъ лицомъ той или другой части партіи и тѣмъ самымъ мешать союзной работѣ различныхъ теченій въ Партіи.

Наши протесты, какъ и многие другіе, редакция Ц. О. всегда замалчивала. И только въ № 21—22 Ц. О. мы встрѣили имя нашего кружка. Въ статьѣ „Разрушители Партіи“ недовольный нашими резолюціями, осуждающими фракціонную политику Ц. Учр. Партіи и тѣмъ, что редакция Голоза С.-Д. помѣстила ихъ въ одномъ изъ приложений къ „Г. С.-Д.“, Ц. Органъ пишетъ о насъ,

какъ о „Женевакихъ отзовистахъ“, называющихся „Идейнымъ Кружкомъ Большевиковъ“.

По этому поводу мы считаемъ нужнымъ предъ лицомъ всей партіи заявить, что нашъ кружокъ за время своего трехлѣтняго существованія ни разу не принялъ ни одной отзовистской резолюціи и никогда не имѣлъ въ своей средѣ не только большинства, но даже болѣе или менѣе солиднаго меньшинства отзовистовъ. Представители этого течения временами насчитывались только единицами и совершенно не вліяли на политическія выступленія кружка. Мы утверждаемъ, что редакция Ц. О. очень хорошо знаетъ фракціонный составъ кружка и кличка отзовистовъ приѣмляется ей исключительно изъ извѣстныхъ фракціонныхъ соображеній. Мы констатируемъ новый этапъ въ полемикѣ Ц. О. Если раньше искажали идеологию того или другого течения, клеветали на противника, прикрывались теоретическаго и практическаго характера соображеніями, то теперь беззащитно лгутъ, не заботясь ни о какихъ прикрытіяхъ и не считаясь не только съ партійной, но и буржуазной моралью. Ц. О. хорошо знаетъ, что въ кружокъ входятъ даже многие ленинцы.

Товарищи, клеветническая полемикѣ Ц. О. дол женъ быть положенъ конецъ. Мы надѣемся, что дружные протесты товарищей заставятъ зарвавшуюся редакцію Ц. О. прекратить подобнаго сорта „полемику“.

Съ товарищескимъ привѣтомъ

Секретарь Валеріанъ.

Женева, 13 апр. 1911 г.

Въ видѣ исключенія даемъ мѣсто въ сборникъ заявленію Идейнаго Кружка Большевиковъ въ Женевѣ. Мы нѣсколько разъ уже отказывались печатать протесты этого кружка противъ Ц. О., стараясь избѣгать лишней склоки, но мы уступаемъ настоячивости женевакихъ товарищей на этотъ разъ. Впредь же просимъ товарищей отвѣчать на выходки Ц. О. презрительнымъ молчаніемъ.

Еще два слова: напрасно товарищи-женевцы такъ боится обвиненія въ отзовизмѣ. Пусть Ленинъ считаетъ это весьма обидною кличкой — для насъ это только названіе вполне законнаго течения въ нашей партіи.

Редакция.

Товарищъ Домовъ проситъ насъ сообщить, что, начиная съ настоящаго сборника, онъ не принимаетъ болѣе никакого участія въ изданіяхъ группы „Впередъ“.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Редакция. — Впередь! 2) С. В. — Студенческое движеніе. 3) Сгольръ. — Ко второму съѣзду фабрично-заводскихъ врачей. 4) Воиновъ. — О Толстомъ. 5) Арсеневъ (печатникъ). Къ вопросу объ экономическомъ положеніи. 6) — въ Латинская социалъдемократія и легализаторство. 7) Петръ Ал. — Что говорить социалисты-революционеры и социалъдемократы о законѣ 9-го ноября? 8) С. В. — Петиціонная кампанія. 9) В. — Маленькая замѣтка. 10) А. Луначарскій. — Международное положеніе. Радикаль-соціалісты у власти. 11) К. Каутскій. — Писмо К. Каутскаго совѣту второй партійной школы. 12) Безработный. — Свѣтлой памяти Марата. 13) Старый другъ. — Стихотвореніе — На смерть Марата. 14) И. Безработный. — У могилы Зингера. 15) Г. Выборжскій. — Петербургъ, Выборгская Страна. 16) Матросъ. — Писмо Матроса. 17) Резолюція совѣщанія представителей петербургскихъ социалъдемократическихъ районовъ. *Дискуссионный отдѣлъ*: 18) Читатель (но не почитатель) — „Каковъ попь, таковъ и приходъ.“ 19) Не-отзовистъ. — Партійный „звѣздоносецъ“ о своей партіи. 20) А. О. — Перспективы. 21) Заявленіе женеваго идейнаго кружка большевиковъ.